ПРЕЦЕДЕНТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В НОМЕРЕ:

Бузаджи против Республики Молдова 2
[Buzadji v. Republic of Moldova] (жалоба № 23755/07)

По делу обжалуется отсутствие относимых и достаточных мотивов предварительного заключения помимо наличия разумного подозрения в совершении преступления.

Муршич против Хорватии 24
[Muršić v. Croatia] (жалоба № 7334/13)

По делу обжалуется ограниченность личного пространства в переполненной тюремной камере.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК №5 / 2017

ISSN 2411-5231

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Научное электронное
периодическое издание

Прецеденты Европейского Суда
по правам человека. Специальный
выпуск № 5 / 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ
ЭЛ № ФС77-58098 от 20 мая 2014 г.,
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Учредители
ООО «Развитие
правовых систем»,
Ю.Ю. Берестнев,
Д.Ю. Давыдов

Редакция и издатель
ООО «Развитие
правовых систем»

Главный редактор
Е.А. Поворова

**Дата подписания
к использованию**
29.09.2017 г.

Перевод текстов
Ю.Ю. Берестнев

Адрес редакции
127050 г. Москва,
ул. Сущевская, д. 12, стр. 1
Тел.: +7 (499) 350–0015
E-mail: info@echr.today
www.echr.today

Объем выпуска 1.0 Мб

**Минимальные системные
требования**
Windows 2000/XP;
процессор с частотой 2,0 ГГц;
512 Мб ОЗУ;
20 Мб свободного места
на жестком диске

Свободная цена

Перепечатка материалов,
а равно иное использование
в коммерческих и некоммерческих
целях возможны только
с письменного разрешения
редакции.
Мнение редакции может
не совпадать с точкой зрения
авторов статей и аналитических
материалов.

© «Прецеденты
Европейского Суда
по правам человека», 2017
© ООО «Развитие
правовых систем», 2017

В оформлении дизайна издания
используется символика Совета
Европы и Европейского Суда
по правам человека
© Совет Европы / Архитектура:
Партнерство Ричарда Роджерса
(Richard Rogers Partnership)
(Европейский Суд по правам
человека)

Уважаемые читатели!

Право на личную свободу находится, по мнению Европейского Суда, «в первой шеренге основных прав, которые защищают физическую неприкосновенность личности». Именно поэтому Европейским Судом особое внимание уделяется процессуальным вопросам ограничения/лишения свободы, а также срокам и фактическим условиям, в которых находится физическое лицо, ограниченное в свободе на основании закона. При этом Европейский Суд исходит из того, что у органов власти должны быть такие разумные подозрения в отношении лица, которые, будучи выраженными в общественных интересах и несмотря на презумпцию невиновности личности, «перевешивают принцип свободы личности». Вместе с тем условия содержания лица под стражей, непосредственно личное пространство, в котором оно находится, являются важным фактором для оценки Европейским Судом того, не нарушают ли они право лица на уважение его человеческого достоинства.

Бузаджи против Республики Молдова
[Buzadji v. Republic of Moldova] (жалоба № 23755/07)
По делу допущено нарушение требований статьи 5 Конвенции.

По делу обжалуется отсутствие относимых и достаточных мотивов для предварительного заключения, кроме наличия разумного подозрения в совершении преступления.

В данном деле Европейский Суд счел необходимым дать толкование обоснованию длительности содержания под стражей заявителя, обвинявшегося в обмане государственной компании, руководителем которой он являлся, был задержан в мае 2007 года и заключен под стражу на время судебного разбирательства. Срок его содержания под стражей несколько раз продлевался до июля 2007 года, когда суды Республики Молдова удовлетворили его ходатайство о переводе под домашний арест. Заявитель оставался под домашним арестом до марта 2008 года, когда он был освобожден под залог.

Согласно второй части пункта 3 статьи 5 Конвенции прецедентная практика Европейского Суда предусматривает, что сохранение разумного подозрения является условием *sine qua non* для действительности продолжения заключения, но по «истечении определенного срока» оно перестает быть достаточным, поэтому требуется наличие других «относимых и достаточных» причин для содержания под стражей. Рассматривая данное дело, Европейский Суд отметил, что от компетентных судебных органов требуется приведение «относимых и достаточных причин» для длительного содержания под стражей, «если не сразу, то по истечении нескольких дней после задержания».

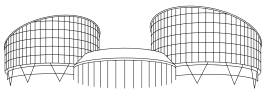
Муршич против Хорватии [Muršić v. Croatia] (жалоба № 7334/13)
По делу допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции в отношении содержания заявителя под стражей.

По делу обжалуется ограниченность личного пространства заявителя в переполненной тюремной камере.

Заявитель в настоящем деле жаловался на недостаточность личного пространства в тюрьме, которое периодически не достигало 3 кв. м. При изучении вопроса об адекватности предлагаемого для нахождения в условиях ограничения свободы пространства необходимо иметь в виду подход, выработанный в практике Европейского Суда. По его мнению, «серьезная презумпция нарушения обычно может быть опровергнута только при наличии совокупности следующих факторов: уменьшение требуемого минимального личного пространства в 3 кв. м было кратким, случайным и незначительным, эти уменьшения сопровождались достаточной свободой передвижения вне камеры и адекватной деятельностью вне камер, заявитель содержался в месте, которое с общей точки зрения являлось соответствующим местом заключения, и отсутствовали другие отягчающие аспекты условий его содержания под стражей».

В настоящем деле Европейский Суд признал нарушением лишь один период содержания заявителя под стражей, продолжавшийся 27 дней. Европейский Суд пришел к выводу, что «условия содержания его под стражей причинили ему лишения, превышающие неизбежный уровень страданий заключенного под стражу лица, а значит, представляли собой унижающее достоинство обращение, запрещенное статьей 3 Конвенции».

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА



EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

Дело «Бузаджи (Buzadji) против Республики Молдова»[1]

(Жалоба № 23755/07)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ[2]

г. Страсбург, 5 июля 2016 г.

По делу «Бузаджи против Республики Молдова» Европейский Суд по правам человека (Большая Палата), заседая в составе:

Гвидо Раймонди, *Председателя Палаты*,
Андраша Шайо,
Ишиль Каракаш,
Ангелики Нуссбергер,
Дмитрия Дедова,
Леди Бианку,
Ноны Цоцория,
Нейбоши Вучинича,
Винсента А. де Гаэтано,
Эрика Мёсе,
Пола Махони,
Кшиштофа Войтычека,
Валерия Грицко,
Фариса Вехабовича,
Роберта Спано,
Бранко Лубарда,
Йонко Грозева, *судей*,

а также при участии Сёрена Пребенсена, *заместителя Секретаря Большой Палаты*,

рассмотрев дело в открытых слушаниях 7 октября 2015 г. и 4 мая 2016 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 23755/07, поданной против Республики Молдова в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Республики Молдова Петру Бузаджи (*Petru Buzadji*) (далее – заявитель) 29 мая 2007 г.

2. Интересы заявителя представлял Ф. Нагачевский (*F. Nagacevschi*), адвокат, практикующий в г. Кишинёве. Власти Республики Молдова были представлены Уполномоченным Республики Молдова при Европейском Суде Л. Апостолом (*L. Apostol*).

3. Заявитель утверждал, в частности, что его содержание под стражей до суда не имело достаточного и соответствующего обоснования, как того требует пункт 3 статьи 5 Конвенции.

4. Жалоба была направлена в Третью Секцию Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). Постановлением от 16 декабря 2014 г. Палата этой Секции большинством своим объявила жалобу приемлемой для рассмотрения по существу и большинством голосов постановила, что имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции. Палата Суда заседала в следующем составе: Йозепа Касадеваля, Председателя Секции, Луиса Лопеса Герра, Яна Шикуты, Драголюба Поповича, Кристины Пардалос, Валерия Грицко и Юлии Антоанеллы Моток, судей, а также Стивена Филлипса, Секретаря Секции Суда. Четверо судей (Йозеп Касадеваль, Луис Лопеса Герра, Драголюб Попович и Юлия Антоанелла Моток) представили особые мнения. 16 марта 2015 г. власти государства-ответчика ходатайствовали о пересмотре дела в Большой Палате Европейского Суда в соответствии со статьей 43 Конвенции. 20 апреля 2015 г. коллегия Большой Палаты Суда удовлетворила это ходатайство.

5. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Суда. На заключительных прениях судьи Дмитрий Дедов и Роберт Спано заменили судей Дина Шпильманна и Георга Николау, которые не смогли принять участие в дальнейшем рассмотрении дела (пункт 3 правила 24 Регламента Суда).

6. Заявитель и власти Республики Молдова представили в Европейский Суд свои дополнительные письменные объяснения по существу дела (пункт 1 правило 59 Регламента Суда).

7. Открытое заседание по делу было проведено во Дворце прав человека в г. Страсбург 7 октября 2015 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

В Европейском Суде выступили:

(a) со стороны властей Республики Молдова:

Л. Апостол, Уполномоченный Республики Молдова;

(b) со стороны заявителя:

Ф. Нагачевский, адвокат.

[1] Перевод с английского языка Ю.Ю. Берестнева.

[2] Настоящее Постановление вступило в силу 5 июля 2017 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (примеч. редактора).

Европейский Суд выслушал обращения указанных лиц, а также их ответы на вопросы судей.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявитель родился в 1947 году в г. Комрате (*Comrat*), Республика Молдова.

A. ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В ОТНОШЕНИИ ЗАЯВИТЕЛЯ

9. Заявитель являлся миноритарным акционером и генеральным директором государственной компании (в которой государству принадлежало 82% акций) из южной части Республика Молдова, поставляющей сжиженный газ. В июле 2006 года в отношении заявителя было возбуждено уголовное дело в связи с предполагаемой неудачной попыткой мошенничества, связанного с его деятельностью в компании. В частности, заявитель обвинялся в том, что в период с 2000 по 2006 год он разработал схему с участием импорта сжиженного газа из Казахстана и Украины, в результате чего компания понесла значительные финансовые потери. Согласно материалам обвинения, вместо покупки газа непосредственно у производителей, заявитель обратился к услугам посреднических компаний, что привело к значительному росту цены на газ. Эти посреднические компании также имели отношение к сыновьям заявителя. Позже, когда компании заявителя было предъявлено исковое заявление от посреднических компаний на сумму 594 067 долларов Соединенных Штатов Америки плюс комиссия за просрочку, заявитель в ходе судебного производства по делу признал эту задолженность.

10. В связи с этим в июне 2006 года заявитель был вызван в следственные органы для дачи показаний. В свою защиту заявитель утверждал, что его компания не могла покупать газ непосредственно у производителей, поскольку минимальное количество, которое производители соглашались продавать, превышало потребности его компании за пять лет. Следовательно, его компания просто не могла приобрести необходимый объем газа непосредственно у производителей. Кроме того, производители работали только на условиях 100% предоплаты, а его компания не имела свободных средств. Он утверждал, что все внутригосударственные импортеры газа использовали тот же метод импорта газа и что цена на газ, приобретаемый его компанией, была ниже, чем на свободном внутреннем рынке. Он также утверждал, что ценовая разница между ценой от производителей и ценой, которую платила его компания, объяснялась транспортными издержками, сертификацией, обработкой, страхованием и другими факторами. Он также отрицал участие его сыновей в деятельности посреднических компаний.

11. Заявителя вызывали для дачи показаний несколько раз, в каждом случае он являлся в следственные органы и сотрудничал с ними. В октябре 2006 года в доме заявителя был произведен обыск, был конфискован его персональный компьютер и изъяты различные документы. Из материалов дела не следует, что имели место какие-либо случаи, когда заявитель отказывался исполнять требование следователей и/или что его когда-либо обвиняли в препятствовании расследованию.

12. Сыновья заявителя, которые также являлись подозреваемыми в уголовном деле и которым впоследствии были предъявлены обвинения, были вызваны в следственные органы и не были задержаны. Позже в отношении заявителя были возбуждены 14 различных дел, и все они были объединены в одно производство.

B. ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛУ, КАСАЮЩЕЕСЯ СОДЕРЖАНИЯ ЗАЯВИТЕЛЯ ПОД СТРАЖЕЙ

1. Содержание под стражей в порядке предварительного заключения (*arestarea preventivă*)

13. 2 мая 2007 г. заявитель был задержан, и 5 мая 2007 г. ему было официально предъявлено обвинение в попытке незаконного присвоения значительной части продукции, принадлежащей компании, в которой он работал, а именно в связи с фактами, изложенными в § 9 настоящего Постановления. В тот же день прокурор, который вел это дело, представил в Суд района Буюкань (*Buiucani*) г. Кишинева ходатайство о выдаче постановления на применение к заявителю меры пресечения в виде заключения под стражу в течение 30 дней по следующим основаниям: серьезность правонарушения, риск оказания давления на свидетелей, а также риск совершения повторного правонарушения.

14. Заявитель возражал против обвинения и утверждал, что отсутствовало обоснованное подозрение в том, что он совершил преступление. В частности, он утверждал, что уголовное дело в отношении него было ничем иным, как средством влияния на исход предстоящего гражданского судопроизводства, касающегося задолженности государственной компании и компаний-посредников. В любом случае основания, на которые ссылался прокурор, были шаблонными, и прокурор не объяснил основания своей убежденности в том, что заявитель попытается оказать давление на свидетелей или совершить новое правонарушение. Заявитель утверждал, что он был известным человеком в регионе, проработал в своей компании более 30 лет. У него было постоянное место жительства, он сотрудничал со следствием с июля

2006 года и не пытался скрыться или воспрепятствовать расследованию. Кроме того, он ссылался на свой возраст и плохое состояние здоровья, заявив, что перенес сердечный приступ и инсульт.

15. 5 мая 2007 г. Суд района Буюкань г. Кишинева частично поддержал ходатайство прокурора и санкционировал содержание заявителя под стражей до суда на срок 15 суток. Суд постановил, что:

> «…деяние, в котором обвиняется заявитель, считается особо тяжким преступлением, которое предусматривает содержание правонарушителя под стражей до суда. [Суд] учитывает характер и серьезность правонарушения, а также сложность дела, и считает, что на данном начальном этапе расследования имеются разумные основания полагать, что обвиняемый может вступить в сговор с другими лицами (своими сыновьями, которые не были допрошены), с целью выработать общую позицию.
>
> Другие основания, на которые ссылается прокурор, а именно риск того, что он скроется и окажет давление на свидетелей или уничтожит доказательства, не являются обоснованными и маловероятны».
>
> 16. Заявитель обжаловал это постановление, утверждая, что отсутствовало обоснованное подозрение в том, что он совершил преступление. Он напомнил свое предыдущее заявление о том, что уголовное производство преследовало скрытую цель оказать влияние на исход предстоящего гражданского судопроизводства между компанией, в которой он работал, и третьей компанией. Он также утверждал, что основание, приведенное судом для его помещения под стражу в порядке предварительного заключения, а именно риск того, что он вступит в сговор со своими сыновьями, не упоминалось прокурором. Более того, двум его сыновьям не было предъявлено обвинение, и в любом случае, если бы они хотели это сделать у них было достаточно времени для сговора в период с июля 2006 года, когда они впервые узнали о расследовании, по май 2007 года. Заявитель также ссылался на плохое состояние здоровья и указывал, что являлся известным человеком, имеющим семью, постоянное место жительства и работу в Республике Молдова, что он являлся в следственные органы каждый раз, когда его вызывали в период с июля 2006 года по май 2007 года.
>
> 17. 8 мая Апелляционная палата г. Кишинева оставила постановление от 5 мая 2007 г. без изменения, сославшись на те же основания, которые привел суд предыдущей инстанции, не указав никаких причин для отклонения доводов, приведенных заявителем.
>
> 18. 11 мая 2007 г. прокурор, который вел дело, ходатайствовал перед судом о продлении срока содержания заявителя под стражей до 30 суток. Он ссылался на такие основания, как тяжесть преступления, риск совершения нового преступления, а также риск того, что заявитель мог скрыться.
>
> 19. Заявитель возражал, утверждая, что отсутствовало обоснованное подозрение в том, что он совершил преступление и не было оснований полагать, что окажет давление на свидетелей, которые уже были допрошены. Заявитель также подчеркнул, что до своего задержания он активно сотрудничал со следствием, а также что у него было постоянное место жительства. В связи с этим заявитель просил суд изменить меру пресечения в виде содержания под стражей на менее строгую. Один из его адвокатов просил суд избрать менее строгую меру пресечения, например, домашний арест, вместо содержания под стражей.

20. 16 мая 2007 г. Суд района Буюкань г. Кишинева продлил срок содержания заявителя под стражей до 20 суток. После повторного изложения позиций сторон и ссылки на применимые положения законодательства, суд постановил, что:

> «…основания, по которым применена превентивная мера [содержание под стражей], все еще остаются в силе, большинство следственных действий было проведено, но ряд дополнительных мер, требующих участия [заявителя], по-прежнему необходимы для направления дела в суд первой инстанции. Суд считает, что ходатайство со стороны защиты о замене меры пресечения является преждевременным, принимая во внимание серьезность и сложность дела, необходимость защиты общественного порядка и общественных интересов, а также обеспечение последовательного и объективного хода расследования».

21. Заявитель подал кассационную жалобу, приведя в качестве основания те же доводы, что и ранее.

22. 22 мая 2007 г. Апелляционная палата г. Кишинева оставила постановление от 16 мая 2007 г. без изменения. По существу Апелляционная палата сослалась на те же основания, что и в постановлении от 8 мая 2007 г., а именно на тяжесть совершенного преступления и сложность дела, риск того, что заявитель может скрыться или оказать давление на свидетелей, риск уничтожения письменных доказательств, которые еще не были собраны прокурорами.

23. 1 июня 2007 г. прокурор, который вел дело, ходатайствовал о продлении срока содержания заявителя под стражей в порядке предварительного заключения еще на 30 суток. Он утверждал, что дело было сложным и что в контексте того же судопроизводства против заявителя были выдвинуты новые обвинения: теперь ему были предъявлены обвинения в злоупотреблении своим положением и превышении своих полномочий. Как и ранее, прокурор считал, что продление срока содержания под стражей было необходимо для того, чтобы избежать риска оказания заявителем давления на свидетелей и риска совершения нового правонарушения.

24. Заявитель возражал и ходатайствовал о замене меры пресечения в виде содержания под стражей на менее строгую. Он привел то же обоснование, что и раньше, и утверждал также, что его состояние здоровья существенно ухудшилось в период содержания под стражей и ему необходима медицинская помощь.

25. 5 июня 2007 г. Суд района Буюкань г. Кишинева продлил срок содержания заявителя под стражей в порядке предварительного заключения еще на 20 суток, указав, что основания для непрерывного содержания заявителя под стражей сохраняли свою актуальность

26. Заявитель подал кассационную жалобу, утверждая, *inter alia*, что сложность дела, на которую ссылался прокурор, возникла после преднамеренного отказа последнего провести аудиторскую проверку компании или опросить свидетелей, указанных заявителем. Он также оспаривал утверждение, касавшееся тяжести вмененного ему в вину преступления, отметив, что его обвиняли в попытке совершить преступление, а не в совершении преступления. Заявитель утверждал, что компания не понесла фактических потерь и что суд не принял во внимание индивидуальные обстоятельства обвиняемого.

27. 11 июня 2007 г. Апелляционная палата г. Кишинева оставила постановление суда нижестоящей инстанции без изменения, постановив, что оно было вынесено в соответствии с законодательством. Палата также отметила, что заявитель обвинялся в особо тяжком преступлении, предусматривающем наказание в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет, и что расследование еще продолжается. Палата постановила, что, в случае освобождения заявитель может скрыться или оказать давление на свидетелей.

28. 21 июня 2007 г. прокурор, ведущий дело, вновь ходатайствовал о продлении срока содержания заявителя под стражей еще на 30 суток.

29. Заявитель возражал на том основании, что отсутствовали какие-либо причины полагать, что он мог скрыться или оказать давление на свидетелей. Заявитель подчеркнул, что в течение длительного времени прокурором не проводилось каких-либо следственных мероприятий и что расследование было практически завершено. Заявитель еще раз напомнил, что он имеет постоянное место жительства и он согласился являться к следователям, когда это необходимо. Он предоставил медицинское заключение от 18 июня 2007 г., согласно которому, *inter alia*, у него были диагностированы гипертония и небольшой паралич правой ноги вследствие инсульта. Врач рекомендовал ему пройти лечение в неврологической клинике. Заявитель просил суд отклонить ходатайство прокурора и применить менее строгие превентивные меры, такие как условное освобождение или домашний арест.

30. 26 июня 2007 г. Суд района Буюкань г. Кишинева отклонил ходатайство прокурора и удовлетворил просьбу заявителя, постановив, чтобы он находился под домашним арестом в течение 30 суток. Суд постановил, что:

> «…Заявитель находился под стражей в течение 55 суток и участвовал во всех необходимых следственных действиях …Пункт 3 статьи 5 Конвенции предусматривает презумпцию того, обвиняемый должен быть освобожден до суда … определенные доказательства, которые ранее могли быть достаточными для оправдания [содержания под стражей] или для того, чтобы сделать альтернативные превентивные меры необоснованными, со временем могли стать менее убедительными …Именно прокурор должен доказать наличие риска того, что заявитель может скрыться, и такой риск не может быть доказан только ссылкой на серьезность возможного наказания [суд сослался на медицинское проблемы заявителя, на его возраст, отсутствие судимости, наличие постоянного места жительства и статус женатого человека]. Согласно прецедентной практике [Европейского Суда] содержание под стражей до суда должно являться исключительной мерой, всегда быть объективно обоснованной и соответствовать общественным интересам. Суд считает, что крайне неправдоподобно, что [заявитель] может скрыться, оказать давление на свидетелей или уничтожить доказательства, и что нормальный ход уголовного расследования возможен, пока заявитель будет находиться под домашним арестом».

Суд района Буюкань г. Кишинева установил следующие условия для домашнего ареста заявителя: запрет покидать дом, запрет на пользование телефоном, запрет на обсуждение его дела с любым третьим лицом.

31. Заявителя немедленно доставили домой, где он находился три дня. Однако прокурор обжаловал вышеупомянутое постановление и привел в качестве одного из оснований для продолжения содержания заявителя под стражей тот факт, что заявитель отказался признаться в совершении преступления, вмененного ему в вину.

32. 29 июня 2007 г. Апелляционная палата г. Кишинева отменила постановление от 26 июня 2007 г. и вынесла новое постановление, санкционирующее содержание заявителя под стражей до суда в течение 20 суток. Апелляционная палата г. Кишинева постановила, что:

> «…суд нижестоящей инстанции не принял во внимание сложность дела и тяжесть преступления, которое вменяется в вину [заявителю]. Суд считает, что, находясь под домашним арестом, [заявитель] может общаться с сообщниками, которые не находятся под домашним арестом, и которые, более того, являются его сыновьями, он может скрыться, сбежав в [самопровозглашенную и непризнанную Приднестровскую Молдавскую Республику], которая не находится под контролем молдавских властей. Он мог оказать давление на свидетелей, чтобы заставить их изменить свои показания. Заявителя посещали врачи, и он мог получить медицинскую помощь, находясь в тюрьме».

33. 11 июля 2007 г. прокурор, который вел дело, повторно ходатайствовал перед судом о продлении срока содержания заявителя под стражей. Он привел те же доводы, что и ранее.

34. 16 июля 2007 г. Суд района Буюкань г. Кишинева продлил срок содержания заявителя

под стражей до суда на 20 суток. Суд еще раз обосновал это тем, что заявитель обвинялся в совершении тяжкого преступления и что он мог скрыться или воспрепятствовать проведению расследования.

35. Заявитель подал жалобу, приведя те же доводы, что и ранее.

2. Домашний арест (*arestarea la domiciliu*)

36. 20 июля 2007 г. Апелляционная палата г. Кишинева отменила постановления суда предыдущей инстанции и вынесла новое постановление, изменив превентивную меру на домашний арест. Апелляционная палата г. Кишинева постановила, что:

> «прокурор не представил никаких доказательств, подтверждающих необходимость в содержании [заявителя] под стражей, не предоставил дополнительных материалы, подтверждающих вероятность того, что [заявитель] мог оказать давление на свидетелей, которые уже были заслушаны. [Заявитель] обещает являться в следственные органы каждый раз, когда это будет необходимо, и отсутствует какая-либо конкретная информация о каком-либо риске того, что он может скрыться».

Суд также запретил заявителю общаться с лицами, которые были каким-либо образом связаны с его уголовным делом, и покидать свой дом, а также обязал его звонить в прокуратуру каждый день.

37. 14 сентября 2007 г. Суд района Комрат рассмотрел ходатайство прокурора о продлении домашнего ареста на 90 суток. Заявитель не возражал против продления домашнего ареста при условии, что меры, касающиеся ограничения его общения с родственниками, будут сняты. Суд удовлетворил ходатайство прокурора и постановил продлить срок домашнего ареста на 90 суток. Суд также удовлетворил ходатайство заявителя и снял ограничения на его общение с родственниками. Единственным доводом, приводимым судом, была тяжесть преступления, вмененного заявителю в вину.

38. 14 декабря 2007 г. Суд района Комрат вновь продлил срок домашнего ареста заявителя на 90 суток. Единственным доводом, приводимым судом, была тяжесть преступления, вмененного в вину заявителю. Заявитель не возражал против продления, если ему разрешат посетить больницу и суд для ознакомления с материалами дела.

39. В неустановленную дату заявитель подал в Суд района Комрат ходатайство о *habeas corpus*[1] с просьбой изменить меру пресечения с домашнего ареста на временное освобождение или освобождение под залог. Он утверждал, что никогда не нарушал правил домашнего ареста и что он и дальше будет выполнять все предписания следственных органов.

40. 12 марта 2008 г. Суд района Комрат принял решение об освобождении заявителя под залог, отметив, что он находился под домашним арестом более десяти месяцев и никогда не нарушал ограничений, наложенных на него.

C. ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ ЗАЯВИТЕЛЯ

41. 9 июня 2011 г. с заявителя были сняты все обвинения, в связи с которыми он содержался под стражей и находился под домашним арестом в период со 2 мая 2007 г. по 12 марта 2008 г. Суд установил, что не было совершено какого-либо правонарушения в отношении фактов, вмененных заявителю в вину. В то же время заявитель был оправдан по 13 другим обвинениям, предъявленным ему, и был признан виновным по одному пункту, а именно в незаконной продаже сжиженного газа, который был конфискован судебным приставом, и в связи с этим правонарушением заявитель был приговорен к штрафу в размере 20 000 молдавских лей (приблизительно 1 000 евро). Ни заявитель, ни прокурор не обжаловали данное решение, которое стало окончательным. Сыновья заявителя были оправданы.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

42. В варианте, действовавшем в рассматриваемое время, положения Уголовно-процессуального кодекса Республики Молдова предусматривали следующее:

> «…**Статья 166. Основания для задержания лица, подозреваемого в совершении уголовного преступления**
>
> (1) Орган уголовного преследования вправе задержать лицо, если имеются разумные подозрения в совершении преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок более одного года, лишь в следующих случаях, если:
>
> 1) лицо было задержано на месте преступления;
>
> 2) свидетель, или пострадавший, прямо указывают на данное лицо как на лицо, совершившее преступление;
>
> 3) на теле или одежде, в доме или в транспортном средстве подозреваемого обнаружены явные следы преступления…
>
> (5) Задержание лица по основаниям, предусмотренным настоящей статьей, не может превышать 72 часов…
>
> (7) Лицо, задержанное по основаниям, предусмотренным настоящей статьей, должно быть доставлено в наикратчайший срок с момента задержа-

[1] *Habeas corpus* (лат.) – право арестованного быть доставленным в суд для пересмотра решения об избрании меры пресечения (*примеч. переводчика*).

ния, но до истечения срока, указанного в пункте (5) …к судье уголовного суда с тем, чтобы последний мог принять решение по вопросу о применении к нему или к ней меры пресечения в виде заключения под стражу или об освобождении…

Статья 175. Понятие и виды мер пресечения

(1) Мерами пресечения являются принудительные меры, применяемые к подозреваемому или обвиняемому в совершении уголовного преступления для предотвращения совершения им определенных действий, направленных против осуществления уголовного производства…

(3) Мерами пресечения могут быть:

1) подписка о невыезде из города;

2) подписка о невыезде из страны;

3) личное поручительство;

4) поручительство организации;

5) временное лишение водительских прав…

8) временное освобождение под судебный контроль;

9) временное освобождение под залог;

10) домашний арест;

11) заключение под стражу.

Статья 176. Основания для применения мер пресечения

(1) Меры пресечения могут применяться прокуратурой или судебной инстанцией только в тех случаях, если имеются достаточные разумные основания полагать, что обвиняемый… может скрыться, воспрепятствовать установлению истины в уголовном процессе, совершить другие преступления, или они также могут применяться судебной инстанцией для обеспечения исполнения приговора…

(3) При принятии решения о необходимости применения соответствующей меры пресечения прокуратура или судебная инстанция принимают во внимание наряду с прочим следующие дополнительные критерии:

1) характер и степень вреда, причиненного вменяемым действием;

2) характеристику…обвиняемого;

3) его/ее возраст и состояние здоровья;

4) его/ее род занятий;

5) его/ее семейное положение и наличие любых иждивенцев;

6) его/ее материальное положение, доходы, владение имуществом или иной собственностью;

7) наличие постоянного места жительства;

8) другие существенные обстоятельства…

Статья 185. Мера пресечения в виде заключения под стражу

(1) Мера пресечения в виде заключения под стражу состоит в содержании подозреваемого под стражей в местах и условиях, определенных законом…».

43. В соответствии со статьей 188 Уголовно-процессуального кодекса домашний арест может быть применен к обвиняемому только в случае, если соблюдены условия, позволяющие избрать меру пресечения в виде заключения под стражу, и регулируются нормами, применимыми к заключению под стражу. В связи с этим длительность и порядок применения, продления срока и обжалования меры пресечения в виде домашнего ареста подобны тем, которые применяются к предварительному заключению под стражу. Мера в виде домашнего ареста предусматривает одно или несколько ограничений, таких как запрет покидать дом, запрет на пользование телефоном, почтой или другими средствами связи, а также запрет на общение с определенными лицами или на то, чтобы встречаться с ними в своем доме. На подозреваемого могут быть возложены такие обязанности, как ношение электронных устройств, предназначенных для его или ее контроля, ответы на сигналы контроля или делать контрольные телефонные звонки с целью контроля и личная явка в следственный орган или судебную инстанцию, в случае необходимости. В случае, если подозреваемый не соблюдает установленные ограничения и обязанности, мера пресечения в виде домашнего ареста может быть заменена на заключение под стражу.

44. В соответствии со статьей 88 Уголовного кодекса и статьей 395 Уголовно-процессуального кодекса время, проведенное под домашним арестом, вычитается из срока окончательного приговора таким же образом, как и время содержания под стражей до суда.

III. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ СОВЕТА ЕВРОПЫ

45. Европейский Суд рассмотрел правоприменительную практику, касающуюся оснований, оправдывающих применение меры пресечения в виде заключения под стражу, в 31 государстве – члене Совета Европы, а именно в Армении, Австрии, Азербайджане, Бельгии, Болгарии, Хорватии, Чешской Республике, Эстонии, Франции, Германии, Греции, Венгрии, Италии, Литве, Люксембурге, Македонии, Монако, Черногории, Нидерландах, Польше, Португалии, Румынии, Российской Федерации, Сербии, Словакии, Словении, Испании, Швейцарии, Турции, на Украине и в Соединенном Королевстве.

46. На основании проведенного Европейским Судом сравнительного анализа законодательств стран складывается впечатление, что процедуры задержания и помещения под стражу до судебного разбирательства четко регламентированы и строго ограничены по времени в рассматриваемых законодательствах всех 31 государств-членов.

47. Только пять государств-членов, участвующих в анализе (Армения, Болгария, Италия, Литва и Швейцария), допускают первоначальное помещение под стражу только на основании наличия «разумного подозрения» в совершении преступления. В этих государствах-членах правовые органы имеют ограниченный срок, от 24 до 96 часов, для предоставления других доводов для продления срока первоначального помещения под стражу.

48. Другие 26 государств-членов с самого начала требуют наличия хотя бы одного дополнительного относящегося к делу и достаточного основания.

49. Наиболее распространенным из этих условий (в 17 государствах-членах) является наличие риска того, что подозреваемый может скрыться, а также необходимость обеспечения присутствия подозреваемого в ходе судебного разбирательства, за ними следует наличие риска совершения нового правонарушения (13 государств-членов) и необходимость предотвратить или не допустить совершение преступления (два государства-члена). Риск воспрепятствования осуществления правосудия предусматривается законодательствами 14 государств-членов.

50. Кроме того, в 12 государствах-членах первоначальное помещение под стражу является оправданным, если подозреваемый задержан в момент совершения преступления или других правонарушений (на месте преступления) или же сразу после этого (в трех из этих 12 государств-членов).

51. Максимальная длительность первоначального помещения под стражу колеблется от 24 часов (восемь государств-членов) до 96 часов (три государства-члена). В большинстве государств-членов установлен ограниченный срок в 48 часов (12 государств-членов).

52. Что касается помещения под стражу после судебного рассмотрения, то во всех исследованных законодательствах государств-членов (31) наличие «разумного подозрения» в совершении какого-либо преступления является условием *sine qua non*[1] законности помещения под стражу. Однако все участвующие в анализе законодательств государства – члены Совета Европы также согласны с тем, что в целом «разумное подозрение» само по себе не является достаточным основанием для заключения под стражу в рамках избранной меры пресечения. В шести государствах (Австрии, Бельгии, Германии, Сербии, Швейцарии и Турции) действует небольшое исключение, когда «разумное подозрение» само по себе и в порядке исключения является достаточным основанием для санкционирования содержания под стражей в случае совершения тяжкого преступления.

53. За исключением этих шести стран, одного лишь наличия «разумное подозрение» недостаточно для санкционирования содержания под стражей.

54. Законодательства всех государств-членов, участвующих в анализе (31), предусматривают, что власти могут подвергнуть человека предварительному заключению только при наличии дополнительных оснований, за небольшим исключением, упомянутом в § 52 настоящего Постановления. Во всех государствах эти дополнительные основания должны быть установлены, когда соответствующее лицо впервые предстает перед судьей. Таким образом, можно сказать, что при подаче первого ходатайства о заключении лица под стражу внутригосударственные судебные органы должны предоставить убедительные дополнительные основания, оправдывающие это содержание под стражей.

55. Основаниями, наиболее часто упоминаемыми во внутригосударственных законодательствах, являются риск того, что человек может скрыться (все государства-члены, участвующие в анализе), риск совершения нового преступления (30 из 31) и риск воспрепятствования отправлению правосудия (28 из 31).

56. Более того, законодательства большинства государств – членов Совета Европы (18 из 31) предусматривают, что мера пресечения в виде заключения под стражу может быть применена только в случае, если соответствующее преступление достигло определенной степени тяжести. Некоторые государства-члены (10 из 31) требуют, чтобы внутригосударственные власти рассматривали личные обстоятельства соответствующего лица (такие как личные качества, возраст, состояние здоровья, профессия, а также социальные, семейные и деловые отношения). Ряд государств-членов (шесть из 31) также устанавливает в качестве соответствующего условия необходимость сохранения общественного порядка.

57. Для того, чтобы оценить весомость дополнительных оснований, законодательства государств-членов, участвующих в анализе, устанавливают несколько конкретных факторов, которые должны быть приняты во внимание.

58. Все государства-члены, участвующие в анализе, согласны с тем, что компетентные внутригосударственные органы обязаны предоставить относящиеся к делу и достаточные основания как при назначении, так и при продлении срока содержания лица под стражей до суда.

59. Таким образом, продление срока действия меры пресечения в виде заключения под стражу требует такого же выполнения условий, которое было установлены в связи с первым назначением этой меры. Разумно сделать вывод, что доводы, на которые ссылаются суды государств – членов Совета Европы, чтобы санкционировать или продлить срок содержания под стражей, не могут быть шаблонными или абстрактными.

[1] *Sine qua non* (лат.) – обязательный (*примеч. переводчика*).

60. Внутригосударственные законодательства почти половины государств – членов Совета Европы, участвующих в анализе (15 из 31), устанавливают максимальные сроки продления срока действия меры пресечения в виде заключения под стражу и/или фиксированный срок ее общей продолжительности. Однако отсутствует единый стандарт в отношении срока продлений или максимального общего срока действия меры.

ПРАВО

61. Заявитель, ссылаясь на пункт 1 статьи 5 Конвенции, жаловался на то, что внутригосударственные суды не предоставили достаточных оснований при вынесении решений о применении меры пресечения в виде заключения под стражу. Европейский Суд считает более целесообразным рассмотреть данную жалобу в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции, который гласит следующее:

> «3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом “c” пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ВЛАСТЕЙ ГОСУДАРСТВА-ОТВЕТЧИКА

А. НЕИСЧЕРПАНИЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

62. При рассмотрении дела Большой Палатой власти государства-ответчика в первый раз сообщили, что заявитель не обжаловал судебные решения, которыми был санкционирован его домашний арест, и, таким образом, он не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты, как того требует пункт 1 статьи 35 Конвенции. Они указали, что не могли выдвинуть данное возражение при рассмотрении дела Палатой, поскольку изложение фактических обстоятельств, подготовленное Европейским Судом на этапе уведомления, не содержало ссылок на факты после даты 29 июня 2007 г. Соответственно, их не следует считать утратившими право выдвинуть это возражение на данном этапе.

63. Заявитель утверждал, что власти государства-ответчика утратили право выдвигать это возражение при рассмотрении дела Большой Палатой. В качестве альтернативы он заявил, что их возражение было необоснованным.

64. Европейский Суд напоминает, что согласно правилу 55 Регламента Суда любой довод о неприемлемости должен быть, насколько это допускают его характер и обстоятельства, выдвинут государством-ответчиком в письменных или устных объяснениях по вопросу о приемлемости жалобы (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации» (Svinarenko and Slyadnev v. Russia), жалобы №№ 32541/08 и 43441/08[1], *ECHR* 2014 (извлечения), § 79).

65. Действительно, в изложении фактических обстоятельств, подготовленном Секретариатом Европейского Суда, которое Европейский Суд приложил к своему письму властям государства-ответчика от 18 января 2010 г., в котором официально уведомлял государство о жалобе в соответствии с подпунктом «b» пункта 2 правила 54 Регламента Суда, имелись ссылки на документы, которые находились в распоряжении Европейского Суда в то время, и, таким образом, упоминались факты, которые имели место до 29 июня 2007 г. В письме Европейского Суда от 18 января 2010 г. упоминалось, что, «если власти государства-ответчика примут решение представить возражения, они должны охватывать только жалобы, касающиеся доводов для заключения под стражу до суда (пункт 3 статьи 5 Конвенции) [курсив добавлен]». Используя возможность представления возражений, власти государства-ответчика пытались сократить рамки рассмотрения дела, утверждая, что Европейский Суд не должен был принимать во внимание факты, которые имели место до 2 мая 2007 г., то есть до задержания заявителя, и после 29 июня 2007 г. Тем не менее, по их утверждению, «…власти государства-ответчика считают необходимым отметить определенные процессуальные действия, которые последовали за вышеупомянутым периодом [2 мая-29 июня 2007 г.] Эти ссылки необходимы для представления позиции властей государства-ответчика, касающейся приемлемости и существа дела».

66. Исходя из изложенного Европейский Суд считает, что в конкретном контексте должно быть достаточно ясно из характера и обстоятельств «жалоб», что при их рассмотрении в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции Европейский Суд не мог не учитывать факты, предшествовавшие аресту заявителя 2 мая 2007 г., и что жалобы касались длящейся ситуации, а именно предполагаемого отсутствия обоснования «содержания заявителя под стражей до суда» в целом, и не ограничивались вариантом, предложенным властями государства-ответчика. Разумно предположить, что, получив уведомление о жалобе, власти государства-ответчика также полностью ознакомились с ситуацией после 29 июня 2007 г. и поэтому могли сделать

[1] См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 11 (*примеч. редактора*).

свое заявление о неприемлемости в соответствии с требованиями правила 55 Регламента Суда.

67. Однако вопрос о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты был впервые поднят властями Республики Молдова в письменных замечаниях при рассмотрении дела в Большой Палате. Европейский Суд не усматривает каких-либо исключительных обстоятельств, которые могли бы освободить власти государства-ответчика от обязательства выдвигать свои предварительные возражения до вынесения Палатой решения о приемлемости. Следовательно, власти государства-ответчика не могут выдвигать свое предварительное возражение о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты на данном этапе разбирательства, и их возражение должно быть отклонено.

B. СТАТУС ЖЕРТВЫ

68. В случае отклонения Европейским Судом их вышеупомянутого возражения о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, власти Республики Молдова указали в качестве альтернативного замечания, что заявитель не мог претендовать на то, чтобы считаться «жертвой» по смыслу статьи 34 Конвенции в целях своей жалобы на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции вследствие домашнего ареста. Он сам ходатайствовал о помещении его под домашний арест, и решение применить данную меру пресечения компенсировало любое возможное нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции, которое имело место до принятия меры. Эта мера была равнозначна предоставлению ему освобождения от его первоначального задержания. Таким образом, она является своего рода компенсацией за любое возможное нарушение его прав, гарантированных пунктом 3 статьи 5 Конвенции.

69. Позиция заявителя в отношении данного возражения аналогична мнению, высказанному в отношении утверждения о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты (см. § 63 настоящего Постановления).

70. Европейский Суд не видит необходимости рассматривать вопрос о том, утратили ли власти государства-ответчика право выдвигать вышеупомянутое возражение, поскольку в любом случае Европейский Суд считает, что речь идет о вопросе, который подпадает под его юрисдикцию и который он может рассмотреть по собственной инициативе (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «R.P. и другие против Соединенного Королевства» (R.P. and Others v. United Kingdom) от 9 октября 2012 г., жалоба № 38245/08, § 47). Европейский Суд считает, что в конкретных обстоятельствах настоящего дела данный довод настолько тесно связан с существом жалобы заявителя, что следует объединить его с рассмотрением жалобы по существу (см. §§ 106–111 настоящего Постановления).

C. ВЫВОДЫ

71. Власти Республики Молдова утратили право выдвигать свои предварительное возражение, касающееся неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты. Следовательно, Европейский Суд отклоняет их предварительное возражение. С другой стороны, Европейский Суд принимает решение объединить возражение, касающееся отсутствия у заявителя статуса жертвы, с рассмотрением жалобы по существу.

II. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

A. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

72. Основываясь на применимой прецедентной практике, касающейся обязательства предоставлять «относящиеся к делу и достаточные основания» для заключения под стражу, Палата Европейского Суда установила нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с недостаточным обоснованием судами постановлений о санкционировании помещения заявителя под стражу. При этом Палата ссылалась на прецедентную практику Европейского Суда, устанавливающую, что домашний арест является лишением свободы.

73. Палата Европейского Суда отметила, что, хотя суды Республики Молдова в соответствии с законодательством этой страны были обязаны проверять ряд обстоятельств, фактически они не сделали этого, а ограничились повторением в своих решениях в абстрактной и шаблонной форме предусмотренных законодательством формальных оснований для заключения под стражу, без объяснения того, как они были *in concreto*[1] применимы к ситуации заявителя. Более того, рассматривая по существу одни и те же материалы дела, они в ряде случаев делали противоположные выводы (см. §§ 35–38 Постановления Палаты).

74. В заключение Палата Европейского Суда сослалась на бездействия прокурора в получении определенных документов в течение года при том, что суды ссылались на отсутствие этих документов при продлении срока содержания заявителя под стражей, а также на тот факт, что после помещения заявителя под домашний арест в течение трех дней после 26 июня 2007 г., у него до этого было три дня, в течение которых он мог вступить в сговор со своими сыновьями, если бы он захотел сделать это (см. §§ 40–41 Постановления Палаты).

[1] *In concreto* (лат.) – в действительности (*примеч. переводчика*).

B. ДОВОДЫ СТОРОН

1. Заявитель

75. Заявитель настаивал на том, что во время рассматриваемых событий имела место практика автоматического помещения обвиняемых под стражу до суда без какого-либо обоснования и исключительно на основании шаблонных и повторяющихся причин. Он также ссылался на Уполномоченного властей государства-ответчика, работавшего в рассматриваемое время, который признал, что содержание под стражей до суда являлось, скорее, правилом, чем исключением.

76. Ссылаясь на доводы, необходимые для обоснования применения домашнего ареста, заявитель утверждал, что внутригосударственное законодательство не предусматривает, что к решениям о применении домашнего ареста должны были бы применяться менее строгие требования, и почеркнул, что судам следует применять одни и те же правила и приводить одинаковые обоснования как для применения домашнего ареста, так и для помещения лица под стражу. Признание позиции властей государства-ответчика, согласно которой в отношении домашнего ареста допускается применение менее строгих правил предоставления обоснований, повышает риск злоупотребления со стороны государства, которое может применять домашний арест произвольным образом. Кроме того, принятие подобной позиции в настоящем деле будет представлять собой игнорирование внутригосударственного законодательства.

77. Заявитель утверждал, что не имелось каких-либо аргументов в пользу лишения его свободы и что ни содержание под стражей, ни домашний арест не были основаны на относящихся к делу и достаточных основаниях. Заявитель считал, что отсутствие оснований для лишения его свободы подтверждалось его последующим оправданием, а также тем, что прокуратура не оспорила решение суда, которым заявитель был оправдан.

78. Что касается довода властей Республики Молдова о том, что заявитель сам просил поместить его под домашний арест, заявитель утверждал, что внутригосударственные суды по-прежнему обязаны проверять наличие достаточных оснований для применения домашнего ареста. Заявитель также считал, что у государства имелись альтернативные средства обеспечения его явки в суд и неприкосновенности вещественных доказательств.

2. Власти Республики Молдова

79. По мнению властей Республики Молдова, заявитель не смог в достаточной степени обосновать свои требования *habeas corpus* как в ходе судебного разбирательства на внутригосударственном уровне, так и в разбирательства дела в Европейском Суде. Власти Республики Молдова ссылались на упоминание заявителем его проблем со здоровьем и утверждали, что согласно правоприменительной практике Европейского Суда не существовало общего обязательства освобождать задержанных по состоянию здоровья. Внутригосударственные суды проигнорировали доводы, приведенные заявителем, поскольку они были неактуальны.

80. Власти Республики Молдова также утверждали, что решения о содержании заявителя под стражей и продлении срока содержания под стражей были основаны на относящихся к делу и достаточных основаниях. Даже если эти основания могли показаться расплывчатыми и абстрактными, на самом деле они были конкретными и содержательными. Решения основывались на таких доводах, как сложность дела и риск вмешательства заявителя в уголовное дело, а также риск того, что заявитель может вступить в сговор со своими сыновьями. По мнению властей государства-ответчика, тот факт, что заявитель и его сыновья являлись соучастниками, сам по себе представлял вмешательство в нормальный ход расследования и требовал их изоляции друг от друга.

81. Власти Республики Молдова полагали, что настоящее дело было аналогично делу «W. против Швейцарии» (W. v. Switzerland) (от 26 января 1993 г., Series A, № 254-A) и утверждали, что Европейский Суд в настоящем деле должен прийти к такому же выводу об отсутствии нарушения Конвенции, как и в указанном деле.

82. Власти Республики Молдова подчеркнули тот факт, что заявитель сам ходатайствовал о помещении его под домашний арест и что он не оспаривал решений суда, удовлетворявших его ходатайство или продлевающих срок домашнего ареста.

83. Власти Республики Молдова согласились с тем, что домашний арест представляет собой лишение свободы по смыслу статьи 5 Конвенции. Тем не менее они считали, что для оправдания домашнего ареста необходимо меньше доводов, поскольку эта мера пресечения была менее строгой, чем содержание под стражей. В настоящем деле это было тем более верно, поскольку заявитель сам ходатайствовал о помещении его под домашний арест.

C. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Общие принципы

84. Статья 5 Конвенции, как и статьи 2, 3 и 4 Конвенции, находятся в первом ряду основополагающих прав, обеспечивающих физическую безопасность человека (см., для примера, ее связь со статьями 2 и 3 Конвенции в делах об исчезновении

людей, таких как Постановление Европейского Суда по делу «Курт против Турции» (Kurt v. Turkey) от 25 мая 1998 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1998-III, § 123) и, как таковая, ее важность огромна. Ее ключевой задачей является предотвращение лишения свободы в результате произвола или необоснованных действий (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Луканов против Болгарии» (Lukanov v. Bulgaria) от 20 марта 1997 г., *Reports* 1997-II, § 41, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ассандзе против Грузии» (Assanidze v. Georgia), жалоба № 71503/01, *ECHR* 2004-II, § 171, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Илашку и другие против Республика Молдова и Российской Федерации» (Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia), жалоба № 48787/99[1], *ECHR* 2004-VII, § 461). В прецедентной практике Европейского Суда можно отметить три основных направления: исчерпывающий набор исключений, которые должны строго толковаться (см. Постановление Европейского Суда по делу «Чьюлла против Италии» (Ciulla v. Italy) от 22 февраля 1989 г., Series A, № 148, § 41) и которые не позволяют приводить широкий спектр обоснований в рамках других положений (статьи 8–11 Конвенции, в частности), неоднократное подчеркивание законности содержания под стражей как в процессуальном, так и в материально-правовом смысле, при строгом соблюдении принципа верховенства права (см. Постановление Европейского Суда по делу «Винтерверп против Нидерландов» (Winterwerp v. Netherlands) от 24 октября 1979 г., Series A, № 33, § 39), и важность оперативности или незамедлительности требуемого судебного контроля (в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 5 Конвенции) (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маккэй против Соединенного Королевства» (McKay v. United Kingdom), жалоба № 543/03, *ECHR* 2006-X, § 34).

85. Одним из наиболее распространенных видов лишения свободы в связи с уголовным судопроизводством является заключение под стражу до суда. Такое содержание под стражей представляет собой одно из исключений из общего правила, установленного пунктом 1 статьи 5 Конвенции, согласно которому каждый человек имеет право на свободу, и предусмотрен в подпункте «c» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Рассматриваемый период начинается, когда лицо задерживается (см. Постановление Европейского Суда по делу «Томази против Франции» (Tomasi v. France) от 27 августа 1992 г., Series A, № 241 A, § 83) или в момент помещения обвиняемого под стражу (см. Постановление Европейского Суда по делу «Летелье против Франции» (Letellier v. France) от 26 июня 1991 г., Series A, № 207, § 34), и заканчивается когда он или она освобождаются из-под стражи и/или датой вынесения приговора, хотя бы судом первой инстанции (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Вемхофф против Германии» (Wemhoff v. Germany) от 27 июня 1968 г., Series A, № 7, p. 23 § 9, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (Labita v. Italy), жалоба № 26772/95, *ECHR* 2000-IV, § 147, Постановление Европейского Суда по делу «Калашников против Российской Федерации» Kalashnikov v. Russia), жалоба № 47095/99[2], *ECHR* 2002-VI, § 110, и Постановление Европейского Суда по делу «Солмаз против Турции» (Solmaz v. Turkey) от 16 января 2007 г., жалоба № 27561/02, §§ 23–24).

86. Хотя в подпункте «c» пункта 1 статьи 5 Конвенции излагаются основания, исходя, прежде всего, из которых заключение под стражу до суда является допустимым (см. Постановление Европейского Суда по делу «Де Йонг, Балже и Ван ден Бринк против Нидерландов» (De Jong, Baljet and Van den Brink v. Netherlands) от 22 мая 1984 г., Series A № 77, § 44), пункт 3, который формирует единое целое с предыдущим положением, устанавливает определенные процессуальные гарантии, в том числе правило о том, что содержание под стражей до суда не должно превышать разумного срока, таким образом регулируя его длительность.

87. Согласно сложившейся прецедентной практике Европейского Суда в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции сохранение наличия обоснованного подозрения является условием *sine qua non*[3] для законности непрерывного содержания под стражей, но после истечения определенного срока и оно уже не является достаточным. В таких случаях Европейский Суд должен установить 1) оправдывали ли иные основания, на которые ссылались судебные власти, продление срока содержания лица под стражей, и, 2) если такие основания были «относящимися к делу» и «достаточными», проявили ли внутригосударственные органы власти «особое усердие» при ведении производства по делу (см. среди многих прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Летелье против Франции», § 35, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Идалов против Российской Федерации» (Idalov v. Russia) от 22 мая 2012 г., жалоба № 5826/03[4],

[1] См.: Путеводитель по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека за 2003 год (*примеч. редактора*).

[2] См.: Путеводитель по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека за 2002 год (*примеч. редактора*).

[3] *Sine qua non* (лат.) – без чего нет (необходимое условие) (*примеч. переводчика*).

[4] См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 5 (*примеч. редактора*).

§ 140). Европейский Суд также подчеркивает, что обоснование любого срока содержания под стражей, каким бы коротким он ни был, должно быть убедительно продемонстрировано властями. Принимая решение о том, следует ли освободить лицо или оставить его под стражей, власти обязаны рассмотреть альтернативные способы обеспечения явки в суд (*ibid*[1].).

88. Обоснования, которые были сочтены в прецедентной практике Европейского Суда «относящимися к делу» и «достаточными» (в дополнение к наличию разумного подозрения), включают также такие основания, как риск того, что лицо может скрыться, оказать давление на свидетелей или подделать доказательства, риск сговора и совершения нового преступления, угроза нарушения общественного порядок, а также необходимость защиты задержанного (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Штёгмюллер против Австрии» (Stögmüller v. Austria) от 10 ноября 1969 г., Series A, № 9, § 15, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Вемхофф против Германии», § 14, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Томази против Франции», § 95, Постановление Европейского Суда по делу «Тот против Австрии» (Toth v. Austria) от 12 декабря 1991 г., Series A, № 224, § 70, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Летелье против Франции», § 51, и Постановление Европейского Суда по делу «I.A. против Франции» (I.A. v. France) от 23 сентября 1998 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1998-VII, § 108).

89. Существующая презумпция всегда свидетельствует в пользу освобождения. Как установлено в деле «Ноймайстер против Австрии» (Neumeister v. Austria) (Постановление Европейского Суда от 27 июня 1968 г., Series A, № 8, p. 37, § 4), вторая составляющая пункта 3 статьи 5 Конвенции, то есть освобождение до суда, не предоставляет судебным органам выбора между доставкой обвиняемого к судье в течение разумного срока, либо его временным освобождением до начала рассмотрения дела судом. Предварительное помещение обвиняемого под стражу не может длиться дольше разумного срока (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Вемхофф против Германии», § 5). Даже если длительность предварительного следствия не может быть подвергнута критике, срок содержания под стражей не должен превышать разумного срока (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Штёгмюллер против Австрии», § 5). До постановления обвинительного приговора подсудимый считается невиновным, и цель рассматриваемого положения заключается в том, чтобы обеспечить его временное освобождение, как только его или ее дальнейшее содержание под стражей перестанет быть разумным (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маккэй против Соединенного Королевства», § 41).

90. Вопрос о том, является ли период, проведенный в предварительном заключении разумным, не может оцениваться абстрактно. Разумно ли обвиняемому оставаться под стражей, следует оценивать с учетом фактов каждого дела и в соответствии с его специфическими особенностями. Непрерывное содержание под стражей может быть оправдано в конкретном деле только при наличии реального требования публичного интереса, которое, с надлежащим учетом принципа презумпции невиновности, перевешивает требование уважения личной свободы, предусмотренное статьей 5 Конвенции (см. среди прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии», § 152, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудля против Польши» (Kudła v. Poland), жалоба № 30210/96, *ECHR* 2000-XI, § 110 *et seq*[2].). Уделяя особое внимание риску того, что человек может скрыться, следует учитывать личностные качества человека, его или ее моральные качества, наличие имущества и связей в стране, в которой он или она привлекается к ответственности, и международные контакты лица (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ноймайстер против Австрии», § 10).

91. Прежде всего внутригосударственные судебные органы должны обеспечить, чтобы в конкретном деле содержание обвиняемого под стражей до суда не превышало разумного срока. Следовательно, уделяя особое внимание принципу презумпции невиновности, они должны исследовать все факты, свидетельствующие в пользу или против существования вышеупомянутого требования публичного интереса, оправдывающего отход от правила статьи 5 Конвенции, и должны указать их в своих решениях по ходатайствам об освобождении. В первую очередь на основании именно этих доводов, приведенных в указанных решениях, и реальных фактов, указанных заявителем в своих жалобах, Европейский Суд призван установить наличие или отсутствие нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции (см. среди многих прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудля против Польши», § 110, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Идалов против Российской Федерации», § 141).

[1] *Ibid*.– там же (*примеч. переводчика*).

[2] *Et seq.* (лат.) – и далее (*примеч. переводчика*).

2. Существует ли необходимость в развитии прецедентной практики Европейского Суда

(а) Первоначальный период содержания под стражей и проблема, касающаяся «прошествия определенного времени»

92. Как упоминалось выше (см. § 87 настоящего Постановления), сохранение наличия обоснованного подозрения в том, что лицо совершило преступление является условием *sine qua non* для законности непрерывного содержания лица под стражей, но по истечении определенного срока оно перестает быть достаточным. Впервые данный подход был сформулирован в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Штёгмюллер против Австрии». Позже эта формулировка стала известна как один из всеобъемлющих «принципов Летелье», которые были подтверждены в ряде последующих постановлений Большой Палаты (см., в частности, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии», § 153, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудля против Польши», § 111, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маккэй против Соединенного Королевства», § 44, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Быков против Российской Федерации» (Bykov v. Russia) от 10 марта 2009 г, жалоба № 4378/02[1], § 64, и совсем недавнее упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Идалов против Российской Федерации», § 141). Указанный принцип позволил провести различие между первым этапом, когда наличие обоснованного подозрения является достаточным основанием для заключения под стражу, и этапом, наступающим «по прошествии определенного промежутка времени», когда одного обоснованного подозрения уже недостаточно, и требуются другие «относящиеся к делу и достаточные» основания для содержания подозреваемого под стражей.

93. Поскольку в ходе рассмотрения дела в Европейском Суде заявитель не утверждал, что отсутствовало обоснованное подозрение в том, что он совершил преступление, Европейский Суд не считает необходимым рассматривать данный вопрос. Однако ввиду неубедительности дополнительных доводов (помимо обоснованности подозрения), на которое ссылались внутригосударственные суды, возникает вопрос о том, начиная с какого момента времени потребовались такие дополнительные основания. Ответ на данный вопрос будет зависеть от толкования понятия «определенный промежуток времени».

94. До сих пор Европейский Суд не определил в своей прецедентной практике, что входит в понятие «определенный промежуток времени» и не установил каких-либо общих критериев в связи с этим. В недавнем Постановлении Европейского Суда по делу «Мэги и другие против Соединенного Королевства» (Magee and Others v. United Kingdom) (от 12 мая 2015 г., жалобы №№ 26289/12, 29062/12 и 29891/12), Европейский Суд признал, что отсутствовали установленные сроки, применимые к термину «определенный промежуток времени». Европейский Суд отметил следующее:

> «…88. Сохранение наличия обоснованных подозрений в том, что арестованный совершил преступление является условием *sine qua non* для законности непрерывного содержания его под стражей, однако по истечении времени оно перестает быть достаточным для оправдания непрерывного содержания под стражей. Европейский Суд не пытался перевести эту концепцию в конкретное количество дней, недель, месяцев или лет, или в различные сроки, в зависимости от тяжести преступления (Постановление Европейского Суда по делу "Штёгмюллер против Австрии" (Stögmüller v. Austria) от 10 ноября 1969 г., жалоба № 1602/62, § 4…)».

95. Тем не менее выясняется, что в ряде дел (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Цуркан и Цуркан против Республики Молдова» (Ţurcan and Ţurcan v. Moldova) от 23 октября 2007 г., жалоба № 39835/05, § 54, Постановление Европейского Суда по делу «Пацурия против Грузии» (Patsuria v. Georgia) от 6 ноября 2007 г., жалоба № 30779/04, § 67, Постановление Европейского Суда по делу «Османович против Хорватии» (Osmanović v. Croatia) от 6 ноября 2012 г., жалоба № 67604/10, §§ 40–41, и Постановление Европейского Суда по делу «Заидов против Азербайджана» (Zayidov v. Azerbaijan) от 20 февраля 2014 г., жалоба № 11948/08, § 62) Европейский Суд придерживается той точки зрения, что даже после относительно короткого периода в несколько дней наличие обоснованного подозрения само по себе не может оправдать содержание под стражей до суда и должно подкрепляться дополнительными основаниями.

96. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд считает, что было бы полезно продолжить развитие своей прецедентной практики в отношении требования к внутригосударственным судебным органам оправдывать непрерывное содержание под стражей в целях второй составляющей пункта 3 статьи 5 Конвенции.

97. В качестве отправной точки необходимо напомнить, что, как уже отмечалось в § 85 настоящего Постановления, период, который должен быть принят во внимание для оценки разумности содержания под стражей согласно второй[2] состав-

[1] См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 6 (*примеч. редактора*).

[2] Здесь и далее курсив в тексте оригинала Постановления (*примеч. редактора*).

ляющей пункта 3 статьи 5 Конвенции, исчисляется с момента, когда лицо лишают его или ее свободы.

98. С того же момента указанное лицо также имеет право согласно первой составляющей пункта 3 статьи 5 Конвенции «быть незамедлительно доставленным к судье или иному должностному лицу, наделенному согласно закону, судебной властью», предоставляющему необходимые гарантии независимости от органа исполнительной власти и от сторон процесса. В соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции существует процессуальное требование к «судье или иному должностному лицу, наделенному согласно закону судебной властью» заслушать доставленное к нему лицо лично, а также материально-правовое требование изучить все обстоятельства «за» и «против» лишения свободы, то есть решить, имеются ли основания, оправдывающие содержание лица под стражей, или основания для вынесения постановления об освобождении из-под стражи, если причин ограничивать свободу лица не установлено (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (Ireland v. United Kingdom) от 18 января 1978 г., Series A, № 25, § 199, Постановление Европейского Суда по делу «Шиссер против Швейцарии» (Schiesser v. Switzerland) от 4 декабря 1979 г., Series A, № 34, § 31, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маккэй против Соединенного Королевства», § 35). Иными словами, пункт 3 статьи 5 Конвенции требует от должностного лица, наделенного судебной властью, рассмотреть вопрос о заключении под стражу по существу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «T.W. против Мальты» (T.W. v. Malta) от 29 апреля 1999 г., жалоба № 25644/94, § 41, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Акилина против Мальты» (Aquilina v. Malta), жалоба № 25642/94, *ECHR* 1999-III, § 47, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маккэй против Соединенного Королевства», § 35).

99. Первоначальное автоматическое рассмотрение задержания и заключения под стражу должно предоставлять возможность оценить законность их оснований и наличие либо отсутствие обоснованного подозрения, что задержанный совершил преступление, иными словами, подпадает ли заключение под стражу под допускаемые исключения, установленные в подпункте «c» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Если заключение под стражу не подпадает под указанные исключения, должностное лицо должно иметь полномочия освободить задержанного (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маккэй против Соединенного Королевства», § 40). Вопрос о том, достаточно ли простого сохранения подозрения для оправдания продления законно санкционированного предварительного заключения под стражу, подпадает под действие не подпункта «c» пункта 1 статьи 5 Конвенции, а пункта 3 статьи 5 Конвенции. Это по сути и составляет цель пункта 3, который образует единое целое с пунктом 1: требовать временного освобождения лица из-под стражи, после того, как содержание под стражей перестает быть обоснованным (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Де Йонг, Балже и Ван ден Бринк против Нидерландов», § 44 с последующими ссылками).

100. Необходимость более подробной проработки прецедентной практики, по-видимому, основывается на том факте, что период, в течение которого наличие обоснованного подозрения остается достаточным основанием для непрерывного содержания лица под стражей согласно второй составляющей пункта 3 статьи 5 Конвенции, подвержен другому и гораздо менее точно определенному временно́му требованию – «определенный промежуток времени» (установленному в прецедентной практике Европейского Суда) – чем согласно первой составляющей пункта 3 статьи 5 Конвенции – «незамедлительность» (как предусмотрено в тексте Конвенции), и что только после истечения «определенного промежутка времени» содержание под стражей должно оправдываться дополнительными относящимися к делу и достаточными основаниями. Действительно, в некоторых случаях Европейский Суд выносил решения о том, что «эти две составляющие затрагивают различные права и внешне не связаны ни логически, ни по времени» (см. из самых известных примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маккэй против Соединенного Королевства», § 31, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Медведев и другие против Франции» (Medvedyev and Others v. France), жалоба № 3394/03, *ECHR* 2010, § 119, последнее касается только первой составляющей). Однако следует отметить, что в каждом контексте период будет исчисляться с момента задержания, и судебному органу, санкционирующему заключение под стражу, надлежит определить, имеются ли основания для оправдания содержания под стражей или же для принятия решения об освобождении из-под стражи в случае отсутствия таких оснований. На практике часто может происходить так, что применение гарантий согласно второй составляющей будет в известной степени дублировать применение гарантий согласно первой составляющей, как правило, в ситуациях, когда судебный орган, который санкционирует заключение под стражу согласно первой составляющей, в то же время выносит постановление о применении меры пресечения в виде заключения под стражу в соответствии с гарантиями второй составляющей. В подобных ситуациях первое появление подозреваемого перед судьей является «перекрест-

ком», где встречаются два свода гарантий и где второй свод сменяет первый. И все же вопрос о том, когда вторая составляющая применяется в полном объеме в том смысле, что требуются дополнительные относящиеся к делу и достаточные основания, помимо обоснованного подозрения, зависит от довольно расплывчатого понятия «определенный промежуток времени».

101. Европейский Суд также отмечает, что в соответствии с внутригосударственными законодательствами подавляющего большинства из 31 Высокой Договаривающейся Стороны Конвенции, упомянутыми в обзоре сравнительного права в § 54 настоящего Постановления, соответствующие судебные органы обязаны предоставить «относящиеся к делу и достаточные» основания для непрерывного содержания под стражей, если не сразу, то через несколько дней после задержания, а именно, когда судья впервые рассматривает необходимость заключения подозреваемого под стражу до суда. Такой подход, если его применить к пункту 3 статьи 5 Конвенции, не только упростит и принесет бóльшую ясность и определенность в данной области прецедентной практики Европейского Суда, но также предоставит защиту от содержания под стражей сверх разумного срока.

102. В свете вышеизложенных доводов Европейский Суд устанавливает убедительные доводы в пользу «синхронизации» гарантий второй составляющей с гарантиями первой составляющей пункта 3 статьи 5 Конвенции. Это подразумевает, что требование должностного лица, наделенного судебной властью, о предоставлении относящихся к делу и достаточных оснований для содержания лица под стражей, в дополнение к наличию обоснованного подозрения, применяется уже при вынесении самого первого решения, санкционирующего применение меры пресечения в виде заключения под стражу, то есть «незамедлительно» после задержания.

(b) Особые проблемы, касающиеся домашнего ареста

(i) Является ли домашний арест лишением свободы, и отказался ли заявитель от своего права на свободу

103. Как и во многих других областях, Европейский Суд настаивает в своей прецедентной практике на автономном толковании понятия лишение свободы. Систематическое исследование Конвенции подтверждает, что статья 5 Конвенции не распространяется на простые ограничения свободы передвижения, которые регулируются пунктом 1 статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции. Однако разница между ограничением свободы передвижения и лишением свободы заключается лишь в степени ограничения или в мере интенсивности, а не в самом характере или в сути. Для того, чтобы определить, было ли лицо «лишено свободы» по смыслу статьи 5 Конвенции, следует исходить из конкретной ситуации лица и принимать во внимание целый ряд критериев, таких как вид, длительность, последствия и порядок исполнения данной меры (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гуццарди против Италии» (Guzzardi v. Italy) от 6 ноября 1980 г., Series A, № 39, §§ 92–93).

104. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда (см. среди многих прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Манчини против Италии» (Mancini v. Italy), жалоба № 44955/98, *ECHR* 2001-IX, § 17, Постановление Европейского Суда по делу «Лавентс против Латвии» (Lavents v. Latvia) от 28 ноября 2002 г., жалоба № 58442/00, §§ 64–66, Постановление Европейского Суда по делу «Николова против Болгарии (№ 2)» (Nikolova v. Bulgaria) (№ 2) от 30 сентября 2004 г., жалоба № 40896/98, § 60, Постановление Европейского Суда по делу «Нинеску против Республики Молдова» (Ninescu v. Republic of Moldova) от 15 июля 2014 г., жалоба № 47306/07, § 53, и Постановление Европейского Суда по делу «Делийоргйи против Албании» (Delijorgji v. Albania) от 28 апреля 2015 г., жалоба № 6858/11, § 75) считается, что домашний арест, принимая во внимание степень ограничения и меру выраженности, представляет собой лишение свободы по смыслу статьи 5 Конвенции.

105. Европейский Суд не видит оснований отклоняться от своей прецедентной практики. Принимая во внимание условия, в которых находился заявитель под домашним арестом, описанные в § 30 и §§ 36–40 настоящего Постановления, Европейский Суд считает, что применение к заявителю данной меры в период с 26 по 29 июня 2007 г., а также с 20 июля 2007 г. по 12 марта 2008 г., то есть в течение семи с половиной месяцев, представляет собой лишение свободы по смыслу статьи 5 Конвенции. В связи с этим интересно отметить, что в настоящем деле домашний арест также рассматривается как лишение свободы согласно соответствующему внутригосударственному законодательству и что власти государства-ответчика сами признали, что домашний арест заявителя представлял собой лишение свободы (см. §§ 43, 44 и 83 настоящего Постановления).

106. Один вопрос, поднятый властями государства-ответчика (и который был объединен с рассмотрением жалобы по существу, см. § 71 настоящего Постановления), заключается в том, что заявитель сам ходатайствовал о своем помещении под домашний арест и не оспаривал решения суда, санкционировавшее применение данной меры. В связи с этим возникает важный вопрос: отказался ли заявитель от своего права на свободу?

107. В деле «Шторк против Германии» (Storck v. Germany) (жалоба № 61603/00, *ECHR* 2005-V, § 75)

Европейский Суд постановил, что право на свободу в том значении, которое придает ему Конвенция, слишком важно в «демократическом обществе», чтобы человек лишился привилегии конвенционной защиты лишь по одной только причине, что он согласился поместить себя под стражу. Принудительное содержание под стражей может нарушить статью 5 Конвенции, даже при том, что соответствующее лицо само просило об этом (см. Постановление Европейского Суда по делу «Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии» (De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium*)* от 18 июня 1971 г., Series A, № 12, § 65).

108. Принимая во внимание утверждение властей государства-ответчика о том, что заявитель сам ходатайствовал о своем помещении под домашний арест (см. § 82 настоящего Постановления), Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле имел место определенный элемент принуждения при применении данного вида меры пресечения. В частности, из обстоятельств дела явно следует, что стремление заявителя быть помещенным под домашний арест было связано с тем, что он не хотел дальше находиться под стражей после того, как суды неоднократно отклонили его ходатайства *habeas corpus*. Также, по-видимому, состояние здоровья заявителя значительно ухудшилось во время содержания под стражей в рамках избранной меры пресечения и что он был готов пойти на уступки, чтобы положить этому конец (см. §§ 14, 24 и 29 настоящего Постановления). Это вполне объяснимое поведение человека, который ранее перенес сердечный приступ и инсульт, и который чувствовал ухудшение своего состояния здоровья. По мнению Европейского Суда, заявитель очевидно находился под давлением, когда был помещен под домашний арест. В таких обстоятельствах нельзя разумно ожидать, что заявитель оспорил бы постановления суда, санкционирующие его помещение под домашний арест.

109. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд не готов согласиться с тем, что отношение заявителя к своему домашнему аресту и упущение возможности обжаловать эту меру равносильно отказу от его права на свободу.

110. Подобная ситуация, даже если предположить, что заявитель мог считаться давшим согласие на помещение под домашний арест, не может рассматриваться как освобождение из-под стражи, как утверждали власти государства-ответчика. Также это действие нельзя рассматривать, как это, по-видимому, предлагали власти государства-ответчика, как форму компенсации, соответствующей требованию пункта 5 статьи 5 Конвенции о праве на получение компенсации. Следовательно, возражение властей государства-ответчика, касающееся отсутствия у заявителя статуса жертвы, должно быть отклонено.

(ii) Доводы для санкционирования домашнего ареста

111. Власти государства-ответчика утверждали, что для оправдания применения домашнего ареста требовалось меньше оснований, чем для содержания под стражей в обычном следственном изоляторе, поскольку первая мера является более мягкой по сравнению со второй.

112. Действительно, в большинстве случаев, домашний арест подразумевает меньшее количество ограничений и меньшую степень страданий и неудобств для задержанного, чем обычное содержание под стражей в соответствующем учреждении. Это связано с тем, что содержание под стражей требует интеграции человека в новую, а иногда враждебную среду, предусматривает совместные действия и пользование ресурсами с другими заключенными, соблюдение дисциплины и подразумевает круглосуточное наблюдение со стороны властей. Например, задержанные не могут свободно выбирать, когда им ложиться спать, принимать пищу, заниматься личной гигиеной или совершать прогулки на свежем воздухе или заниматься другими видами деятельности. Поэтому, когда человек сталкивается с выбором между содержанием под стражей и домашним арестом, как в настоящем деле, большинство людей, как правило, выбирают последнее.

113. Тем не менее Европейский Суд отмечает, что в «принципах Летелье» не было проведено никакого различия между режимами разных видов мер пресечения (см. § 92 настоящего Постановления). Европейский Суд также напоминает, что в деле «Лавентс против Латвии» (упоминавшееся выше), когда Европейскому Суду было предложено изучить относящиеся к делу и достаточные основания для лишения заявителя свободы до суда на значительный срок, власти государства-ответчика безуспешно приводили аргументы о том, что к оценке оснований оспариваемых ограничений свободы должны применяться разные критерии, поскольку заявитель содержался под стражей не только в тюрьме, но и под домашним арестом, и в больнице. Европейский Суд отклонил данный довод, заявив, что статья 5 Конвенции не регулирует условия содержания под стражей, сославшись на подход, использовавшийся в приведенном выше Постановлении Европейского Суда по делу «Манчини против Италии» и других делах, указанных в нем. Далее Европейский Суд уточнил, что понятия «степень ограничения» и «мера выраженности» в прецедентной практике, как критерии применимости статьи 5 Конвенции, относились исключительно к степени ограничения свободы передвижения, а не к различиям в комфорте или во внутреннем распорядке в разных местах содержания под стражей. Таким образом, Европейский Суд продолжил применять единый критерий для всего

срока лишения свободы, независимо от места, где заявитель содержался под стражей.

114. Европейский Суд не видит оснований для применения иного подхода в настоящем деле. По его мнению, вряд ли на практике осуществима оценка обоснований содержания под стражей до суда в соответствии с различными критериями, зависящими от различий в условиях содержания под стражей и от уровня (дис)комфорта, испытываемого задержанным. Напротив, такие обоснования должны оцениваться в соответствии с критериями, которые являются применимыми на практике и эффективным для поддержания надлежащего уровня защиты в соответствии со статьей 5 Конвенции, без риска ослабления этой защиты. Говоря кратко, Европейский Суд считает уместным при рассмотрении настоящего дела следовать такому же подходу, как в деле «Лавентс против Латвии».

3. Имелись ли в настоящем деле относящиеся к делу и достаточные основания

115. Обращаясь в настоящем деле к основаниям применения к заявителю меры пресечения в виде заключения под стражу, Европейский Суд отмечает, что внутригосударственный суд, который 5 мая 2007 г. вынес первоначальное постановление о применении к заявителю указанной меры пресечения, ссылался исключительно на риск того, что заявитель может вступить в сговор со своими сыновьями, а также на тяжесть вмененного ему в вину преступления. Хотя последний довод, как правило, приводится в контексте того, что заявитель может скрыться, внутригосударственный суд счел, что опасность того, что заявитель скроется, а также риск оказания им давления на свидетелей и риск того, что заявитель мог сфальсифицировать доказательства, не были подтверждены прокурором и являлись неправдоподобными.

116. Заявитель подал жалобу и утверждал, *inter alia*, что прокурор не ссылался на риск сговора и что в любом случае у него не было достаточно времени, чтобы вступить в сговор со своими сыновьями, если бы у него было подобное намерение. Однако жалоба заявителя была отклонена Апелляционной палатой г. Кишинева, и его возражения были оставлены без ответа.

117. В связи с этим Европейский Суд отмечает, как указал заявитель, что прокурор не ссылался на такой довод, как опасность сговора заявителя с его сыновьями. Более того, из обстоятельств дела следует, что расследование в отношении заявителя и его сыновей было начато в июле 2006 года, то есть за 10 месяцев до задержания заявителя, и что у него действительно было достаточно времени, чтобы вступить в сговор с сыновьями, если бы у него было это намерение (см. §§ 9–12 настоящего Постановления). При обстоятельствах дела Европейский Суд считает данный довод абсолютно безосновательным. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что Апелляционная палата г. Кишинева не дала ответа на это возражение, высказанное заявителем. В судебных постановлениях отсутствуют указания на то, что суды приняли бы во внимание такой важный фактор, как поведение заявителя с начала расследования в июле 2006 года и до момента, когда было вынесено первое постановление о применении к заявителю меры пресечения в виде заключения под стражу.

118. При продлении срока содержания под стражей в первый и во второй раз, 16 мая и 5 июня 2007 г. соответственно, суды более не ссылались на риск сговора, который по сути являлся единственным дополнительным доводом при санкционировании судами помещения заявителя под стражу. На этот раз суды приводили иные доводы, а именно опасность того, что заявитель скроется и риск оказания им давления на свидетелей, а также на риск фальсификации доказательств (см. §§ 20 и 25 настоящего Постановления). В связи с этим Европейский Суд отмечает, что это были те же доводы, на которые ссылался прокурор в первоначальном ходатайстве о применении к заявителю меры пресечения в виде заключения под стражу, которые и суд первой инстанции, и Апелляционная палата г. Кишинева отклонили как необоснованные (см. §§ 15 и 17 настоящего Постановления). В судебных постановлениях о продлении срока содержания заявителя под стражей отсутствует объяснение относительно того, почему эти доводы стали относящимися к делу и достаточными лишь позднее (см. Постановление Европейского Суда по делу «Кауталидис против Греции» (Koutalidis v. Greece) от 27 ноября 2014 г., жалоба № 18785/13, § 51), например, стало ли поведение заявителя каким-либо образом причиной таких изменений. Как и в случае первоначального постановления о применении к заявителю меры пресечения в виде заключения под стражу, суды не провели оценки личности заявителя, его моральных качеств, наличия у него имущества и связей в стране, его поведения в течение первых 10 месяцев уголовного расследования.

119. При рассмотрении ходатайства прокурора о третьем продлении срока содержания заявителя под стражей, 26 июня 2007 г., суд первой инстанции отклонил доводы прокурора в поддержку продления срока содержания под стражей и установил по существу, что не было никаких оснований для продления указанного срока. Тем не менее суд постановил продлить ограничение свободы заявителя, поместив его под домашний арест (см. § 30 настоящего Постановления).

120. После трехдневного домашнего ареста, 29 июня 2007 г. Апелляционная палата г. Кишинева отменила постановление о содержании под стражей, вновь указав, что заявитель мог скрыться,

оказать давление на свидетелей, сфальсифицировать доказательства и вступить в сговор со своими сыновьями, если бы он продолжал находиться под домашним арестом. В связи с этим Апелляционная палата г. Кишинева постановила осуществлять дальнейшее содержание заявителя под стражей в следственном изоляторе. Апелляционная палата г. Кишинева не привела обоснований того, почему она не была согласна с судом первой инстанции относительно отсутствия доводов для заключения заявителя под стражу, и не обосновала свои опасения того, что заявитель мог скрыться, оказать давление на свидетелей и сфальсифицировать доказательства (см. § 32 настоящего Постановления).

121. При рассмотрении четвертого ходатайства прокурора о продлении срока содержания заявителя под стражей Апелляционная палата г. Кишинева отклонила все доводы, представленные прокурором, и указала на то, что не было оснований полагать, что заявитель мог скрыться или воспрепятствовать отправлению правосудия. Тем не менее, несмотря на отсутствие таких доводов, суд санкционировал помещение заявителя под домашний арест, который впоследствии был продлен до марта 2008 года (см. § 36 настоящего Постановления). Постановления, санкционирующие и продлевающие срок домашнего ареста, не содержали каких-либо доводов в подтверждение применения такой меры, кроме тяжести вмененного заявителю в вину преступления (см. §§ 37 и 38 настоящего Постановления).

122. Помимо вышеупомянутых проблем, Европейский Суд считает, что доводы, приводимые внутригосударственными судами при назначении меры пресечения в виде заключения заявителя под стражу или при продлении срока содержания заявителя под стражей, были шаблонными и абстрактными. В их постановлениях приводились основания для содержания под стражей без какой-либо попытки объяснить, каким образом они были применимы к конкретным обстоятельствам дела заявителя. Более того, нельзя утверждать, что внутригосударственные суды действовали последовательно. В частности, в одних случаях они отклоняли как необоснованные и маловероятные утверждения прокурора об опасности того, что заявитель мог скрыться, оказать давление на свидетелей и сфальсифицировать доказательства. В других случаях они соглашались с теми же доводами, при этом без каких-либо очевидных изменений обстоятельств и без объяснения причин. Европейский Суд считает, что, когда решается такой важный вопрос, как право на свободу, внутригосударственные суды обязаны продемонстрировать убедительное доказательство необходимости содержания под стражей. В настоящем деле этого очевидно осуществлено не было.

123. Учитывая вышеприведенные факторы, Европейский Суд считает, что отсутствовали относящиеся к делу и достаточные доводы для санкционирования меры пресечения в виде заключения заявителя под стражу и продления срока содержания заявителя под стражей до суда. Следовательно, в настоящем деле имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

124. Статья 41 Конвенции гласит:

> «Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. УЩЕРБ

125. Заявитель требовал выплаты 50 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Он утверждал, что испытал серьезный стресс и что в связи с необоснованным содержанием его под стражей его репутация была существенно испорчена. Он также утверждал, что содержание под стражей отрицательно сказалось на его здоровье.

126. Власти государства-ответчика не предоставили никаких замечаний, касающихся морального вреда, о котором говорил заявитель.

127. Европейский Суд считает, что заявитель испытал определенный стресс и тревогу в связи с нарушением его прав, гарантированных пунктом 3 статьи 5 Конвенции. Принимая решение на основе принципа справедливости, Европейский Суд присуждает заявителю 3 000 евро.

B. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

128. Заявитель также требовал выплаты 4 837 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных при рассмотрении дела в Европейском Суде. Эта сумма включает расходы на оплату услуг адвоката при рассмотрении дела Палатой и Большой Палатой, расходы на проезд и проживание для обеспечения его присутствия на слушаниях в Большой Палате, а также некоторые почтовые расходы.

129. Власти государства-ответчика никак не прокомментировали потребованную заявителем сумму компенсации судебных расходов и издержек.

130. Согласно правоприменительной практике Европейского Суда заявитель имеет право на компенсацию судебных расходов и издержек, только если доказано, что они были понесены в действительности и по необходимости и являлись разумными по количеству. Принимая во внимание нахо-

дящиеся в его распоряжении документы и вышеупомянутый критерий, Европейский Суд считает разумным присудить заявителю сумму, затребованную в качестве компенсации судебных расходов и издержек при рассмотрении дела в Европейском Суде.

C. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

131. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд:

1) *отклонил* 15 голосами «за» при двух – «против», предварительные возражения властей государства-ответчика, касающиеся неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты;

2) *объединил* с рассмотрением дела по существу единогласно предварительное возражение государства-ответчика, касающееся статуса жертвы, и отклонил его;

3) *постановил* единогласно, что имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;

4) *постановил* единогласно, что:

(a) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, применимому на день оплаты:

(i) 3 000 евро (три тысячи евро) плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы, в качестве компенсации морального вреда;

(ii) 4837 евро (четыре тысячи восемьсот тридцать семь евро) плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

(b) по истечении указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на указанные суммы должны начисляться простые проценты в размере предельной годовой кредитной ставки Европейского центрального банка, действующей в период невыплаты, плюс три процента;

5) *отклонил* единогласно оставшиеся требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, вынесено во время публичных слушаний во Дворце прав человека в г. Страсбурге 5 июля 2016 г.

Сёрен ПРЕБЕНСЕН	Гвидо РАЙМОНДИ
Заместитель Секретаря	Председатель
Большой Палаты	Большой Палаты

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие особые мнения:

(a) совместное совпадающее мнение судей Ангелики Нуссбергер и Пола Махони;

(b) совпадающее мнение судьи Роберта Спано, к которому присоединился судья Дмитрий Дедов;

(c) совместное частично несовпадающее мнение судей Андраша Шайо и Кшиштофа Войтычека.

СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ АНГЕЛИКИ НУССБЕРГЕР И ПОЛА МАХОНИ

Мы согласны с выводом судей Андраша Шайо и Кшиштофа Войтычека, выраженного в их совместном частично несовпадающем мнении, о том, что власти государства-ответчика не были лишены возможности выдвигать предварительное возражение о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, поскольку, когда они были уведомлены о жалобе в январе 2010 года, любое содержание под стражей после 29 июня 2007 г. не было внесено в изложение фактических обстоятельств, подготовленное Секретариатом Суда, и их (власти) не просили комментировать этот период (см. § 65 настоящего Постановления). Власти государства-ответчика должны иметь возможность добросовестно полагаться на ясные указания Европейского Суда в отношении конвенционных вопросов, которые должны быть ими рассмотрены, не опасаясь лишиться права выдвижения соответствующих возражений в том случае, если в материалы дела позднее включаются дополнительные конвенционные вопросы, выходящие за рамки указаний Европейского Суда.

В то же время в конкретных обстоятельствах дела от заявителя нельзя было обоснованно ожидать, что он обжаловал бы постановления суда о применении домашнего ареста, вместо более строгой меры пресечения в виде заключения под стражу, принимая во внимание, что заявитель подверг бы себя риску усугубить свою ситуацию. Мы согласны с большинством судей в том, что в связи с указанным обстоятельством «он испытывал очевидное давление» (см. § 108 Постановления настоящего Постановления). Следовательно, по нашему мнению, хотя власти государства-ответчика, с точки зрения справедливой процедуры, не должны лишаться возможности представлять возражения о неисчерпании внутригосударственных средств правой защиты, в обстоятельствах дела заявителя это возражение необосновано по сути и должно быть отклонено. Таким образом, мы приходим к тому же выводу по этому вопросу, что и большинство судей, но используя разные доводы.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ РОБЕРТА СПАНО, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛСЯ СУДЬЯ ДМИТРИЙ ДЕДОВ

I

1. Сегодняшнее Постановление Большой Палаты содержит заслуживающее одобрения уточнение относительно прецедентной практики по пункту 3 статьи 5 Конвенции, касающееся требования того, что лишение свободы, чтобы сохранить свою силу, всегда должно основываться на относящихся к делу и достаточных основаниях. Я полностью согласен с Постановлением.

2. Однако я считаю необходимым представить особое мнение, чтобы подчеркнуть вопрос, рассматриваемый в §§ 106–110 настоящего Постановления, которые обусловлены аргументом, выдвинутым властями государства-ответчика, касающимся домашнего ареста заявителя. Власти Республики Молдова ссылались на тот факт, что заявитель сам ходатайствовал о своем помещении под домашний арест и не обжаловал постановления суда, санкционирующие эту меру. Европейский Суд исходит из того, что данный аргумент «поднимает важный вопрос, а именно, отказался ли заявитель от своего права на свободу», и в § 109 делает вывод о том, что он не готов на основе фактов дела признать, что согласие заявителя на домашний арест и упущение возможности обжалования данной меры равнозначны его отказу от прав, предусмотренных статьей 5 Конвенции.

3. Хотя обоснование по этому вопросу не совсем ясно, из него, по-видимому, можно сделать вывод, что Европейский Суд исходит из предположения о том, что в принципе лица, задержанные по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции, своими действиями могут, по сути, отказаться от своего права на свободу. В силу нижеследующих причин, это предположение не основано на доктринальных или правовых принципах и не имеет никаких оснований в существующей прецедентной практике Европейского Суда. Другими словами, характер и суть основополагающего права на свободу, по моему мнению, не подпадает под действие ограничений, основанных на том факте, что лицо, лишенное свободы, рассматривается как лицо, отказавшееся от своих прав согласно статье 5 Конвенции.

II

4. Начнем с некоторых концептуальных замечаний. Чтобы возник вопрос о том, может ли лицо отказаться от своего права на свободу, следует исключить ситуации, когда указанное лицо фактически не было заключено под стражу по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции. Бездомный или бродяга, который заходит в отделение полиции и просится переночевать, и его помещают в камеру, не лишен свободы, если он может уйти, когда того пожелает. Следовательно, по определению лишение свободы возникает, когда данная мера, например, содержание под стражей в соответствующем учреждении или домашний арест, применяется со стороны государственного органа к не желающим этого лицам, таким образом ограничивая его или ее личную независимость и физическую неприкосновенность. Только в подобных ситуациях возникает вопрос о возможном согласии лица, и, соответственно, может ли (и в какой степени) согласие на помещение под стражу оказать влияние на защиту, предоставляемую статьей 5 Конвенции.

5. Чтобы пояснить это мнение далее, представим себе ситуацию, когда прокурор уведомляет лицо, подозреваемое в совершении уголовного преступления, что считает, что были соблюдены все правовые условия для помещения подозреваемого под стражу в рамках избранной меры пресечения. Однако чтобы не тратить время, прокурор спрашивает, согласен ли подозреваемый с тем, чтобы его заключили под стражу на срок 30 дней, без запрашивания прокурором подтверждения суда, как это предусмотрено внутригосударственным законодательством. Подозреваемый соглашается, и его заключают под стражу.

6. Имеет ли согласие подозреваемого на применение превентивных мер какое-либо отношение к его праву на свободу? Иными словами, может ли то обстоятельство, что подозреваемый на основании ясного и осознанного согласия принял факт заключения его под стражу, ограничивать его защиту согласно статье 5 Конвенции, а именно, что заключение под стражу должно быть «законным» согласно пункту 1 и может быть разрешено только в соответствии с одним из подпунктов этого же пункта? Или же это означает, что государство более не обязано незамедлительно доставлять подозреваемого к судье согласно пункту 3 статьи 5 Конвенции или предоставлять задержанному процессуальные гарантии незамедлительного рассмотрения судом правомерности заключения под стражу в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции с целью изучения вопроса, имеет ли по-прежнему содержание под стражей относящиеся к делу и достаточные основаниях?

7. На мой взгляд, ответ отрицательный. Характер и суть права на свободу согласно Конвенции не подвержены никакому анализу «отказа от прав», похожему на тот, который был принят Европейским Судом в соответствии со статьей 6 Конвенции. Аналогичным образом, и неудивительно, это была последовательная позиция Европейского Суда до сегодняшнего дня. В своей сложившейся прецедентной практике Европейский Суд провозгласил, что право на свободу в том значении, которое придает ему Конвенция, слишком важно в «демократическом обществе», чтобы человек лишился привилегии защиты на основании Конвенции по

одной только причине, что он сам сдался полиции. Принудительное содержание под стражей может нарушать статью 5 Конвенции, даже несмотря на согласие задержанного (см. Постановление Европейского Суда по делу «Венскуте против Литвы» (Venskutė v. Lithuania) от 11 декабря 2012 г., жалоба № 10645/08, § 72 с последующими ссылками, и Постановление Европейского Суда по делу «Шторк против Германии» (Storck v. Germany), жалоба № 61603/00, *ECHR* 2005-V, § 75). Кроме того, что касается важной надзорной роли Европейского Суда в этом отношении, Европейский Суд объявил в бельгийском деле о бродяжничестве 1971 года (см. Постановление Европейского Суда по делу «Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии» (De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium) от 18 июня 1971 г., Series A, № 12, § 65), что, «когда проблема затрагивает публичный порядок в пределах Совета Европы, то в каждом случае необходим скрупулезный контроль конвенционными органами за всеми мерами, которые могут нарушить права и свободы, гарантируемые Конвенцией».

8. В заключение, я со всем уважением полагаю, что в настоящем деле Большая Палата ошиблась, исходя из предположения о том, что отказ от права на свободу в принципе возможен согласно статье 5 Конвенции. Довод властей государства-ответчика относительно согласия заявителя на домашний арест по сути следовало бы рассматривать, как довод о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты согласно пункту 1 статьи 35 Конвенции. Принимая во внимание гибкую концепцию исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты в прецедентной практике Европейского Суда, данный довод должен был быть тогда отклонен, а Европейский Суд должен был признать, что, принимая во внимание конкретные обстоятельства дела, заявитель не был обязан оспаривать судебные постановления, санкционирующие эту меру.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ АНДРАША ШАЙО И КШИШТОФА ВОЙТЫЧЕКА

1. При всем уважении, мы не согласны с мнением большинства судей по вопросу о том, следует ли отклонить возражение властей государства-ответчика о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты

I

2. Настоящее дело поднимает серьезный вопрос процессуальной справедливости. Эффективная защита конвенционных прав требует не только соблюдения процессуальных прав сторон при рассмотрении дела в Европейском Суде, но также взаимного доверия в отношениях между Европейским Судом и сторонами. Поэтому, если Европейский Суд дает инструкции сторонам, последние должны быть уверены в том, что, если они добросовестно исполнят эти указания, они не окажутся в правовой ловушке, и что в результате не будут затронуты их законные процессуальные интересы.

3. В настоящем деле Европейский Суд на стадии уведомления о жалобе подготовил изложение фактических обстоятельств, в котором были перечислены события, произошедшие до вынесения Апелляционной палатой г. Кишинева постановления от 29 июня 2007 г. Европейский Суд также информировал стороны о жалобах заявителя на нарушение статьи 5 Конвенции следующим образом:

> «Заявитель жалуется, ссылаясь на пункты 1 и 4 статьи 5 Конвенции, что суды санкционировали, а затем продлили срок содержания его под стражей до суда без предоставления соответствующих и достаточных оснований для этого».

Следующее указание содержалось в письме из Секретариата Суда от 18 января 2010 г.:

> «Если власти государства-ответчика примут решение о представлении замечаний, они должны рассматривать только жалобы, касающиеся доводов для заключения под стражу до суда (пункт 3 статьи 5 Конвенции), изложенных в документе, прилагаемом к данному письму».

Как отмечалось выше, в прилагаемом документе содержались только факты, имевшие место до 29 июня 2007 г. Вопрос о домашнем аресте не упоминался в изложении фактических обстоятельств дела. Властям государства-ответчика никогда прямо не предлагалось комментировать данный аспект дела.

4. В письме от 16 июня 2011 г. власти Республика Молдова подробно изложили ход событий, имевших место после 29 июня 2007 г. Они также сообщили, что не будут рассматривать эти события, «учитывая жалобы заявителя и определенные Европейским Судом пределы рассмотрения дела, установленные при уведомлении о жалобе». Исходя из этого в своих замечаниях власти государства-ответчика не рассматривали вопрос о том, исчерпал ли заявитель все средства внутригосударственной правовой защиты применительно к вопросу о домашнем аресте.

Верно, что в делах, касающихся длящейся ситуации, власти государства-ответчика должны комментировать все события, имевшие место после официального уведомления о жалобе, которые являются частью указанной длящейся ситуации. Однако оценка того, являются ли содержание под стражей в рамках избранной меры пресечения и последующий домашний арест элементами одной длящейся ситуации, является далеко не очевидной. Именно это является основным вопросом в настоящем деле.

В настоящем деле заявитель был освобожден из-под стражи и помещен под домашний арест по-

становлением от 20 июля 2007 г. Нет сомнений, что домашний арест представляет собой лишение свободы по смыслу статьи 5 Конвенции. В то же время условия домашнего ареста существенно отличаются от условий содержания под стражей в рамках избранной меры пресечения. Следовательно, вопрос о том, является ли домашний арест частью длящейся ситуации, которая начинается с содержания под стражей в рамках избранной меры пресечения в целях оценки исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, является вопросом, по которому два здравомыслящих адвоката могут не договориться. Нет оснований усомниться в том, что власти государства-ответчика, отвечая на уведомление Европейского Суда о деле, следовали указаниям Европейского Суда строго и добросовестно. В данном контексте невозможно обвинить власти Республики Молдова в том, что они не выдвинули возражение о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в отношении домашнего ареста до вынесения Палатой Постановления по делу. Принимая во внимание содержание указаний, направленных властям государства-ответчика на этапе уведомления, Европейский Суд утратил право использовать аргумент опоздания.

5. Несмотря на изложенное большинство судей решили отклонить возражение властей государства-ответчика о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты как выдвинутое с опозданием. На стадии рассмотрения дела в Большой Палате просто несправедливо обвинять власти государства-ответчика, которые только пытались выполнить полученные ими указания, за то, что они ранее не подняли вопрос об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты. По нашему мнению, отклонение возражения властей Республики Молдова о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты является нарушением принципа процессуальной справедливости.

II

6. Мы полностью согласны с большинством судей в том, что позиция заявителя по отношению к домашнему аресту и отсутствие обжалования этой меры не означают отказ заявителя от его права на свободу (см. § 109 настоящего Постановления). Однако мы не убеждены в том, что нельзя было обоснованно ожидать, что заявитель оспорит постановления суда, санкционирующие его домашний арест (см. § 108 настоящего Постановления). Данное утверждение большинства судей основывается на предположении о структурном недостатке правовой системы Республики Молдова и преследовании заявителя компетентными органами. Однако нет никаких оснований полагать, что обжалование заявителем факта применения к нему домашнего ареста поставило бы его под угрозу того, что к нему вновь бы применили меру пресечения в виде заключения под стражу.

III

7. По приведенным выше причинам мы проголосовали против отклонения возражения властей государства-ответчика о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты.

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

Дело «Муршич (Muršić) против Хорватии»[1]

(Жалоба № 7334/13)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ[2]

г. Страсбург, 20 октября 2016 г.

По делу «Муршич против Хорватии» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Гвидо Раймонди, *Председателя Большой Палаты*,
Андраша Шайо,
Луиса Лопеса Герра,
Мирьяны Лазаровой Трайковской,
Ангелики Нуссбергер,
Кристины Пардалос,
Винсента А. де Гаэтано,
Паулу Пинту де Альбукерке,
Пола Махони,
Алеша Пейхала,
Кшиштофа Войтычека,
Фариса Вехабовича,
Ксении Туркович,
Йона Фридрика Кьёлбро,
Йонко Грозева,
Армена Арутюняна,
Паулиин Коскело, *судей*,
а также при участии Родерика Лидделла, *Секретаря-канцлера Европейского Суда*,
рассмотрев дело в открытых слушаниях 6 января и 23 июня 2016 г.,
вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 7334/13, поданной против Республики Хорватия в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Хорватии Криштияном Муршичем (*Kristijan Muršić*) (далее – заявитель) 17 декабря 2012 г.

2. Интересы заявителя, которому были компенсированы расходы, связанные с получением юридической помощи, представлял З. Видович (*Z. Vidović*), адвокат, практикующий в г. Вараждин (*Varaždin*). Власти Республики Хорватия (далее также – власти государства-ответчика) были представлены Ш. Стажник (*Š. Stažnik*), Уполномоченным Республики Хорватия в Европейском Суде.

3. Заявитель, в частности, утверждал со ссылкой на статью 3 Конвенции, что условия его содержания под стражей являлись неудовлетворительными, главным образом из-за недостатка личного пространства.

4. Жалоба была направлена в Первую Секцию Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). 8 октября 2013 г. Председатель Первой Секции Европейского Суда принял решение коммуницировать жалобу властям Республики Хорватия. 12 марта 2015 г. Палата этой Секции Европейского Суда в следующем составе: Изабель Берро, Председателя, Ханлара Гаджиева, Юлии Лаффранк, Линос-Александра Сицилианоса, Эрика Мёсе, Ксении Туркович и Дмитрия Дедова, судей, а также при участии Сёрена Нильсена, Секретаря Секции Суда, – вынесла постановление по настоящему делу. Палата Европейского Суда единогласно объявила жалобу на нарушение статьи 3 Конвенции приемлемой для рассмотрения по существу, а в остальной части – неприемлемой. Большинством голосов Палата Европейского Суда постановила, что по делу не было допущено нарушения статьи 3 Конвенции. Особое мнение по делу выразил судья Л.-А. Сицилианос.

5. 10 июня 2015 г. заявитель ходатайствовал о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты Европейского Суда в соответствии со статьей 43 Конвенции. 6 июля 2015 г. коллегия судей Большой Палаты удовлетворила его ходатайство.

6. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Суда. На заключительных прениях судей Ишиль Каракаш и Эгидиюса Куриса, которые не смогли принять участие в дальнейшем рассмотрении дела, заменили запасные судьи Кшиштоф Войтычек и Паулиин Коскело (пункт 3 правила 24 Регламента Суда).

7. Заявитель и власти Республики Хорватия представили в Европейский Суд свои дополнительные письменные объяснения по существу дела (пункт 1 правило 59 Регламента Суда). Кроме того, комментарии по делу были получены от французского отделения Организации по международному наблюдению за тюрьмами (*Observatoire international des prisons – section française*), Бельгийской лиги прав человека (*Ligue belge des droits de l'homme*) и Европейской сети по обжалованию действий сотрудников мест лишения сво-

[1] Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под ред. Ю.Ю. Берестнева (*примеч. редактора*).

[2] Настоящее Постановление вступило в силу 20 октября 2016 г. в соответствии с пунктом 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

боды (*Réseau européen de contentieux pénitentiaire*). Комментарии по делу поступили также от центра документации «Другое право» (*Documentation Centre «L'altro diritto onlus»*). 7 и 20 октября 2015 г. Председатель Большой Палаты Европейского Суда разрешил этим организациям вступить в письменное производство по делу в качестве третьих сторон (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 3 правила 44 Регламента Суда).

8. Открытое заседание по делу было проведено во Дворце прав человека в г. Страсбург 6 января 2016 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

В Европейском Суде выступили:

(a) со стороны властей Республики Хорватия:

Ш. Стажник, Уполномоченный Республики Хорватия в Европейском Суде, *агент*,

А. Мостовац (*A. Mostovac*), сотрудник аппарата Уполномоченного Республики Хорватия в Европейском Суде,

М. Конфорта (*M. Konforta*), сотрудница аппарата Уполномоченного Республики Хорватия в Европейском Суде,

М. Барич (*M. Barić*), начальник Департамента пенитенциарных учреждений Министерства юстиции Хорватии, *консультанты*;

(b) со стороны заявителя:

З. Видович, юрист, *адвокат*,

А. Видович (*A. Vidović*), юрист, *консультант*.

Европейский Суд заслушал выступления З. Видовича и Ш. Стажник, а также ответы З. Видовича и А. Мостоваца на вопросы судей.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Заявитель, 1987 года рождения, проживает в г. Куршанец (*Kuršanec*).

А. ПРЕДЫСТОРИЯ ДЕЛА

10. Приговором Чаковецкого районного суда (*Županijski sud u Čakovcu*) от 19 июня 2008 г., оставленным без изменения Верховным судом Республики Хорватия (*Vrhovni sud Republike Hrvatske*) 3 февраля 2009 г., заявителю было назначено наказание в виде двух лет лишения свободы за вооруженный грабеж.

11. 2 июля 2010 г. Чаковецкий муниципальный суд (*Općinski sud u Čakovcu*) приговорил его к лишению свободы сроком на один год за кражу. 3 ноября 2010 г. данный приговор был оставлен без изменения Чаковецким районным судом.

12. По ходатайству заявителя коллегия из трех судей Чаковецкого районного суда, приняв во внимание эти два приговора, 26 августа 2011 г. назначила ему совокупное наказание в виде лишения свободы сроком на два года и 11 месяцев.

В. УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЗАЯВИТЕЛЯ В БЬЕЛОВАРСКОЙ ТЮРЬМЕ

13. 16 октября 2009 г. заявителя перевели из полусвободного режима содержания в Туропольевской государственной тюрьме (*Kaznionica u Turopolju*) в Бьеловарскую районную тюрьму (*Zatvor u Bjelovaru*) для отбывания наказания, первоначально назначенного ему Чаковецким районным судом 19 июня 2008 г. (см. § 10 настоящего Постановления). Как отмечалось в отчете администрации Туропольевской государственной тюрьмы, перевод произошел из-за плохого поведения заявителя и угрозы совершения им побега.

14. Заявитель содержался в Бьеловарской тюрьме до 16 марта 2011 г., после чего его перевели в Вараждинскую районную тюрьму (*Zatvor u Varaždinu*) по решению Департамента пенитенциарных учреждений Министерства юстиции Хорватии (*Ministarstvo pravosuđa, Uprava za zatvorski sustav*) от 11 марта 2011 г.

15. По словам заявителя, когда он содержался в Бьеловарской тюрьме, его помещали в переполненные камеры. В частности, он утверждал, что в течение периода общей продолжительностью 50 дней на него приходились менее 3 кв. м площади, в том числе один раз 27 дней подряд. Кроме того, несколько раз в камерах его личное пространство составляло от 3 до 4 кв. м (см. § 17 настоящего Постановления).

16. Далее заявитель указывал, что камеры, в которых его размещали, были в неудовлетворительном состоянии, в них было сыро и грязно, на всех заключенных не хватало тумбочек и стульев. Санузлы находились в том же помещении, что и жилая зона, от которой они не были полностью отделены. Санузлы располагались примерно в полуметре от обеденного стола, и в камере постоянно плохо пахло. Кроме того, заявителю в тюрьме не давали возможности работать и не обеспечивали ему надлежащих условий для отдыха и получения образования. Заключенным разрешалось свободно передвигаться за пределами закрытой части тюрьмы с 16.00 до 19.00, объектов инфраструктуры вне камеры было недостаточно, и они находились в плохом состоянии, в частности, имелся лишь один открытый прогулочный двор. Питание было плохого качества, санитарно-гигиенические условия неудовлетворительными, особенно из-за того, что туалет не был отделен от жилой зоны. У заключенных не было достаточных возможностей пользоваться горячей водой, им разрешалось принимать душ только один раз, а иногда три раза в неделю.

17. По утверждениям властей государства-ответчика, во время нахождения заявителя в Бьеловарской тюрьме на него приходилось в среднем 3,59 кв. м личного пространства. Его размещали в четырех разных камерах, условия содержания в которых подробно описаны ниже в таблице.

Размеры камер указывают на их общую площадь (по данным, предоставленным властями государства-ответчика) и на площадь без учета санитарных установок в камерах (по методике, изложенной в § 114 настоящего Постановления). Эти расчеты основаны на примерной площади санузла (1,9 кв. м) согласно поэтажным планам Бьеловарской тюрьмы, переданным Европейскому Суду властями государства-ответчика, которые заявитель не оспаривал.

Таблица

Номер камеры	Период содержания	Общее количество человек в камере	Общая площадь (кв. м)	Личное пространство (кв. м)	Площадь без учета санузла (кв. м)	Личное пространство (кв. м)
1/O	16.10–15.11.2009	6	19,7	3,28	17,8	2,96
1/O	16–19.11.2009	5	19,7	3,94	17,8	3,56
1/O	20.11.2009–05.02.2010	6	19,7	3,28	17,8	2,96
1/O	06–08.02.2010	5	19,7	3,94	17,8	3,56
1/O	09.02–10.04.2010	6	19,7	3,28	17,8	2,96
1/O	11–20.04.2010	5	19,7	3,94	17,8	3,56
8/O	21.04.2010	8	22,88	2,86	20,98	2,62
8/O	22–29.04.2010	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	30.04–02.05.2010	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/O	03–05.05.2010	5	22,88	4,58	20,98	4,19
8/O	06–07.05.2010	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/O	08–09.05.2010	5	22,88	4,58	20,98	4,19
8/O	10–25.05.2010	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/O	26.05.2010	5	22,88	4,58	20,98	4,19
8/O	27.05–02.06.2010	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/O	03–04.06.2010	5	22,88	4,58	20,98	4,19
8/O	05–16.06.2010	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/O	17–19.06.2010	5	22,88	4,58	20,98	4,19
8/O	20–30.06.2010	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/O	01–02.07.2010	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	03–05.07.2010	8	22,88	2,86	20,98	2,62
8/O	06–17.07.2010	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	18.07–13.08.2010	8	22,88	2,86	20,98	2,62
14–17.08.2010 – заявитель находился в тюремной больнице						
8/O	18–26.08.2010	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	27–30.08.2010	5	22,88	4,58	20,98	4,19
4/O	31.08–02.09.2010	8	22,36	2,80	20,46	2,55
4/O	03.09.2010	7	22,36	3,19	20,46	2,92
8/O	04–06.09.2010	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/O	07.09.2010	4	22,88	5,72	20,98	5,24
8/O	08–16.09.2010	5	22,88	4,58	20,98	4,19
8/O	17.09.2010	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/O	18.09.2010	5	22,88	4,58	20,98	4,19
8/O	19.09–01.10.2010	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/O	02–05.10.2010	5	22,88	4,58	20,98	4,19
8/I	06–07.10.2010	5	22,18	4,44	20,28	4,05
8/I	08–19.10.2010	4	22,18	5,55	20,28	5,07
8/I	20–21.10.2010	3	22,18	7,39	20,28	6,76
8/I	22–23.10.2010	4	22,18	5,55	20,28	5,07
8/I	24–25.10.2010	5	22,18	4,44	20,28	4,05
8/I	26–28.10.2010	6	22,18	3,70	20,28	3,38
8/I	29–30.10.2010	5	22,18	4,44	20,28	4,05
8/I	31.10–04.11.2010	6	22,18	3,70	20,28	3,38
4/O	05.11.2010	6	22,36	3,73	20,46	3,41
4/O	06–09.11.2010	5	22,36	4,47	20,46	4,09
4/O	10–13.11.2010	6	22,36	3,73	20,46	3,41
4/O	14–18.11.2010	7	22,36	3,19	20,46	2,92
4/O	19–26.11.2010	8	22,36	2,80	20,46	2,55
4/O	27–30.11.2010	7	22,36	3,19	20,46	2,92
8/O	01–03.12.2010	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/O	04–09.12.2010	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	10–12.12.2010	8	22,88	2,86	20,98	2,62
8/O	13–21.12.2010	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	22–24.12.2010	8	22,88	2,86	20,98	2,62
8/O	25–31.12.2010	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	01–16.01.2011	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/O	17–25.01.2011	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	26–27.01.2011	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/O	28.01–23.02.2011	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	24–25.02.2011	8	22,88	2,86	20,98	2,62
8/O	26–28.02.2011	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	01–15.03.2011	5	22,88	4,58	20,98	4,19
8/O	16.03.2011	6	22,88	3,81	20,98	3,49

18. Далее власти государства-ответчика пояснили, что в каждой камере, где содержался заявитель, были окна, через которые поступают солнечный свет и свежий воздух. Кроме того, в камерах было искусственное освещение. Во всех камерах действуют центральное отопление и система коммуникации, с помощью которой заключенные могут при необходимости немедленно вызвать охранников. Туалет во всех камерах полностью отделен от жилой зоны и оборудован собственной системой вентиляции. Во всех камерах есть прямой доступ к питьевой воде. Камеры постоянно поддерживаются в хорошем состоянии. В 2007 году, июле 2009 года и мае – июле 2010 года, а также в 2011–2013 годах в камерах проводились необходимые ремонтные и отделочные работы. Заключенным обеспечиваются все необходимые санитарно-гигиенические условия. В частности, они могут принимать душ три раза в неделю, а также после занятий спортом. Каждому заключенному регулярно выдаются необходимые туалетные принадлежности и моющие средства для содержания камер в чистоте. Каждые 15 дней, а при необходимости и чаще, заключенные получают чистое постельное белье и одеяла. Кроме того, заключенные обеспечиваются необходимой одеждой, также им разрешено носить и собственную. Рацион питания основан на заключениях экспертов, и компетентные государственные органы осуществляют постоянный контроль за качеством пищи. Заключенным обеспечивается ежедневное трехразовое питание, удовлетворяющее необходимым требованиям и контролирующееся тюремным врачом. Они могут принимать пищу в камерах или столовой.

19. Власти государства-ответчика также указали, что заключенным разрешается свободно передвигаться вне камер по утрам и после полудня, а также пользоваться объектами инфраструктуры Бьеловарской тюрьмы в помещениях и на улице. В частности, предусмотрены двухчасовая прогулка и свободное передвижение по тюрьме вне камер с 16.00 до 19.00. В частности, в рамках обычного распорядка дня подъем заключенных производится в 7.00 в рабочие дни и в 7.30 в выходные и праздничные дни. Затем они умываются, заправляют кровати и завтракают, после чего производят утреннюю уборку камеры. Далее до 13.00 у них свободное время, в течение которого они могут принимать участие во многих мероприятиях. С 13.00 до 14.00 у них обед. После обеда обычно проводятся различные групповые занятия и встречи с адвокатами и сотрудниками тюрьмы. С 16.00 до 19.00 двери камер вновь отрываются, и заключенные могут свободно передвигаться по тюрьме и пользоваться имеющимися у них возможностями по своему усмотрению. Ужин проходит в 19.00, затем производятся вечерняя уборка камер и других помещений тюрьмы.

20. Власти государства-ответчика утверждали, что в Бьеловарской тюрьме имеется зона отдыха, расположенная во дворе, там есть не только асфальтированные дорожки, но и лужайка. Площадь прогулочного двора составляет 305 кв. м. В зоне отдыха имеется прямой доступ к питьевой воде, есть искусственное освещение, а также укрытие на случай плохой погоды. Спортивный зал работает с 8.00 до 12.30 и с 14.00 до 18.00, а баскетбольная площадка – с 15.00 до 16.00 в рабочие дни и утром и после обеда по выходным. В зоне отдыха также есть площадка для игры в бадминтон и теннисные столы. Заключенные могут брать книги и пользоваться другими услугами Бьеловарской библиотеки, которая регулярно работает в тюрьме. Кроме того, администрация тюрьмы обеспечивает проведение религиозных обрядов и организует контакты с культурными и религиозными организациями. В каждой камере есть телевизор с кабельными каналами, который можно смотреть с 7.00 до 23.00 в рабочие дни и с 7.30 до полуночи в выходные и праздничные дни. В камерах также есть радио, предусмотрена возможность брать для просмотра фильмы из видеотеки Бьеловарской тюрьмы. Кроме того, заключенным разрешено общаться, играя в настольные игры. В тюрьме также есть комната для свиданий с супругами, и заключенные могут получать различные товары из-за ее пределов. Бьеловарская тюрьма предлагает возможность получать образование в тюрьме, но заявитель решил ею не воспользоваться. При наличии финансовых возможностей в тюрьме обеспечивается наличие оплачиваемой работы. В то время они были ограничены из-за общего экономического кризиса. Существует возможность работать за пределами тюрьмы, но вследствие угрозы побега и плохого поведения заявителя во время отбывания наказания ранее ему такая возможность не предоставлялась. Во время нахождения в Бьеловарской тюрьме заявитель регулярно получал медицинскую помощь. Когда его судили в г. Чаковеце за другое преступление, он четыре раза встречался со своей семьей и мог общаться с родственниками по телефону 20 минут в неделю и еще 10 минут дополнительно по праздникам.

21. Власти государства-ответчика подкрепили свои доводы фотографиями, сделанными в 2007, 2010 и 2011 годах в ходе ремонта тюрьмы и ее посещений различными официальными лицами, поэтажными планами и другими документами относительно имеющихся в Бьеловарской тюрьме объектов инфраструктуры, медицинского обслуживания и питания заявителя.

C. ЖАЛОБЫ ЗАЯВИТЕЛЯ НА УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ В ТЮРЬМЕ

22. 24 марта 2010 г. заявитель через адвоката обратился к администрации Бьеловарской тюрь-

мы, попросив перевести его в Вараждинскую тюрьму по личным и семейным обстоятельствам.

23. 26 апреля 2010 г. он подал в Департамент пенитенциарных учреждений Министерства юстиции Хорватии общую жалобу на бездействие администрации Бьеловарской тюрьмы, утверждая, что она ни разу не дала ему возможности встретиться с соответствующими должностными лицами и игнорировала его просьбу о переводе в другую тюрьму, а также, что питание в тюрьме было неудовлетворительным.

24. 6 мая 2010 г. заявитель еще раз обратился с просьбой перевести его в Вараждинскую тюрьму по личным и семейным обстоятельствам, в частности, в связи с тем, что из-за плохого финансового положения родственникам было трудно было его посещать.

25. 14 июля 2010 г. Департамент пенитенциарных учреждений Министерства юстиции Хорватии ответил на жалобы заявителя, признав их полностью необоснованными. Департамент отметил, что заявителю обеспечивались достаточные возможности для общения со своими родственниками по телефону, а также в то время, когда его привозили на судебные заседания по его уголовному делу в марте, апреле и июле 2010 года. Департамент пояснил, что заявитель не работал по той причине, что в Бьеловарской тюрьме не было достаточного количества рабочих мест. Кроме того, у заявителя были семь встреч с начальником тюрьмы и 25 встреч с другими сотрудниками Бьеловарской тюрьмы. Департамент отметил, что приготовление пищи осуществлялось на основании рекомендаций экспертов, и тюремный врач постоянно контролировал рацион продуктов.

26. 24 августа 2010 г. заявитель подал жалобу на условия его содержания под стражей судье по исполнению наказаний Бьеловарского районного суда (*Županijski sud u Bjelovaru*). Он отметил, что основной причиной его жалоб является желание добиться перевода в другую тюрьму поближе к своей семье. Кроме того, он жаловался, в частности, на то, что его ходатайство разрешить ему работать в тюрьме осталось без ответа. Он содержался вместе с семью другими заключенными в камере № 8 общей площадью 18 кв. м, которая не была оборудована всем необходимым и находилась в неудовлетворительном состоянии. Санитарно-гигиенические условия были плохими, поскольку ему разрешалось принимать душ только три раза в неделю.

27. После того, как заявитель подал жалобу, судья по исполнению наказаний потребовала от администрации Бьеловарской тюрьмы представить подробный отчет об условиях, в которых он содержался.

28. Получив соответствующий отчет и выслушав заявителя лично, судья по исполнению наказаний 7 октября 2010 г. отклонила его жалобы, признав их необоснованными. Она, в частности, решила, что у заявителя было достаточно личного пространства, так как в то время в одной камере с ним содержались еще четыре человека. Судья по исполнению наказаний также пришла к выводу, что заявителю были обеспечены хорошие санитарно-гигиенические условия и что он не работает в тюрьме, поскольку такой возможности нет ни у одного заключенного в Бьеловарской тюрьме.

29. 15 октября 2010 г. заявитель обжаловал решение судьи по исполнению наказаний в коллегию из трех судей Бьеловарского районного суда, утверждая, что судья пришла к неправильным выводам об обстоятельствах дела, так как в камере № 8 содержались до восьми заключенных.

30. 21 октября 2010 г. коллегия из трех судей Бьеловарского районного суда отклонила жалобу заявителя, признав ее необоснованной, и согласилась с мотивировками судьи по исполнению наказаний. Кроме того, она пояснила, что норма площади в 4 кв. м на одного человека, установленная Законом «Об исполнении наказаний в виде лишения свободы», – это рекомендованный минимальный стандарт, которому в принципе нужно следовать, но если он временно не соблюдается, это не может привести к автоматическому нарушению прав заключенного. Поскольку уменьшение личного пространства в камере № 8 имело лишь временный характер, коллегия из трех судей пришла к выводу, что права заявителя не были нарушены.

31. 5 ноября 2010 г. заявитель обжаловал решение коллегии из трех судей в Бьеловарский районный суд. Он утверждал, что первые шесть месяцев после поступления в Бьеловарскую тюрьму он провел в камере № 1 площадью 17,13 кв. м, в которой находились в общей сложности шесть человек. Затем он в течение одного месяца содержался в камере № 8 на первом этаже площадью 17,13 кв. м вместе с еще шестью заключенными. После этого его перевели в другую камеру, которая тоже называлась «камера № 8», площадью 17,13 кв. м, где он провел шесть месяцев с восьмерыми заключенными. На момент подачи жалобы он содержался в камере № 4 с шестью заключенными.

32. 20 ноября 2010 г. заявитель подал конституционную жалобу в Конституционный суд Республики Хорватия (*Ustavni sud Republike Hrvatske*) со ссылкой на пункт 2 статьи 14 (равенство перед законом), статьи 26 (равенство перед государственными органами) и 29 (право на справедливое разбирательство дела) Конституции Республики Хорватия, жалуясь в общих выражениях на дефицит личного пространства и отсутствие возможности работать в Бьеловарской тюрьме. Кроме того, он сослался на пункт 3 статьи 74 Закона «Об исполнении наказаний в виде лишения свободы», гарантирующий заключенным достаточное личное пространство, и утверждал, что в отношении него данное положение не выполнялось.

33. 26 ноября 2010 г. заявитель подал жалобу Уполномоченному по правам человека Республики Хорватия (*Pučki pravobranitelj*) на то, что его не перевели в тюрьму поближе к его семье, утверждая в общих выражениях, что условия его содержания под стражей являлись неудовлетворительными.

34. Тем временем, в ноябре 2010 года, заявитель присоединился к группе заключенных, подавших судье по исполнению наказаний жалобу на неудовлетворительные условия содержания в Бьеловарской тюрьме.

35. В письме от 7 декабря 2010 г. Уполномоченный по правам человека предложил заявителю привести дополнительные доводы по его жалобам.

36. Заявитель ответил на это письмо 21 декабря 2010 г., указав, что судья по исполнению наказаний и коллегия из трех судей Бьеловарского районного суда ни разу подробно не рассмотрела его жалобы и что ему не обеспечивалось личное пространство площадью 4 кв. м, как того требует Закон «Об исполнении наказаний в виде лишения свободы».

37. В марте 2011 года заявителя осмотрел психиатр, который установил, что заявитель находился в состоянии фрустрации в связи с его содержанием под стражей и отсутствием возможности видеться со своей семьей.

38. 12 апреля 2011 г. в ответ на письмо заявителя Уполномоченный по правам человека указал, что по имеющимся сведениям содержание заявителя в Бьеловарской тюрьме не соответствует требованиям Закона «Об исполнении наказаний в виде лишения свободы» о норме площади. Кроме того, Уполномоченный по правам человека отметил, что ремонт в камере, в которой содержался заявитель, был сделан в 2010 году, и эта камера соответствует всем санитарно-гигиеническим требованиям. Уполномоченный по правам человека отметил также, что, как и остальные 92 заключенных тюрьмы, заявитель не работал в тюрьме, поскольку на всех не хватало рабочих мест.

39. 5 июня 2012 г. Конституционный суд Республики Хорватия объявил конституционную жалобу заявителя (см. § 32 настоящего Постановления) неприемлемой для рассмотрения по существу, признав ее явно необоснованной. В части, имеющей отношение к настоящему делу, в решении Конституционного суда сказано следующее:

> «В своей конституционной жалобе заявителю не удалось доказать, что Бьеловарский районный суд действовал в нарушение конституционных норм о правах человека и основных свободах или произвольно истолковал соответствующие положения закона. Следовательно, Конституционный суд приходит к выводу, что в настоящем деле вопрос о конституционных правах заявителя не возникает. Таким образом, дело не поднимает конституционно-правовых вопросов, по которым Конституционный суд мог бы вынести решение …».

40. 18 июня 2012 г. решение Конституционного суда Хорватии было вручено представителю заявителя.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ХОРВАТИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ХОРВАТИИ

1. Конституция Республики Хорватия

41. Статьи Конституции Республики Хорватия (*Ustav Republike Hrvatske*) (Официальный вестник Республики Хорватия, №№ 56/1990, 135/1997, 8/1998, 113/2000, 124/2000, 28/2001, 41/2001, 55/2001, 76/2010, 85/2010 и 5/2011) в соответствующих частях предусматривают следующее:

> «…**Статья 23**
>
> Никто не может быть подвергнут любой форме жестокого обращения…
>
> **Статья 25**
>
> С каждым задержанным и осужденным следует обращаться гуманно и уважать его человеческое достоинство…».

42. В части, имеющей отношение к настоящему делу, статья 62 Конституционного закона «О Конституционном суде Республики Хорватия» ((*Ustavni zakon o Ustavnom sudu Republike Hrvatske*), Официальный вестник Республики Хорватия, №№ 99/1999, 29/2002, 49/2002) предусматривает следующее:

> «1. Конституционную жалобу в Конституционный суд может подать любое лицо, если оно считает, что решение (*pojedinačni akt* – “индивидуальный акт”) государственного органа, органа местного и регионального самоуправления или юридического лица, наделенного государственными полномочиями, о его правах, обязанностях, подозрении или обвинении в совершении уголовно наказуемого деяния нарушило его права или основные свободы или его право на местное и региональное самоуправление, гарантированные Конституцией (далее – конституционное право)…».

2. Закон «Об исполнении наказаний в виде лишения свободы»

43. Имеющие отношение к настоящему делу положения Закона Хорватии «Об исполнении наказаний в виде лишения свободы» (*Zakon o izvršavanju kazne zatvora*) (Официальный вестник Республики Хорватия, №№ 128/1999, 55/2000, 99/2000, 129/2000, 59/2001, 67/2001, 11/2002, 190/2003, 76/2007, 27/2008, 83/2009 и 18/2011) устанавливают следующее:

«…**Цель исполнения наказаний в виде лишения свободы**

Статья 2

Основной целью исполнения наказаний в виде лишения свободы является обеспечение гуманного обращения и уважения достоинства лица, отбывающего наказание в виде лишения свободы (далее – заключенный), его подготовка к жизни после освобождения в соответствии с законом и нормами поведения в обществе.

Основные права и их ограничения

Статья 3

1. Заключенный пользуется защитой основных прав, предусмотренных Конституцией Республики Хорватия, международными договорами и настоящим законом.

2. Ограничение основных прав заключенного при исполнении наказания в виде лишения свободы допускается лишь в том случае, если это необходимо для достижения цели исполнения наказания, и в предусмотренном настоящим законом порядке.

3. Ограничение основных прав заключенного допускается лишь в исключительных случаях, если это необходимо для защиты порядка и безопасности в государственной или [районной] тюрьме и для защиты других заключенных.

4. Ограничения основных прав заключенных, предусмотренные настоящим законом, должны быть соразмерны основаниям их применения…

Органы, осуществляющие исполнение наказаний в виде лишения свободы

Статья 6

1. Исполнение наказаний в виде лишения свободы относится к юрисдикции и компетенции [Департамента пенитенциарных учреждений Министерства юстиции Республики Хорватия] и судьи по исполнению наказаний…

Запрещение незаконного обращения с заключенными

Статья 9

1. При исполнении наказаний в виде лишения свободы гарантируется соблюдение человеческого достоинства заключенных. Обращение, подвергающее заключенных пыткам, жестокому обращению или унижениям в какой бы то ни было форме, медицинским или научным экспериментам, запрещено и наказуемо.

2. Обращение, запрещенное согласно пункту 1 настоящей статьи, включает в себя, в частности, любое обращение, несоразмерное необходимости поддержания порядка и дисциплины в государственных или [районных] тюрьмах, или обращение, которое является незаконным и может привести к страданиям или несоответствующему ограничению основных прав заключенных…

Права заключенных

Статья 14

1. При соблюдении предусмотренных настоящим законом условий каждый заключенный имеет право:

…9) находиться в государственной или [районной] тюрьме на открытом воздухе как минимум два часа в день…

Жалобы

Статья 15

1. Заключенный имеет право обжаловать действия или решения сотрудников государственной или [районной] тюрьмы.

2. Жалобы подаются устно или в письменной форме на имя начальника тюрьмы или в центральное управление Департамента пенитенциарных учреждений [Министерства юстиции]…

5. Жалоба, поданная заключенным судье по исполнению наказаний, считается ходатайством о судебной защите по смыслу статьи 17 настоящего закона».

Судебная защита от действий и решений администрации государственной или (районной) тюрьмы

Статья 17

1. Заключенный может подать ходатайство о судебной защите от действий или решений, которые незаконно лишают его прав, гарантированных настоящим законом, или незаконно ограничивают эти права.

2. Судья по исполнению наказаний отклоняет ходатайство о судебной защите, если признает его необоснованным. Если ходатайство является обоснованным, судья по исполнению наказаний выносит распоряжение об устранении незаконного лишения или ограничений прав заключенного. Если это невозможно, судья по исполнению наказаний констатирует нарушение и запрещает его повторение.

3. Заключенный и пенитенциарное учреждение могут обжаловать решение судьи по исполнению наказаний…

Размещение заключенных

Статья 74

1. Размещение заключенных должно соответствовать стандартам здравоохранения, гигиены и личного пространства, а также учитывать климатические условия.

2. Заключенные, как правило, размещаются в отдельных помещениях. Заключенные, которые, как предполагается, не влияют друг на друга отрицательно, могут размещаться в одном помещении. У каждого заключенного должно быть индивидуальное спальное место. Заключенные проводят свободное время в жилых помещениях вместе с другими заключенными.

3. Помещения, в которых размещаются заключенные, должны быть сухими, чистыми и достаточно просторными. В каждом спальном помещении на одного заключенного должно приходиться минимум 4 квадратных метра и 10 кубических метров.

4. В каждом помещении, где живут или работают заключенные, должно быть естественное и искусственное освещение, позволяющее читать и работать, не напрягая зрение.

5. В государственных и [районных] тюрьмах должны быть туалеты, позволяющие заключенным регулярно удовлетворять свои физиологические потребности в чистоте и в нормальных условиях каждый раз, когда им это понадобится.

6. У заключенных всегда должен быть доступ к питьевой воде…

Личная гигиена и уборка помещений

Статья 76

1. Все помещения в государственной или (районной) тюрьме должны содержаться в хорошем состоянии, и в них регулярно должна проводиться уборка.

2. Уборка, предусмотренная пунктом 1 настоящей статьи, проводится заключенными в течение не более двух часов в день без финансовой компенсации.

3. У заключенных должна быть возможность мыться каждый день. Заключенные обязаны поддерживать личную гигиену. Государственные или [районной] тюрьмы обязаны обеспечивать наличие воды и туалетных принадлежностей для обеспечения личной гигиены и стирки белья, одежды, постельного белья и чистки обуви. В исключительных обстоятельствах может вводиться запрет на ношение бороды, усов и длинных волос по соображениям безопасности или здравоохранения.

4. Контроль над соблюдением личной гигиены и чистоты осуществляется врачом или иным медицинским специалистом…

Питание

Статья 78

1. Заключенным должна быть предложена надлежащим образом приготовленная пища, выдаваемая через регулярные промежутки времени. Качество и количество еды должны удовлетворять требованиям питания и гигиены и соответствовать возрасту, состоянию здоровья, характеру работы и, сообразно возможностям государственной или [районной] тюрьмы, религиозным и культурным предпочтениям заключенного…

Привлечение заключенных к труду

Статья 80

1. Заключенный имеет право на труд с учетом его состояния здоровья, [уровня] знаний и возможностей [имеющихся] в государственной или [районной] тюрьме…

Проведение свободного времени

Статья 96

1. Государственная или [районная] тюрьма должны обеспечивать место и условия для содержательного проведения свободного времени.

2. Государственная или [районная] тюрьма организует различные виды занятий для удовлетворения физических, духовных и культурных потребностей заключенных.

3. Заключенные проводят свободное время в мастерских (по рисованию, технической деятельности, музыке, литературе, театру, журналистике, компьютерным технологиям, риторике, тренировкам и т.п.)

4. Организованное проведение свободного времени определяется программой исполнения наказаний.

5. В соответствии с возможностями государственной или [районной] тюрьмы заключенному разрешается организовывать свое свободное время (хобби) за свой счет, если это не ставит под угрозу безопасность и порядок и не причиняет неудобства другим заключенным…».

B. ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

44. В периодических ежегодных докладах за 2009–2011 годы Уполномоченный по правам человека Республики Хорватия сообщал об общей проблеме переполненности пенитенциарных учреждений в стране, в том числе в Бьеловарской тюрьме, считая это одной из центральных организационных проблем пенитенциарной системы, которая вызывает бóльшую часть жалоб и нарушений прав заключенных. Уполномоченный по правам человека также отметил, что обычно тюрьмы решают эту проблему, переделывая различные помещения в спальни и камеры для заключенных, а также предоставляя бóльшую свободу передвижения внутри тюрем. В данных докладах Уполномоченный по правам человека постоянно отмечал необходимость надлежащим образом обеспечивать права заключенных, гарантированные соответствующими положениями законодательства Хорватии и международно-правовыми актами.

45. В общем докладе об условиях содержания под стражей в Хорватии № U-X-5464/2012 от 12 июня 2014 г. Конституционный суд Республики Хорватия констатировал проблему переполненности мест лишения свободы и дал указание компетентным органам власти принимать более активные меры по обеспечению нормальных условий содержания под стражей для всех категорий заключенных, как это предусмотрено соответствующими положениями законодательства Хорватии и международно-правовыми актами. В частях, имеющих отношение к настоящему делу, в докладе указано следующее:

«…**Выводы**

13. Конституционный суд отмечает, что государственные органы обязаны принимать эффективные нормативные и правоприменительные меры, которые должны обеспечивать содержание каждого человека в условиях, гарантирующих уважение его человеческого достоинства. Несмотря на финансовые ограничения, связанные с заложенными в бюджете расходами на содержание системы правосудия по уголовным делам, и экономический кризис, необходимо применять конструктивный финансовый подход к строительству новых пенитенциарных учреждений и к другим инвестициям в инфраструктуру пенитенциарной системы.

13.1. Конституционный суд отмечает, что лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы или содержащимся под стражей (до суда), государственные органы обязаны обеспечивать минимальную норму площади, предусмотренную Законом "Об исполнении наказаний в виде лишения свободы", или в соответствии со стандартами, установленными [Европейским Судом] в Постановлении от 10 января 2012 г. по делу "Ананьев и другие против Российской Федерации". Эти стандарты заключаются в следующем: у каждого содержащегося под стражей лица должно быть индивидуальное спальное место в камере, на каждое содержащееся под стражей лицо должны приходиться не менее 3 кв. м, а общая площадь камеры должна быть такой, чтобы содержащиеся под стражей лица могли свободно передвигаться между предметами, которые там находятся…».

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ

A. СТАНДАРТЫ СОВЕТА ЕВРОПЫ ПО ВОПРОСУ О ПЕРЕПОЛНЕННОСТИ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

1. Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее также – ЕКПП)

(a) Пояснительный доклад к Конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания

46. В соответствующих частях Пояснительного доклада к Конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания [CPT/Inf/C(89)1(EN)] предусмотрено следующее:

«…27. Прецедентная практика Европейского Суда и Комиссии по правам человека по статье 3 Конвенции служит для ЕКПП руководством к действию. Однако деятельность ЕКПП направлена не на применение требований права в существующих обстоятельствах, а на предотвращение нарушений в будущем. ЕКПП не следует стремиться влиять на толкование и применение статьи 3 Конвенции…».

(b) Общие доклады

47. Первый общий доклад [CPT/Inf(91)3(EN)] от 20 февраля 1991 г. гласит следующее:

«…47. Из того, что "предупреждение" представляет собой основу всего созданного Конвенцией контрольного механизма, следует четыре важных вывода.

48. Во-первых, ЕКПП всегда должен обращать внимание на общие условия содержания под стражей в посещаемых им странах. Он должен рассматривать не только фактически имеющие место нарушения, но и учитывать другие "подтверждения" или "первые признаки", указывающие на возможность нарушений в будущем. Так, он должен тщательно изучать, и действительно изучает, физические условия содержания под стражей (площадь, на которой размещаются заключенные; освещение и вентиляция; душ и туалеты; питание и сон; медицинская помощь, которую обеспечивают власти и т.д.), а также социальные условия (например, отношения с другими содержащимися под стражей лицами и сотрудниками правоохранительных органов, связи с семьей, социальными работниками, внешним миром и т.д.) Кроме того, ЕКПП уделяет большое внимание тому, какие в посещаемой им стране существуют базовые гарантии, позволяющие не допускать жестокого обращения, в частности, уведомление о задержании человека сотрудниками полиции, возможность пользоваться услугами адвоката, возможность обращаться к врачу, наличие возможности по обжалованию жестокого обращения или условий содержания под стражей.

49. Во-вторых, нередко отсутствует возможность понять и оценить условия лишения свободы в той или иной стране, если не рассматривать их в общем (историческом, социальном, экономическом) контексте. Несмотря на то, что достоинство человека должно эффективно охраняться во всех государствах – участниках Конвенции, в каждой из этих стран есть свои особенности, которые могут обуславливать различную реакцию на проблемы с обеспечением прав человека. Следовательно, для выполнения своей задачи по предупреждению нарушений ЕКПП часто должен обращать внимание на причины, лежащие в основе нарушений, на общие или конкретные условия, которые приводят к ненадлежащему обращению.

50. Третий вывод тесно связан с двумя предыдущими. В ряде случаев ЕКПП, исследовав условия содержания под стражей в той или иной конкретной стране, возможно, сочтет нецелесообразным ограничиться простым предложением принять немедленные или краткосрочные меры (например, административного характера) или такие меры, как улучшение законодательства. Он может счесть необходимым рекомендовать принять долгосрочные меры как минимум каждый раз, когда становится очевидно, что из-за действия глубоко укоренившихся факторов, которые нельзя компенсировать усилиями судов или органов законодательной власти или другими юридическими способами, в стране сложилась неприемлемая ситуация. В таких случаях могут оказаться обязательными образовательные и аналогичные долгосрочные меры стратегического характера.

51. Четвертый вывод, следующий из всех предыдущих замечаний, заключается в том, что для успешного выполнения ЕКПП своих задач по предотвращению нарушений он должен стремиться обеспечивать более эффективную защиту, чем Европейская комиссия и Европейский Суд при разрешении дел по жалобам на жестокое обращение с лишенными свободы лицами и на условия их содержания под стражей…».

48. В документе, озаглавленном «Стандарты ЕКПП» [CPT/Inf/E(2002)1-Rev.2015] ЕКПП обобщил соответствующие стандарты, вытекающие из его Общих докладов, чтобы «заранее [дать] внут-

ригосударственным органам власти четкие указания на свою позицию относительно того, как следует обращаться с лишенными свободы лицами, и, в более общем плане, стимулировать обсуждение данных вопросов». В указанном документе относительно условий содержания под стражей предусмотрено следующее (с. 17–24, сноски опущены):

«…II. Тюрьмы

Тюремное заключение

Извлечения из 2-го общего доклада [CPT/Inf(92)3]

"…46. Переполненность – это вопрос, имеющий прямое отношение к мандату ЕКПП. Все службы и деятельность тюрьмы будут находиться под отрицательным воздействием, если тюрьме придется обслуживать больше заключенных, чем то количество, на которое она рассчитана; общее качество жизни в таком учреждении понизится, возможно, существенно. Более того, уровень переполненности в тюрьме или в отдельной ее части может быть таким, что будет сам по себе бесчеловечным и унижающим достоинство с физической точки зрения.

47. Удовлетворительная программа деятельности (работа, учеба, спорт и т.п.) имеет особую важность для благополучия заключенных. Это справедливо для всех учреждений, где лица содержатся под стражей как после вынесения приговора, так и в ожидании суда. ЕКПП отмечает, что во многих следственных изоляторах деятельность чрезвычайно ограничены. В учреждениях, где люди не задерживаются долго, организовать занятия непросто. Очевидно, что не может идти речь о программах индивидуального характера, аналогичных тем, которые стремятся создать в учреждениях для лиц, отбывающих наказание по приговору суда. Однако нельзя допускать, чтобы лица, лишенные свободы, томились неделями, а иногда месяцами, запертыми в своих камерах, независимо от того, насколько хороши созданные для них материальные условия в камерах. ЕКПП полагает, что следует стремиться к тому, чтобы лица, содержащиеся под стражей в следственных тюрьмах, смогли бы проводить разумную часть дня (8 часов или больше) за пределами своих камер, посвящая свое время полезным видам деятельности различного характера. Разумеется, в учреждениях для лиц, отбывающих наказание по приговору суда, условия должны быть еще более благоприятными.

48. Особо следует упомянуть ежедневные прогулки. Требование о том, что лицам, лишенным свободы, разрешается каждый день, по крайней мере, один час гулять на открытом воздухе, получило широкое признание как основная гарантия прав (желательно, чтобы данное требование являлось составной частью более широкой программы занятий). ЕКПП хотел бы подчеркнуть, что всем лицам, лишенным свободы, без исключения (в том числе содержащимся в камерах в качестве наказания) должна быть предложена возможность бывать на открытом воздухе ежедневно. Также, само собой разумеется, что места для ежедневных прогулок на открытом воздухе должны быть достаточно просторными и при наличии возможности обеспечивать укрытие на случай плохой погоды…

50. ЕКПП хотел бы добавить, что он особенно обеспокоен сочетанием переполненности камер с недостаточной деятельностью, обеспечиваемой режимом, и неадекватным доступом к туалету и средствам гигиены в одном и том же учреждении. Совокупное воздействие таких условий может оказаться пагубным для лиц, содержащихся под стражей…".

Извлечения из 7-го Общего доклада [CPT/Inf(97)10]

"…12. В ходе нескольких своих посещений в 1996 году ЕКПП неоднократно сталкивался с проблемой переполненности мест лишения свободы, явлением, поразившим пенитенциарные системы по всей Европе. Зачастую переполненность особенно высока в пенитенциарных учреждениях для лиц, предварительно содержащихся под стражей (то есть ожидающих суда). Однако, по наблюдениям ЕКПП, в некоторых странах это явление распространилось на всю пенитенциарную систему в целом.

13. Как указывал ЕКПП в своем 2-м Общем докладе (см. CPT/Inf (92)3, п. 46), переполненность тюрем является вопросом, имеющим прямое отношение к компетенции Комитета. Когда тюрьма переполнена, заключенные содержатся в тесных и негигиеничных помещениях; пребывание в ней характеризуется постоянным отсутствием возможности уединиться (даже при отправлении таких насущных потребностей, как пользование туалетом); ограничением деятельности, связанной с пребыванием вне камеры, что объясняется нехваткой персонала и необходимого оборудования; перегруженностью медицинских служб; всевозрастающей напряженностью и проявлениями насилия в отношениях между заключенными, а также между заключенными и персоналом. Данный перечень далеко не является исчерпывающим.

ЕКПП многократно был вынужден заявлять, что отрицательным следствием пагубного воздействия переполненности тюрем являются бесчеловечные и унижающие достоинство условия содержания под стражей…

15. Проблема переполненности мест лишения свободы достаточно серьезна, чтобы обусловить необходимость сотрудничества на общеевропейском уровне для выработки стратегии борьбы с этим явлением. В связи с этим ЕКПП с радостью узнал о том, что недавно в рамках Европейского комитета по проблемам преступности началась работа в этом направлении. ЕКПП надеется, что успешное завершение этой работы будет считаться приоритетом…".

Извлечения из 11-го Общего доклада [CPT/Inf(2001)16]

…Переполненность мест лишения свободы

"…28. Явление переполненности тюрем продолжает пагубно влиять на пенитенциарные системы во всей Европе и серьезно подрывает попытки улучшить условия содержания под стражей. Негативные последствия переполненности тюрем были уже описаны в предыдущих общих докладах. По мере того, как сфера деятельности ЕКПП распространилась на весь европейский континент, он стал сталкиваться с тем, что наказания в виде

лишения свободы применяются ко всё большему количеству людей. Это приводит к серьезному переполнению пенитенциарных учреждений. Факт того, что государство заключает под стражу столь многих своих граждан, нельзя убедительно объяснить высоким уровнем преступности; отчасти в этом виноват общий подход сотрудников правоохранительных и судебных органов.

В этих обстоятельствах увеличение финансовых ресурсов, выделяющихся на строительство тюрем, не решает проблемы. Вместо этого необходимо пересмотреть действующее законодательство и правоприменительную практику по вопросам досудебного содержания под стражей и назначения наказания, а также имеющиеся виды наказаний, не связанные с лишением свободы. Именно к этому призывает Рекомендация Комитета министров Совета Европы № R(99)22 "О переполненности мест лишения свободы и увеличении количества содержащихся под стражей лиц". ЕКПП выражает надежду, что государства-участники действительно будут применять принципы, изложенные в этом важном документе, претворение в жизнь этой рекомендации заслуживает пристального контроля со стороны Совета Европы"…».

(c) Основные минимальные стандарты ЕКПП о норме жилой площади на одного человека в пенитенциарных учреждениях

49. Исходя из стандартов, которые часто использовались в большом количестве докладов ЕКПП по результатам посещений отдельных стран, в ноябре 2015 года решил четко сформулировать свою позицию и стандарты относительно минимальной нормы жилой площади на одного заключенного. С этой целью был принят документ под названием «Норма жилой площади на одного заключенного в пенитенциарных учреждениях: стандарты ЕКПП» ([CPT/Inf(2015)44] от 15 декабря 2015 г.)

50. ЕКПП пояснил, что данный документ касается обычных камер, предназначенных для размещения заключенных, а также камер специального назначения, например, дисциплинарных камер, камер с особыми мерами безопасности и изоляторов. Однако он не распространяется на помещения для ожидания и на аналогичные места, используемые в течение очень коротких промежутков времени (например, отделения полиции, психиатрические учреждения и центры содержания нелегальных мигрантов). В связи с этим ЕКПП подчеркнул, что минимальные стандарты жилой площади на одного человека – это непростой вопрос и что они отличаются в зависимости от типа учреждения. Аналогичным образом их нужно различать в зависимости от того, на какое количество человек рассчитано соответствующее помещение, то есть идет ли речь об одиночной или об общей камере (камере, рассчитанной на двух – четырех человек) и какой режим содержания предлагается заключенным.

51. Далее ЕКПП подчеркнул, что в 1990-х годах он разработал базовый стандарт определения минимальной нормы жилой площади, которая должна обеспечиваться заключенному в камере, – «правило номер один». Эта норма составляет 4 кв. м на одного заключенного в общей камере без учета площади санузла, но указанный стандарт является минимальным. Исходя из этого ЕКПП решил увеличить желаемую норму площади в камерах, рассчитанных не более чем на четырех человек, добавляя к минимальной норме жилой площади, составляющей 6 кв. м для одиночной камеры, еще по 4 кв. м на каждого дополнительного заключенного.

52. В отношения различия между минимальными стандартами и вопросом о бесчеловечном и унижающем достоинство обращении ЕКПП пояснил:

«…19. Постоянно растет количество жалоб в Европейский Суд по правам человека от заключенных, заявляющих о том, что они содержатся в бесчеловечных или унизительных условиях, так как они вынуждены делить камеры с большим количеством других осужденных, и на них приходится очень мало жилой площади. Европейский Суд в своих постановлениях обязан решить, является содержание заключенных в камерах, где на каждого человека приходится очень ограниченная жилая площадь (обычно менее 4 кв. м), нарушением статьи 3 Конвенции или нет.

20. Роль ЕКПП как органа превентивного контроля иная. Его задача не предполагает вынесения решения о том, представляет ли собой та или иная конкретная ситуация бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание по смыслу статьи 3 ЕКПЧ. Однако в ходе посещений стран Комитет сталкивался с условиями содержания в пенитенциарных учреждениях, которые подрывают веру и являются, как написано в одном из докладов по результатам посещения, "оскорблением цивилизованного общества". В связи с этим в ряде докладов по результатам посещений стран Комитет утверждал, что наблюдаемые им условия содержания в явно переполненных пенитенциарных учреждениях можно считать "бесчеловечным и унижающим достоинство обращением".

21. ЕКПП никогда не заявлял, что нормы площади в камерах необходимо считать абсолютными. Другими словами, Комитет не приходит автоматически к выводу, что малейшее отклонение от установленных им минимальных стандартов можно само по себе считать бесчеловечным и унижающим достоинство обращением с заключенным(и), пока можно обнаружить другие, смягчающие обстоятельства, такие как, в частности, наличие у осужденных возможности ежедневно проводить достаточно много времени вне своих камер (в мастерских, учебных классах или за другими занятиями). Однако даже в таких случаях ЕКПП по-прежнему рекомендует придерживаться этого минимального стандарта.

22. С другой стороны, для того чтобы Комитет заявил, что условия содержания можно считать бесчеловечным и унижающим достоинство обращением, камеры должны быть или очень сильно переполнены, или, как в большинстве случаев, сочетать в себе несколько отрицательных факто-

ров, как то: недостаточное количество спальных мест для всех осужденных, плохие санитарные условия, грызуны, тараканы, вши и т.п., недостаточная вентиляция, отопление или освещение, антисанитария в камере и, как следствие, использование ведер или бутылок для отправления естественных потребностей. Фактически крайне маловероятно, что пенитенциарное учреждение окажется сильно переполнено, но в то же время там будет хорошая вентиляция, чистота и достаточное количество коек. Соответственно, неудивительно, что ЕКПП часто перечисляет факторы, представляющие собой ужасные условия содержания под стражей, а не просто ссылается на недостаточность жилой площади. Кроме того, при анализе конкретной ситуации ЕКПП (хотя, разумеется, не в каждом деле) принимает во внимание и другие факторы, не имеющие прямого отношения к условиям содержания под стражей. Эти факторы включают в себя малое количество времени, которое заключенный проводит вне своей камеры, и в целом плохой режим содержания в пенитенциарном учреждении, уменьшение продолжительности нахождения на свежем воздухе, лишение возможности общаться с родственниками на несколько лет и т.п.

23. В приложении к настоящему документу содержится примерный перечень факторов (помимо нормы жилой площади на одного заключенного), которые желательно учитывать при анализе условий содержания в пенитенциарных учреждениях.

Выводы

24. В настоящем документе предпринята попытка дать указания специалистам-практикам и другим заинтересованным лицам путем ясного изложения минимальных стандартов ЕКПП, касающихся нормы жилой площади на заключенного (заключенных) в той или иной конкретной камере. В конечном счете, определять, испытал ли конкретный человек страдания, достигающие порогового уровня бесчеловечного или унижающего достоинство обращения по смыслу статьи 3 ЕКПЧ, должны суды, принимая во внимание все виды факторов, в том числе индивидуальные особенности этого человека. Количество квадратных метров, которое приходится на одного человека, является лишь одним из этих факторов, хотя часто это имеет очень важное или даже решающее значение.

25. Условия, в которых на каждого заключенного в общих камерах приходится менее 4 кв. м, а в одиночных камерах – менее 6 кв. м (в обоих случаях не считая площади санузла), подвергались последовательной критике со стороны ЕКПП, который регулярно призывал органы власти увеличить (или изъять из эксплуатации) одиночные камеры или сократить количество лиц, содержащихся в общих камерах. ЕКПП ожидает, что эти минимальные нормы жилой площади будут систематически применяться во всех пенитенциарных учреждениях в государствах – членах Совета Европы, и надеется, что всё больше и больше стран будет стремиться к соблюдению “желаемых” стандартов ЕКПП для общих камер…».

53. В приложении к рассматриваемому документу ЕКПП сослался на следующий примерный перечень факторов, которые желательно учитывать при анализе условий содержания в пенитенциарных учреждениях.

«…*Бытовые условия и чистота:*

– камеры, в том числе и мебель, должны быть в надлежащем состоянии; следует предпринимать все усилия по поддержанию в жилых зонах чистоты и гигиены;

– необходимо решительно избавляться от грызунов, тараканов, вшей и т.п.;

– содержащихся под стражей лиц следует обеспечивать необходимыми средствами личной гигиены и моющими средствами.

Естественное освещение, вентиляция и отопление:

– во всех жилых помещениях для содержащихся под стражей лиц (как в одиночных, так и в общих камерах) должно быть естественное освещение, а также искусственное освещение, достаточное для чтения;

– аналогичным образом должна быть достаточно хорошая вентиляция для обеспечения постоянной циркуляции воздуха в камерах;

– камеры должны хорошо отапливаться.

Санитарные установки:

– в каждой камере должен быть как минимум туалет и умывальник. В общих камерах санузел должен быть полностью отделен перегородками (то есть эти перегородки должны доходить до потолка);

– в тех немногочисленных пенитенциарных учреждениях, где в камерах нет санузла, администрация должна обеспечить содержащимся под стражей лицам возможность пользоваться туалетом по мере необходимости. Сегодня ни один заключенный в Европе не должен быть вынужден “мочиться на людях”, ведь такая практика унизительна и для заключенных, и для сотрудников, которые должны следить за этой процедурой.

Прогулки:

– ЕКПП считает, что каждому заключенному необходимо обеспечивать ежедневную прогулку продолжительностью не менее одного часа. Прогулочные дворы должны быть просторными и оборудованы всем необходимым, чтобы у содержащихся под стражей лиц была реальная возможность поддерживать себя в хорошей физической форме (например, заниматься спортом), также должны быть условия для отдыха (например, поставлена скамейка) и укрытие на случай плохой погоды.

Содержательные занятия:

– ЕКПП давно рекомендует, чтобы содержащимся под стражей лицам предлагался широкий спектр разнообразных занятий (работа, профессиональная ориентация, обучение, спорт и отдых). Для этого ЕКПП начиная с 1990-х годов утверждал, что следует стремиться к тому, чтобы содержащиеся под стражей лица (отбывающие наказание и содержащиеся под стражей до суда) принимали участие в таких занятиях вне своих камер в течение не менее восьми часов в день. Режим содер-

жания для заключенных, отбывающих наказание по приговору суда, должен быть еще более благоприятным…».

(d) Доклады ЕКПП, касающиеся Хорватии

54. Представители ЕКПП посещали Хорватию четыре раза: в 1998, 2003, 2007 и 2012 годах, – но ни разу не были в Бьеловарской тюрьме. В докладе по результатам последнего посещения Хорватии в 2012 году [CPT/Inf(2014)9] ЕКПП рассмотрел проблему переполненности мест лишения свободы в общем плане и усилия, которые власти страны предпринимают для ее решения. В частях, имеющих отношение к настоящему делу, в этом докладе говорится следующее:

«…**B. Пенитенциарные учреждения**

1. Предварительные замечания

…a) *Переполненность мест лишения свободы*

27. Общее количество заключенных в тюрьмах Хорватии с момента последнего посещения ЕКПП в 2007 году увеличилось на 1200 человек и достигло 5400 человек (то есть возросло более чем на 25%), тогда как официальная вместимость учреждений пенитенциарной системы увеличилась всего лишь примерно на 400 мест и достигла 3771 человека. Таким образом, проблема переполненности мест лишения свободы обостряется. Делегация ЕКПП отметила негативное воздействие переполненности мест лишения свободы на многие аспекты жизни в посещенных учреждениях, в частности, в Загребской и Сисакской районных тюрьмах. Первоначально эти учреждения планировалось использовать как тюрьмы (*zatvori*) для подследственных и лиц, отбывающих наказание продолжительностью не более шести месяцев, однако сейчас 50% содержащихся там лиц, составляют лица, отбывающие наказание продолжительностью до пяти лет. В Загребской районной тюрьме произошедшее увеличение количества заключенных привело, например, к тому, что помещения, ранее предназначавшиеся для общих занятий, стали использоваться в качестве камер.

Признав всё ухудшающуюся серьезную проблему переполненности мест лишения свободы и необходимость бороться с этим явлением, Хорватия приняла План действий по улучшению пенитенциарной системы Республики Хорватия на 2009–2014 годы, предусматривающий строительство новых пенитенциарных учреждений в городах Глина, Загреб и Шибеник, рассчитанных в общей сложности на 2072 заключенных. Кроме того, в плане предусмотрен ряд дополнительных мер, например, набор новых сотрудников и расширение программы их первоначальной подготовки и повышение квалификации персонала. Делегация посетила недавно введенное в эксплуатацию здание Глинской государственной тюрьмы, в которой можно разместить максимум 420 заключенных, и осмотрела площадку, на которой осуществляется строительство нового корпуса Загребской районной тюрьмы. По окончании строительства в 2016 году вместимость этой тюрьмы увеличится на 382 места. Представители Министерства юстиции Хорватии сообщили членам делегации, что расширение тюрьмы финансировалось за счет займа, выданного Банком развития Совета Европы, и что подготовлена еще одна заявка на получение в этом банке кредита на строительство новой государственной тюрьмы в г. Шибеник на 1270 мест.

28. Эти меры указывают на желание властей Хорватии решать проблему переполненности мест лишения свободы. Однако, как ЕКПП уже подчеркивал в своих предыдущих докладах властям Хорватии, создание дополнительных мест для размещения заключенных не может решить эту проблему в долгосрочной перспективе, по крайней мере, если параллельно не будут приняты меры, направленные на ограничение или снижение количества лиц, которые попадают в тюрьмы. В связи с этим Комитет отмечает усилия Министерства юстиции Хорватии, которое начиная с 2007 года пытается разработать правовую базу и создать в стране механизм условно-досрочного освобождения. Это позволит прокурорам, судам и инспекторам по надзору за условно освобожденными лицами увеличить спектр и количество людей, к которым применяются альтернативные меры, например, исправительные работы и надзор за правонарушителями. С принятием нового закона об условно-досрочном освобождении меры, не связанные с лишением свободы, потенциально можно будет применить не менее чем к 15% лиц, которые сейчас осуждены и содержатся в исправительных учреждениях (то есть к заключенным, отбывающим наказание продолжительностью до одного года).

ЕКПП рекомендует властям Хорватии продолжить предпринимать усилия по решению проблемы переполненности мест лишения свободы с учетом Рекомендаций, принятых Комитетом министров Совета Европы, в частности, Рекомендаций Rec(99)22 “О проблеме переполнения тюрем и увеличения числа лиц, находящихся под стражей”, Rec(2003)22 “Об условно-досрочном освобождении”, Rec(2006)13 “О применении предварительного содержания под стражей” и рекомендации Rec(2010)01 “О правилах Совета Европы по условно-досрочному освобождению”. Комитет хотел бы получать актуальную информацию о том, как принимаемые меры помогают решать проблему переполненности мест лишения свободы.

Тюрьмы

Предварительные замечания

…Рекомендации:

– властям Хорватии рекомендуется продолжить предпринимать усилия по решению проблемы переполненности мест лишения свободы с учетом рекомендаций, принятых Комитетом министров Совета Европы, в частности, Рекомендаций Rec(99)22 “О переполненности мест лишения свободы и увеличении количества содержащихся под стражей лиц”, Rec(2003)22 “Об условно-досрочном освобождении”, Rec(2006)13 “О применении предварительного содержания под стражей” и Rec(2010)01 “О правилах Совета Европы по условно-досрочному освобождению” (пункт 28).

Условия содержания под стражей основного контингента заключенных

Рекомендации:

… – властям Хорватии рекомендуется принять меры по снижению наполняемости камер во всех

посещенных тюрьмах (а также в остальных тюрьмах в Хорватии), так чтобы на каждого заключенного в общих камерах приходилось не менее 4 кв. м жилой площади; для этих целей площадь санузлов в камере не учитывается (пункт 36);

– в камерах меньшей площади (7 кв. м) в Загребской районной тюрьме рекомендуется размещать не более одного человека (пункт 36)…

– властям Хорватии рекомендуется улучшить программы занятий, в том числе работы и возможностей по профессиональному обучению, для заключенных в Глинской государственной тюрьме, Загребской и Сисакской районных тюрьмах и, в соответствующих случаях, в остальных тюрьмах в Хорватии (пункт 40)…».

2. Комитет министров Совета Европы

(a) Европейские пенитенциарные правила

55. Европейские пенитенциарные правила представляют собой рекомендации Комитета министров Совета Европы государствам-участникам относительно минимальных стандартов, которые следует применять в тюрьмах. Европейские пенитенциарные правила 1987 года (приложенные к Рекомендации № R(87)3) были приняты 12 февраля 1987 г. Комитет министров, 11 января 2006 г. отметив, что Правила 1987 года «требуют серьезного пересмотра и обновления с тем, чтобы отразить изменения, произошедшие в уголовной политике, практике назначения наказаний и управлении пенитенциарными учреждениями в Европе в целом», принял Рекомендацию Rec(2006)2 «О Европейских пенитенциарных правилах». Приложенная к этой рекомендации новая редакция Правил 2006 года в части, имеющей отношение к настоящему делу, предусматривает следующее:

«**ЧАСТЬ I. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ**

1. . При обращении со всеми лицами, лишенными свободы, следует соблюдать их права человека.

2. Лица, лишенные свободы, сохраняют все права, которых они не были по закону лишены на основании решения суда, по которому они приговорены или оставлены под стражей.

3. Ограничения, налагаемые на лиц, лишенных свободы, должны быть минимально необходимыми и соответствовать той обоснованной цели, с которой они налагались.

4. Содержание заключенных в условиях, ущемляющих их права человека, не может быть оправдано нехваткой ресурсов.

5. Жизнь в местах лишения свободы должна быть, насколько это возможно, приближена к позитивным аспектам жизни в обществе.

6. Любое содержание под стражей должно быть организовано таким образом, чтобы способствовать реинтеграции лиц, лишенных свободы, в свободное общество…

Сфера действия и применение

10.1. Европейские пенитенциарные правила применяются в отношении всех лиц, взятых под стражу в соответствии с решением судебного органа, и в отношении лиц, приговоренных к лишению свободы.

10.2. В принципе, лица, взятые под стражу в соответствии с решением судебного органа, и лица, приговоренные к лишению свободы, должны содержаться в пенитенциарных учреждениях, то есть в учреждениях, предназначенных для заключенных, относящихся к этим двум категориям.

10.3. Настоящие правила применяются также в отношении лиц:

a) которые могут содержаться в пенитенциарном учреждении по какой-либо иной причине; и

b) взятых под стражу в соответствии с решением судебного органа или приговоренных к лишению свободы, но по тем или иным причинам содержащихся в других местах…

ЧАСТЬ II. УСЛОВИЯ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

<…>

Место отбытия наказания и размещение

…18.1. Размещение заключенных и, в частности, предоставление мест для сна, должно производиться с уважением человеческого достоинства и, по мере возможности, с обеспечением возможности уединения, а также в соответствии с санитарно-гигиеническими требованиями с учетом климатических условий и, в частности, площади, кубатуры помещения, освещения, отопления и вентиляции.

18.2. Во всех зданиях, где заключенные должны жить, работать или собираться:

a) окна должны быть достаточно большими, чтобы заключенные могли читать или трудиться при естественном освещении в нормальных условиях, и обеспечивался приток свежего воздуха, кроме тех случаев, когда имеется соответствующая система кондиционирования воздуха;

b) искусственное освещение должно соответствовать общепринятым техническим нормам; и

c) должна быть предусмотрена система сигнализации, позволяющая заключенным незамедлительно устанавливать контакт с персоналом.

18.3. Конкретные минимальные требования по вопросам, перечисленным в пунктах 1 и 2, определяются национальным законодательством.

18.4. Национальное законодательство должно содержать механизмы, не допускающие нарушения этих минимальных требований при переполнении пенитенциарных учреждений.

18.5. Заключенных обычно следует размещать на ночь в отдельных камерах, за исключением тех случаев, когда им предпочтительнее их размещать совместно с другими заключенными.

18.6. Совместное размещение допускается лишь в том случае, если помещение подходит для этой цели и заключенные подходят друг к другу.

18.7. По мере возможности заключенным следует давать возможность выбор, прежде чем размещать их для сна в одном помещении с другими заключенными.

18.8. При принятии решения о направлении заключенного в то или иное пенитенциарное учреждение или в конкретное отделение пенитенциарного учреждения следует должным образом учитывать необходимость содержать под стражей:

a) подследственных отдельно от осужденных;

b) мужчин отдельно от женщин; и

c) молодых заключенных отдельно от заключенных старшего возраста.

18.9. Допускаются отступления от требований о раздельном содержании, предусмотренных в пункте 8, с тем, чтобы дать заключенным возможность совместно участвовать в организуемых мероприятиях, однако эти группы всегда разделяются на ночь, если только заключенные не согласны содержаться вместе и администрация пенитенциарного учреждения не полагает, что это будет в наибольшей степени отвечать всех заключенных.

18.10. Меры безопасности при размещении всех заключенных должны быть минимально ограничивающими с учетом опасности побега или причинения заключенными вреда себе или другим.

Гигиена

19.1. Все помещения каждого пенитенциарного учреждения нужно постоянно содержать в порядке и чистоте.

19.2. При помещении заключенных в пенитенциарное учреждение камеры или другие помещения, в которых они размещаются, должны быть чистыми.

19.3. Заключенные должны иметь беспрепятственный доступ к санитарным устройствам, отвечающим требованиям гигиены и позволяющим уединение.

19.4. Ванных и душевых должно быть достаточно для того, чтобы каждый заключенный мог пользоваться ими при температуре, соответствующей климату, по возможности ежедневно, но не менее двух раз в неделю или чаще, если это необходимо для поддержания гигиены.

19.5. Заключенные должны содержать себя, свою одежду и спальные места в чистом и опрятном виде.

19.6. Администрация пенитенциарного учреждения предоставляет им для этого соответствующие средства, включая туалетные принадлежности, а также принадлежности и материалы для поддержания чистоты…

Одежда и постельные принадлежности

…21. Каждый заключенный обеспечивается отдельной кроватью и индивидуальными постельными принадлежностями, которые содержатся в надлежащем порядке и в хорошем состоянии и обновляются так часто, как это необходимо для поддержания их чистоты.

Питание

22.1. Заключенные обеспечиваются комплексным питанием с учетом их возраста, состояния здоровья, религии, культуры и характера их работы…

Внутренний режим

25.1. Режим содержания всех заключенных должен предусматривать сбалансированную программу мероприятий.

25.2. Такой режим должен давать всем заключенным возможность проводить в день столько времени за пределами своих камер, сколько необходимо для нормального человеческого и социального взаимодействия.

25.3. Такой режим должен также обеспечивать материальные потребности заключенных…

Трудовая деятельность

26.1. Труд в местах заключения следует рассматривать как позитивный элемент внутреннего режима и никогда не применять в качестве наказания.

26.2. Администрация пенитенциарного учреждения должна стремиться предоставить достаточно полезной работы…

Физические упражнения и досуг

27.1. Каждый заключенный должен иметь возможность ежедневно не менее часа в день заниматься физическими упражнениями на открытом воздухе, если позволяет погода.

27.2. При неблагоприятной погоде следует предусмотреть иные возможности для занятия физическими упражнениями.

27.3. Дóлжным образом организованные мероприятия по поддержанию физической формы и предоставление возможностей для физических упражнений и проведения свободного времени являются неотъемлемой составной частью внутреннего режима.

27.4. Администрация пенитенциарного учреждения способствует таким занятиям, предоставляя соответствующие сооружения и оборудование.

27.5. Администрация пенитенциарного учреждения предпринимает меры по организации специальных видов занятий для заключенных, которые нуждаются в них.

27.6. Предоставляются возможности для проведения досуга, включая спорт, игры, культурные мероприятия, увлечения и другие формы проведения досуга, и заключенным, по мере возможности, следует разрешать организовывать такого рода занятия.

27.7. Заключенные должны иметь возможность общаться друг с другом во время занятий и для участия в мероприятиях, связанных с досугом.

Обучение

28.1. Каждое пенитенциарное учреждение стремится предоставить всем заключенным доступ к образовательным программам, которые должны быть максимально широкими и отвечать индивидуальным потребностям заключенных, соответствуя при этом их устремлениям…

ЧАСТЬ VIII. ЦЕЛЬ РЕЖИМА ДЛЯ ОСУЖДЕННЫХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

102.1. Помимо правил, применимых ко всем заключенным, режим для осужденных заключен-

ных должен быть направлен на то, чтобы они вели ответственный образ жизни без совершения преступлений.

102.2. Заключение с лишением свободы само по себе является наказанием, и, поэтому, режим для осужденных заключенных не должен усугублять страдания, связанные с заключением.

Применение режима для осужденных заключенных

103.1. Режим для осужденных заключенных начинает применяться к ним с момента поступления в пенитенциарное учреждение в статусе осужденного заключенного, если он не начал применяться до этого.

103.2. Как только это станет возможным после такого поступления, на осужденных заключенных заводятся личные дела, на каждого из них составляется проект плана отбывания наказания и стратегия подготовки к освобождению.

103.3. Должно поощряться участие осужденных заключенных в составлении своих индивидуальных планов отбывания наказания.

103.4. Насколько это практически возможно, такие планы должны включать:

a) работу;

b) образование;

c) другие виды деятельности;

d) подготовку к освобождению…

Работа осужденных заключенных

105.1. Систематическая программа работы должна быть нацелена на содействие достижению цели режима для осужденных заключенных…

Образование осужденных заключенных

106.1. Одним из ключевых элементов режима для осужденных заключенных должна быть систематическая программа образования, включая профессиональное обучение, направленная на повышение общеобразовательного уровня заключенных, а также на улучшения перспективы жить ответственно, и не совершая преступлений…».

(b) Рекомендация Комитета министров № R(99)22

56. Рекомендация Комитета министров Совета Европы государствам-членам № R(99)22 «О проблеме переполнения тюрем и увеличения числа лиц, находящихся под стражей» от 30 сентября 1999 г. предусматривает следующее:

«Комитет министров Совета Европы:

…*принимая во внимание*, что переполненность мест лишения свободы и увеличение количества содержащихся под стражей лиц представляет серьезную проблему для администрации мест лишения свободы и системы уголовной юстиции в целом с точки зрения как соблюдения прав человека, так и эффективного управления пенитенциарными учреждениями,

учитывая, что эффективное управление содержащимися под стражей лицами зависит от таких факторов, как общая ситуация с преступностью, приоритеты в области сдерживания преступности, виды наказаний, предусмотренных законом, суровость назначаемых наказаний, частота применения общественных санкций и мер воздействия, использование предварительного содержания под стражей, эффективность и результативность органов уголовной юстиции, и не в последнюю очередь от отношения общества к преступлениям и к наказанию за их совершение,

подтверждая, что меры, направленные на борьбу с переполненностью мест лишения свободы и сокращение количества содержащихся под стражей лиц следует учитывать при проведении последовательной и рациональной политики борьбы с преступностью, направленной на предотвращение преступлений и уголовно наказуемых деяний, эффективную правоприменительную деятельность, обеспечение безопасности и защиту общества, индивидуализацию санкций и мер воздействия, а также реинтеграцию правонарушителей в общество,

учитывая, что такие меры должны соответствовать основным принципам демократических государств, которые руководствуются принципом верховенства права и ставят своей высшей целью обеспечение прав человека в соответствии с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод и прецедентным правом органов, которым поручено ее применение,

признавая, что такие меры требуют поддержки руководящих работников в политической и административной сфере, судей, прокуроров и представителей общественности, а также предоставления сбалансированной информации о функциях наказания, сравнительной эффективности санкций и мер воздействия, связанных и не связанных с лишением свободы, и о действительном положении дел в пенитенциарных учреждениях,

имея в виду Европейскую конвенцию по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания…

рекомендует властям государств – членов Совета Европы:

– при пересмотре своего законодательства и практики его применения в том, что касается переполненности мест лишения свободы и увеличения количества содержащихся под стражей лиц, принимать все необходимые меры по применению принципов, изложенных в приложении к настоящей рекомендации;

– способствовать максимально широкому распространению настоящей рекомендации и доклада о переполненности мест лишения свободы и увеличению количества содержащихся под стражей лиц, подготовленного Европейским комитетом по проблемам преступности.

Приложение к Рекомендации № R(99)22

I. Основные принципы

1. Лишение свободы следует рассматривать как крайнюю санкцию или меру воздействия и, следовательно, применять его только тогда, когда вви-

ду степени тяжести преступления любые другие санкции или меры воздействия оказываются явно недостаточными.

2. Расширение применения тюремного заключения, скорее, должно быть исключительной мерой, поскольку обычно маловероятно, что это решит проблему переполненности мест лишения свободы в долгосрочной перспективе. Государствам, в которых имеются в целом достаточные, но плохо приспособленные к местным нуждам тюремные площади, следует стремиться распределять их более рационально.

3. Необходимо подготовить соответствующий комплекс общественных санкций и мер воздействия, по возможности упорядоченных по степени суровости; их следует рекомендовать к максимально широкому использованию прокурорами и судьями.

4. Государствам-участникам следует рассмотреть возможность декриминализации некоторых правонарушений или отнесения их к другой категории таким образом, чтобы они не влекли за собой наказаний, связанных с лишением свободы.

5. В целях разработки последовательной стратегии борьбы с переполненностью мест лишения свободы и увеличением числа лиц, содержащихся под стражей, необходимо провести тщательный анализ основных способствующих этому факторов, в частности рассмотреть такие вопросы, как виды преступлений, которые влекут за собой наказание в виде длительного лишения свободы, приоритеты по сдерживанию преступности, позицию и опасения общества и существующую практику назначения наказаний.

II. Способы решения проблемы нехватки места в пенитенциарных учреждениях

6. Во избежание чрезмерной переполненности мест лишения свободы следует установить максимальное количество людей, которое может в них содержаться.

7. Если места лишения свободы переполнены, особое внимание следует уделять таким вопросам, как сохранение человеческого достоинства, неукоснительное выполнение администрацией пенитенциарных учреждений обязанностей по гуманному и позитивному обращению с заключенными, полное признание роли разных сотрудников и эффективные современные подходы к управлению тюрьмами. В соответствии с Европейскими пенитенциарными правилами необходимо, в частности, обращать особое внимание на норму площади, которая обеспечивается заключенным, санитарно-гигиенические условия, обеспечение заключенных питанием в достаточном количестве, должным образом приготовленного и сервированного, охрану здоровья заключенных и возможность находиться на открытом воздухе.

8. В целях нейтрализации негативных последствий переполненности мест лишения свободы необходимо максимально облегчать заключенным контакты с их семьями и как можно шире использовать поддержку со стороны общества.

9. Необходимо как можно чаще использовать такие способы исполнения наказаний в виде лишения свободы, как ограничение свободы, содержание в колониях-поселениях, временное освобождение из-под стражи или содержание вне стен тюрьмы, чтобы содействовать исправлению заключенных и их реинтеграции в общество, поддержанию контактов с родственниками и других социальных связей, а также снижению напряженности в пенитенциарных учреждениях…

V. Меры воздействия, применяемые после окончания судебного разбирательства

Применение общественных санкций и мер воздействия. Исполнение наказаний, связанных с лишением свободы

22. Для того чтобы общественные санкции и меры воздействия стали реальной альтернативой лишению свободы на непродолжительный срок, нужно обеспечить их эффективное применение …

24. Условно-досрочное освобождение нужно считать одной из самых эффективных и конструктивных мер воздействия, которая не только сокращает продолжительность тюремного заключения, но и в значительной степени способствует запланированному возвращению правонарушителя в общество…».

(c) Стандарты, принятые при исполнении постановлений Европейского Суда

57. В отчете о контроле за исполнением постановлений Европейского Суда 2014 года[1] Комитет министров Совета Европы в контексте исполнения двух постановлений по жалобам против Италии (см. Постановление Европейского Суда по делу «Сулейманович против Италии» (Sulejmanovic v. Italy) от 16 июля 2009 г., жалоба № 22635/03, и Постановление Европейского Суда по делу «Торреджиани и другие против Италии» (Torreggiani and Others v. Italy) от 8 января 2013 г., жалобы №№ 43517/09, 46882/09, 55400/09, 57875/09, 61535/09, 35315/10 и 37818/10) отметил:

«…В ответ на предыдущее решение Комитета министров власти в апреле представили дополнительную информацию, указав на принятие различных мер структурного характера для выполнения постановлений этой категории дел, вместе со статистическими данными, иллюстрирующими значительное и продолжающееся сокращение количества содержащихся под стражей лиц и увеличение жилой площади до как минимум 3 кв. м на одного заключенного. Помимо этого, в срок, указанный в пилотном Постановлении по делу “Торреджиани и другие против Италии”, было создано превентивное средство правовой защиты, а позднее, в июне, приняты меры по введению компенсационного средства правовой защиты путем принятия законодательного декрета. Комитет министров приветствует желание властей решить проблему переполненности мест лишения свободы и значимые результаты, достигнутые в этой области, и предлагает им предостав-

[1] На английском языке с этим отчетом можно ознакомиться в Интернете по адресу: http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/execution/Source/Publications/CM_annreport2014_en.pdf

лять дополнительные сведения о реализации превентивного средства правовой защиты, в частности, с учетом контроля, который в этом контексте нужно осуществлять…».

3. Комитет Совета Европы по проблемам преступности

58. В комментариях к Европейским пенитенциарным правилам Комитет Совета Европы по проблемам преступности рассмотрел содержание требований к размещению заключенных и к внутреннему режиму с точки зрения правил. В этих комментариях сказано следующее:

«…В правиле 18 содержится и ряд новых элементов. Во-первых, правило 18.3 призывает государства принять соответствующее национальное законодательство, в котором оговаривались бы конкретные стандарты, и обеспечить их осуществление. Подобные стандарты должны учитывать широкий спектр различных аспектов человеческого достоинства, а также такие практические, как здоровье и гигиена. Комментируя условия содержания и пространство, выделяемое в пенитенциарном учреждении на каждого заключенного в разных странах, ЕКПП содействует разработке в них определенных минимальных стандартов. Они составляют 4 кв. м на заключенного в многоместной камере и 6 кв. м – в одиночной камере. При этом данные минимальные стандарты основаны на более широком анализе конкретной тюремной системы, включающем данные о том, сколько реально времени заключенные проводят в собственной камере. И не должны рассматриваться в качестве нормы. Хотя ККПП напрямую об этом ни разу еще не определял в открытую таких норм, имеющиеся сведения указывают на то, что в качестве желательного размера камеры на одного заключенного будет избрано 9–10 кв. м. В данной области ЕКПП может внести значительный вклад в те достижения, которых уже удалось добиться по этому вопросу. Сейчас требуется провести тщательное изучение вопроса о том, какой размер камеры наилучшим образом подходит для содержания различного числа заключенных. При определении подходящего размера необходимо учесть и количество часов, которые заключенные проводят в камере. Четкие требования к минимальным размерам камеры, не унижающим человеческое достоинство, должны быть разработаны и для заключенных, которые значительную часть времени проводят вне камеры…

В правиле 25 подчеркивается, что тюремные власти должны обращать внимание не только на конкретные правила, регулирующие такие аспекты, как работа, образование и физические упражнения, но и на внутренний режим, касающийся всех заключенных в целом с тем, чтобы определить удовлетворяет ли он основные требования по обеспечению человеческого достоинства. Это должно касаться всего обычного рабочего дня. Так, например, заключенные не могут содержаться в камере 23 часа из 24. Согласно требованиям ЕКПП заключенные должны заниматься различными видами деятельности за пределами собственной камеры не менее восьми часов в день…».

B. СТАНДАРТЫ ООН ОТНОСИТЕЛЬНО ОБРАЩЕНИЯ С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ

59. Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) (документ A/C.3/70/L.3 от 29 сентября 2015 г.) – важнейшие общемировые стандарты обращения с заключенными, принятые Генеральной Ассамблеей ООН, предусматривают следующее:

«…**I. ОБЩЕПРИМЕНИМЫЕ ПРАВИЛА**

Основные принципы

Правило 1

Все заключенные должны пользоваться уважительным отношением вследствие присущего им достоинства и их ценности как человеческой личности. Ни один заключенный не должен подвергаться пыткам и другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания, все заключенные должны быть защищены от них, и никакие обстоятельства не могут служить для них оправданием. Должна постоянно обеспечиваться охрана и безопасность заключенных, персонала, лиц, предоставляющих услуги, и посетителей…

Правило 4

1. Целями приговора к тюремному заключению или к аналогичному лишению свободы являются главным образом защита общества от преступников и сокращение случаев рецидивизма. Эти цели могут быть достигнуты только в том случае, если срок заключения используется, насколько это возможно, для обеспечения реинтеграции таких лиц в общество после их освобождения, с тем чтобы они могли вести законопослушный и самостоятельный образ жизни.

2. В этой связи администрации пенитенциарного учреждения и компетентным органам следует предоставлять надлежащие и имеющиеся возможности для получения образования, профессиональной подготовки и работы, а также другие виды помощи, в том числе исправительного, морального, духовного, социального, медицинского и спортивного характера. Все такие программы, мероприятия и услуги должны осуществляться с учетом индивидуальных потребностей перевоспитания заключенных…

Помещения

Правило 12

1. Там, где заключенные ночуют в камерах или комнатах, каждый из них должен располагать отдельной камерой или комнатой. Если по особым причинам, таким, как временная переполненность тюрьмы, центральной администрации пенитенциарного учреждения приходится отказаться от применения этого правила, помещать двух заключенных в одну и ту же камеру или комнату нежелательно.

2. Там, где имеются общие камеры, размещаемых в них заключенных следует подвергать тщательному отбору, чтобы удостовериться, что они спо-

собны жить вместе в таких условиях. По ночам следует осуществлять регулярный надзор, соответствующий характеру тюрьмы.

Правило 13

Все помещения, которыми пользуются заключенные, особенно все спальные помещения, должны отвечать всем требованиям по охране здоровья, причем должное внимание следует обращать на климатические условия, особенно на кубатуру этих помещений, на минимальную их площадь, на освещение, отопление и вентиляцию.

Правило 14

В помещениях, где живут и работают заключенные:

(a) окна должны быть достаточно большими для того, чтобы заключенные могли читать и работать при дневном свете, и быть сконструированы так, чтобы обеспечивать поступление свежего воздуха, независимо от того, есть там искусственная система вентиляции или нет;

(b) искусственное освещение должно быть достаточным для того, чтобы заключенные могли читать или работать без ущерба для зрения.

Правило 15

Санитарные установки должны быть достаточными для того, чтобы каждый заключенный мог удовлетворять свои естественные потребности, когда ему это нужно, в условиях чистоты и пристойности.

Правило 16

Бань и душевых должно быть достаточно для того, чтобы каждый заключенный мог, а возможно, и обязан был принимать ванну или душ при соответствующей климатическим условиям температуре так часто, как этого требует поддержание общей гигиены, с учетом времени года и географического района, но не менее одного раза в неделю в умеренном климате.

Правило 17

Все части тюрьмы, которыми заключенные пользуются регулярно, должны всегда содержаться в дóлжном порядке и в самой строгой чистоте.

Личная гигиена

Правило 18

1. От заключенных нужно требовать, чтобы они содержали себя в чистоте. Для этого их нужно снабжать водой и туалетными принадлежностями, необходимыми для поддержания чистоты и здоровья.

2. Для того чтобы заключенные могли сохранять пристойный внешний вид, совместимый с их человеческим достоинством, им нужно давать возможность заботиться о своей прическе и бороде, а мужчинам разрешать регулярно бриться.

Одежда и спальные принадлежности

Правило 19

1. Заключенным, не имеющим права носить собственную одежду, следует выдавать комплект обмундирования, соответствующего климату и позволяющего поддерживать их здоровье в удовлетворительном состоянии. Эта одежда не должна иметь оскорбительного или унижающего характера…

Правило 21

Каждому заключенному следует обеспечивать отдельную койку в соответствии с национальными или местными нормами, снабженную отдельными достаточными спальными принадлежностями, которые должны быть чистыми в момент их выдачи, поддерживаться в исправности и меняться достаточно часто, чтобы обеспечивать их чистоту.

Питание

Правило 22

1. Тюремная администрация должна в обычные часы обеспечивать каждому заключенному пищу, достаточно питательную для поддержания его здоровья и сил, имеющую достаточно хорошее качество, хорошо приготовленную и поданную.

2. Каждый заключенный должен располагать питьевой водой, когда возникает такая потребность.

Физические упражнения и спорт

Правило 23

1. Каждый заключенный, не занятый работой на свежем воздухе, имеет ежедневно право по крайней мере на час подходящих физических упражнений на дворе, если это позволяет погода.

2. Малолетним и другим заключенным подходящего возраста, находящимся в соответствующем физическом состоянии, следует обеспечивать физическую тренировку и возможность игр во время периода упражнений. Для этого нужно располагать необходимыми площадками, установками и оборудованием…

II. ПРАВИЛА, ПРИМЕНИМЫЕ К ОСОБЫМ КАТЕГОРИЯМ

A. Осужденные заключенные

<…>

Льготы

Правило 95

В каждом тюремном учреждении следует иметь систему льгот и разрабатывать различные методы обращения с разными категориями заключенных, чтобы поощрять их к хорошему поведению, развивать в них чувство ответственности, прививать им интерес к их перевоспитанию и добиваться их сотрудничества.

Работа

Правило 96

1. Осужденные заключенные должны иметь возможность работать и/или принимать активное участие в своей реабилитации при условии установления врачом или другими квалифицированными медицинскими специалистами их физической и психической пригодности..

2. На заключенных следует возлагать полезную работу, достаточную для того, чтобы заполнить нормальный рабочий день…

Образование и отдых

Правило 104

1. Всем заключенным, способным извлечь из этого пользу, следует обеспечивать возможность дальнейшего образования, включая религиозное воспитание в странах, где таковое допускается. Обучение неграмотных заключенных и малолетних заключенных следует считать обязательным, и тюремная администрация должна обращать на него особое внимание…

Правило 105

Во всех тюремных учреждениях заключенным следует обеспечивать возможности отдыха и культурной деятельности в интересах их физического и психического здоровья…».

C. МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ КРАСНОГО КРЕСТА (ДАЛЕЕ – МККК)

60. В 2005 году на основании посещений мест лишения свободы в различных ситуациях при осуществлении контроля за условиями содержания под стражей и обращением с заключенными МККК впервые опубликовал документ под названием «Водоснабжение, санитария, гигиена и условия нахождения в тюрьмах» (*Water, Sanitation, Hygiene and Habitat in Prisons*), внеся в него изменения в 2012 году. В 2009 году он провел международный «круглый стол», чтобы обсудить изменения в установлении международных руководящих принципов. По результатам проведения этого мероприятия МККК опубликовал «Вспомогательное руководство по стандартам водоснабжения, санитарии, гигиены и условиям нахождения в тюрьмах» (*Supplementary guidance to the Water, Sanitation, Hygiene and Habitat in Prisons standards*) (с ним можно ознакомиться в Интернете по адресу: www.icrc.org).

61. МККК отметил, что отсутствует всеобщая норма площади при размещении содержащихся под стражей лиц и что различные организации и дискуссионные площадки дали по этому поводу рекомендации, касающиеся различных групп стран. МККК также отметил, что в отсутствие всеобщих стандартов многие страны разработали свои собственные требования, которые, однако, сильно различаются. Так, в Европе норма площади составляет от 4 кв. м в Албании до 12 кв. м в Швейцарии. Кроме того, в некоторых странах предусмотрена повышенная норма площади для подследственных. В ряде стран (например, в Исландии, Польше и Словении) установлена повышенная норма площади для женщин, а в некоторых странах проводится различие между совершеннолетними и несовершеннолетними заключенными (например, в Венгрии и Латвии).

62. При отсутствии всеобщих стандартов МККК, опираясь на свой опыт, разработал указания по поводу того, какая площадь должна приходиться на одного заключенного. При размещении заключенных в общих камерах рекомендовалось обеспечивать 3,4 кв. м на человека с учетом площади нар и туалетов. Однако МККК подчеркнул, что это именно рекомендация, а не стандарт. Он отметил, что на практике пространство, которое следует обеспечивать каждому заключенному, нельзя оценивать только на основании конкретной установленной нормы площади. При анализе требований к площади имеет значение множество других факторов, в том числе организационно-распорядительная деятельность, а также имеющиеся в тюрьме объекты инфраструктуры и услуги. По мнению МККК, это отражает комплексный подход, дающий более точное представление о реальных условиях содержания заключенных.

63. Таким образом, МККК пришел к выводу, что фактор площади сам по себе играет ограниченную роль при оценке качества жизни и условий содержания под стражей. Как таковой он является не более чем отправной точкой при оценке условий, в которых содержатся заключенные. Однако нормы площади нельзя рассматривать в отрыве от общей ситуации в местах лишения свободы, а значит, уместность рекомендаций МККК в той или иной ситуации будет зависеть от множества факторов, в том числе, от особых индивидуальных потребностях, например, больных, пожилых или несовершеннолетних заключенных, женщин и (или) инвалидов, от физического состояния зданий, количества времени, которое заключенные проводят в зоне размещения, частоты и наличия возможности заниматься физическими упражнениями, работы и других видов деятельности за пределами зоны размещения, количества людей в зоне размещения (чтобы была возможность уединиться и избежать изоляции), количества дневного света и достаточности вентиляции, от других видов занятий, в которых можно участвовать в зоне размещения (например, приготовление еды, стирка, сушка), иных имеющихся услуг (например, туалеты и душевые), а также от характера контроля, который обеспечивается в пенитенциарном учреждении.

64. В частности, относительно того, сколько времени проводится в камере, МККК подчеркнул, что чем дольше заключенный содержится в замкнутом пространстве каждые 24 часа, тем больше площади ему требуется. Другими словами, чем больше часов в течение дня заключенный проводит, участвуя в позитивных мероприятиях в безопасных условиях за пределами зоны размещения, тем больше возможностей смягчить негативные последствия содержания в закрытом помещении. Позитивные мероприятия в этом контексте включают в себя работу и обучение, встречи с посетителями, участие в организованных упражнениях или занятиях

спортом, проведение значительного количества неструктурированного времени в зонах для упражнений на открытом воздухе, а также занятие своим хобби и проведение свободного времени.

65. Кроме того, МККК провел различие между общими требованиями к размещению заключенных и требованиями к размещению заключенных в чрезвычайных ситуациях (например, в условиях политического кризиса, стихийных бедствий, пожара, беспорядков, санитарно-эпидемиологического кризиса, требующего изолировать большое количество заключенных, или происшествий, требующих перевести заключенных из поврежденной тюрьмы в другое учреждение). Первоначально МККК указывал, что в подобных ситуациях каждому заключенному следует обеспечивать 2 кв. м личного пространства, но впоследствии данный вывод подвергся критике со стороны экспертов. Таким образом, акцент был сделан не на указании минимальных требований к жилой площади, а на необходимости как можно скорее восстановить в тюрьме нормальные условия (в том числе минимальную норму площади). В частности, МККК подчеркнул, что в таких случаях необходимо обеспечивать, чтобы ограничения, введенные в чрезвычайной ситуации, не перешли в хроническую фазу.

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВА-ОТВЕТЧИКА

A. ДОВОД СТОРОН В БОЛЬШОЙ ПАЛАТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

66. Власти Хорватии повторили свое возражение о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, которое они выдвинули при рассмотрении дела в Палате Европейского Суда (см. § 37 Постановления Палаты по настоящему делу). Они утверждали, что заявитель не исчерпал надлежащим образом внутригосударственные средства правовой защиты, так как в своей конституционной жалобе он не дал подробного описания неудовлетворительных, по его мнению, условий содержания под стражей, и не сослался на соответствующие положения Конвенции и Конституции Хорватии.

67. Заявитель считал, что он дóлжным образом исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты, так как в своей конституционной жалобе он прямо сослался на статью 74 Закона «Об исполнении наказаний в виде лишения свободы», которая гарантирует каждому человеку как минимум 4 кв. м личного пространства, утверждая, что в его деле требования этой статьи не были выполнены. Тем самым он предоставил Конституционному суду Хорватии достаточную возможность рассмотреть все значимые обстоятельства своего дела.

B. ВЫВОДЫ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

68. Палата Европейского Суда отметила, что заявитель по сути жаловался в Конституционный суд Хорватии на нарушение своих прав в связи с недостаточностью личного пространства и отсутствием возможности работать в Бьеловарской тюрьме. Палата Европейского Суда пришла к выводу, что, обратившись в Конституционный суд с жалобами по существу этих вопросов, заявитель надлежащим образом исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты.

C. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

69. Европейский Суд напоминает, что в случае необходимости Большой Палате Европейского Суда ничто не препятствует рассмотреть вопрос о приемлемости жалобы для рассмотрения по существу с точки зрения пункта 4 статьи 35 Конвенции, так как данный пункт позволяет Европейскому Суду отклонять жалобы, которые он считает неприемлемыми, «на любой стадии разбирательства». Таким образом, даже на стадии рассмотрения дела по существу при соблюдении условий, предусмотренных правилом 55 своего Регламента, Европейский Суд может пересмотреть решение об объявлении жалобы приемлемой для рассмотрения по существу, если он придет к выводу, что ее нужно было объявить неприемлемой для рассмотрения по одному из оснований, указанных в первых трех пунктах статьи 35 Конвенции (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Алишич и другие против Боснии и Герцеговины, Сербии, Словении, Хорватии и Македонии» (Ališić and Others v. Bosnia and Herzegovina, Croatia, Serbia, Slovenia and the former Yugoslav Republic of Macedonia), жалоба № 60642/08[1], § 78, *ECHR* 2014).

70. Однако рассмотрев доводы властей Хорватии, Европейский Суд не видит оснований для пересмотра решения Палаты Европейского Суда в части, касающейся отклонения возражения о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты. Действительно, Европейский Суд неоднократно приходил к выводу о том, что норма об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, содержащаяся в пункте 1 статьи 35 Конвенции, требует подавать жалобы, с которыми планируется впоследствии обратиться в Европейский Суд, в компетентные органы государства-ответчика, по крайней мере, по существу и с соблюдением формальных требований и сроков, предусмотренных законодательством страны, а также использовать все процессуальные средства, которые могли бы предотвратить нару-

[1] См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 1 (примеч. редактора).

шение Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вучкович и другие против Сербии» (Vučković and Others v. Serbia) (предварительные возражения) от 25 марта 2014 г., жалоба № 17153/11 и еще 29 жалоб, § 72, а также в общем плане Решение Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гергина против Румынии» (Gherghina v. Romania) от 9 июля 2015 г., жалоба № 42219/07, §§ 84–87).

71. Относительно средств правовой защиты в связи с условиями содержания в тюрьмах Хорватии Европейский Суд приходил к выводу, что жалоба, поданная в компетентный судебный орган или в администрацию пенитенциарного учреждения, является эффективным средством правовой защиты, поскольку она может прекратить содержание заявителя под стражей в неудовлетворительных условиях. Кроме того, в случае неблагоприятного исхода у заявителя есть возможность обратиться с жалобой в Конституционный суд Хорватии (см. Решение Европейского Суда по делу «Штитич против Хорватии» (Štitić v. Croatia) от 9 ноября 2006 г., жалоба № 29660/03, а также Постановление Европейского Суда по делу «Доленец против Хорватии» (Dolenec v. Croatia) от 26 ноября 2009 г., жалоба № 25282/06, § 113), который вправе распорядиться, чтобы заявителя выпустили на свободу или перестали содержать под стражей в неудовлетворительных условиях (см., *inter alia*, Постановление Европейского Суда по делу «Пеша против Хорватии» (Peša v. Croatia) от 8 апреля 2010 г., жалоба № 40523/08, § 80). Следовательно, для соблюдения требования об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты и в соответствии с принципом субсидиарности заявители, прежде чем подавать жалобу в Европейский Суд, должны дать Конституционному суду Хорватии возможность исправить ситуацию, в которой они находятся, и вынести решение по вопросам, которые они хотят передать на рассмотрение Европейского Суда (см. Решение Европейского Суда по делу «Бучкал против Хорватии» (Bučkal v. Croatia) от 3 апреля 2012 г., жалоба № 29597/10, § 20, и Постановление Европейского Суда по делу «Лонгин против Хорватии» (Longin v. Croatia) от 6 ноября 2012 г., жалоба № 49268/10, § 36).

72. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что, надлежащим образом воспользовавшись всеми имеющимися средствами правовой защиты и обратившись в компетентные судебные органы и администрацию тюрьмы (см. §§ 22–24, 26 и 29 настоящего Постановления), заявитель подал в Конституционный суд Хорватии жалобу, в которой он явно, хотя и кратко, затронул проблему переполненности Бьеловарской тюрьмы. При этом заявитель сослался на пункт 3 статьи 74 Закона «Об исполнении наказаний в виде лишения свободы», которая гарантирует заключенным достаточно большую норму площади, и утверждал, что в его случае требования этой статьи не были выполнены (см. § 32 настоящего Постановления). Следовательно, заявитель предоставил властям Хорватии возможность, которую в принципе необходимо обеспечивать государствам-участникам согласно пункту 1 статьи 35 Конвенции, а именно возможность устранить последствия нарушений, предположительно допущенных ими (см. среди многих прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Ячимович против Хорватии» (Jaćimović v. Croatia) от 31 октября 2013 г., жалоба № 22688/09, §§ 40–41, и приведенные в нем ссылки).

73. Таким образом, Европейский Суд приходит к выводу, что заявитель надлежащим образом исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты. Следовательно, предварительное возражение государства-ответчика должно быть отклонено.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

74. Заявитель жаловался на неудовлетворительные условия содержания в Бьеловарской тюрьме. Он утверждал, что в течение нескольких не идущих подряд периодов общей продолжительностью 50 дней в камерах, где он содержался, на него приходилось менее 3 кв. м личного пространства, а в течение нескольких не идущих подряд периодов времени – от 3 до 4 кв. м. Кроме того, заявитель жаловался на неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия и плохое питание, на отсутствие возможности работать и на недостаточность условий для отдыха и обучения. При этом он ссылался на статью 3 Конвенции, которая предусматривает:

> «Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

75. В связи с тем, что центральное место в жалобе заявителя в Палату Европейского Суда занимал предположительный дефицит личного пространства в Бьеловарской тюрьме, Палата Европейского Суда напомнила общие принципы, сформулированные в пилотном Постановлении Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации» (Ananyev and Others v. Russia) от 10 января 2012 г., жалобы №№ 42525/07 и 60800/08[1], § 148, по вопросу о переполненности мест лишения свободы. В част-

[1] См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 8 (*примеч. редактора*).

ности, Палата Европейского Суда напомнила, что в Постановлении по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации» Европейский Суд обозначил три критерия, имеющих значение при определении того, было ли по делу допущено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с недостаточностью у заключенного личного пространства или нет, а именно: (1) у каждого содержащегося под стражей лица должно быть индивидуальное спальное место в камере, (2) на каждое содержащееся под стражей лицо должно приходиться не менее 3 кв. м личного пространства, (3) общая площадь камеры должна быть такой, чтобы содержащиеся в ней лица могли свободно передвигаться между предметами, которые там находятся. Отсутствие любого из этих элементов само по себе создает устойчивую презумпцию неудовлетворительности условий содержания заявителя под стражей.

76. Соответственно Палата Европейского Суда подчеркнула, что в тех случаях, когда на содержащееся под стражей лицо приходится менее 3 кв. м площади, возникает устойчивая презумпция, в силу которой условия содержания под стражей представляют собой унижающее достоинство обращение и нарушают статью 3 Конвенции. Однако в некоторых обстоятельствах эта устойчивая презумпция может быть опровергнута совокупным воздействием остальных условий содержания под стражей.

77. С учетом вышеизложенных принципов Палата Европейского Суда отметила, что предоставленное заявителю личное пространство действительно не соответствовало норме площади, указанной в рекомендациях ЕКПП (4 кв. м на одного заключенного), но не признала данный факт настолько серьезным, чтобы он сам по себе оправдывал вывод о нарушении статьи 3 Конвенции. Палата Европейского Суда указала, что иногда на заявителя приходилось чуть менее 3 кв. м личного пространства в течение непродолжительных и не идущих подряд периодов времени, в том числе один раз в течение 27 дней, и это вызвало у нее беспокойство. Однако Палата Европейского Суда отметила, что заявителю разрешалось свободно передвигаться за пределами камеры в течение трех часов в день, в камеры, где он содержался, беспрепятственно поступали дневной свет и свежий воздух и что в них была питьевая вода, ему обеспечивалось индивидуальное спальное место и ничто не препятствовало ему свободно передвигаться по камере. Кроме того, Палата Европейского Суда перечислила различные виды деятельности, в которых заключенные в Бьеловарской тюрьме могли участвовать вне камеры, в частности, пользование библиотекой и доступ к местам отдыха в свободное время.

78. При таких обстоятельствах, поскольку, находясь в заключении, заявитель пользовался достаточно большой свободой передвижения по тюрьме, а остальные условия его содержания под стражей являлись удовлетворительными, Палата Европейского Суда пришла к выводу, что условия содержания заявителя под стражей не достигли порогового уровня жестокости, необходимого для того, чтобы обращение с ним можно было считать бесчеловечным или унижающим достоинство по смыслу статьи 3 Конвенции.

B. ДОВОДЫ СТОРОН В БОЛЬШОЙ ПАЛАТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Заявитель

79. Заявитель отмечал, что, когда он содержался под стражей, в течение нескольких не идущих подряд периодов времени общей продолжительностью 50 дней на него приходилось менее 3 кв. м личного пространства. Один из этих промежутков времени продолжался 27 дней, и заявитель не считал уменьшение полагающейся ему площади «непродолжительным и эпизодическим». Как указывал заявитель, из прецедентной практики Европейского Суда следует, что, если на одного заключенного в общей камере приходится менее 3 кв. м, этого самого по себе достаточно для того, чтобы констатировать нарушение статьи 3 Конвенции. Можно отметить и некоторые другие недостатки, которые лишь подтверждают данный вывод. Кроме того, заявитель подчеркивал, что соответствующая норма площади, установленная ЕКПП, составляет 4 кв. м. По его мнению, Европейский Суд должен следовать установленным стандартам. В его конкретном случае в течение нескольких не идущих подряд периодов на него в камерах приходилось от 3 до 4 кв. м личного пространства.

80. Далее заявитель указывал, что в общую площадь камер не следует включать площадь санузлов. Кроме того, заявитель отмечал, что он не мог нормально передвигаться по камере, так как в то время, когда в одной камере содержались от пяти до восьми заключенных, свободное пространство уменьшалось за счет пяти – восьми коек, тумбочек, столов и стульев. В действительности на всем протяжении его содержания в Бьеловарской тюрьме на него приходились в среднем только 2,25 кв. м личного пространства. Заявитель также утверждал, что в Бьеловарской тюрьме ему не обеспечивалось достаточно условий для отдыха, обучения и работы. Он мог передвигаться вне камеры только в течение трех часов в день, с 16.00 до 19.00. Заявитель полагал, что ввиду его личных обстоятельств и своего возраста он не получил достаточной компенсации за уменьшение своего личного пространства и в связи с этим чувствовал себя униженным и опозоренным.

81. По мнению заявителя, все его доводы подтверждаются теми фактами, что Бьеловарская тюрьма была построена в XIX веке, и с тех пор там не проводилось ни капитального ремонта, ни

каких-либо улучшений. Однако в 2011 году там провели ремонтные работы, и некоторые фотографии Бьеловарской тюрьмы, предоставленные властями государства-ответчика, были сделаны уже после ремонта, в том числе фотографии некоторых камер, где заявитель не содержался. Кроме того, заявитель ссылался на жалобу, поданную другими заключенными, и на интервью, которое в ноябре 2010 года дал начальник тюрьмы, подчеркнув, что, хотя администрации тюрьмы и удалось увеличить количество мест в Бьеловарской тюрьме с изначальных 53 до 79, иногда в ней содержались до 129 заключенных. В то же время заявитель считал, что власти государства-ответчика предоставили недостаточно доказательств наличия серьезных компенсирующих факторов, которые могли бы смягчить острый дефицит личного пространства.

82. Наконец, заявитель считал, что судья по исполнению наказаний так и не обеспечила ему достаточной защиты и что тюремные власти препятствовали ему подавать жалобы Уполномоченному по правам человека, переведя его в Вараждинскую тюрьму раньше, чем Уполномоченному удалось повидаться с ним.

2. Власти Хорватии

83. Власти Хорватии утверждали, что жалобы заявителя были подробно изучены на внутригосударственном уровне компетентным судьей по исполнению наказаний, которая выслушала заявителя и регулярно посещала в соответствующий период Бьеловарскую тюрьму, побывав в ней 12 раз за то время, когда там содержался заявитель. Судья по исполнению наказаний не установила нарушения его права на удовлетворительные условия содержания под стражей. Эти выводы были проверены и оставлены без изменения коллегией из трех судей Бьеловарского районного суда, а также Конституционным судом Хорватии. Аналогичным образом жалобы заявителя рассмотрел Уполномоченный по правам человека Хорватии, отметив, что в основном они касались вопросов, связанных с его переводом в тюрьму поближе к его семье. Уполномоченный по правам человека также отметил, что недавно в Бьеловарской тюрьме был сделан ремонт. Далее, в деле «Позаич против Хорватии» (Постановление Европейского Суда по делу «Позаич против Хорватии» (Pozaić v. Croatia) от 4 декабря 2014 г., жалоба № 5901/13), в котором шла речь об условиях содержания в Бьеловарской тюрьме в тот же период, когда там находился заявитель, Европейский Суд также не усмотрел нарушений статьи 3 Конвенции. В связи с этим власти государства-ответчика отмечали, что, поскольку ЕКПП ни разу не посещал Бьеловарскую тюрьму, выводы, к которым пришел Европейский Суд в деле «Позаич против Хорватии», являются единственной оценкой условий содержания в этой тюрьме международным органом.

84. Далее власти Хорватии подчеркивали, что недавно в ведущем деле «Варга и другие против Венгрии» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Варга и другие против Венгрии» (Varga and Others v. Hungary) от 10 марта 2015 г., жалобы №№ 14097/12, 45135/12, 73712/12, 34001/13, 44055/13 и 64586/13) Европейский Суд напомнил сформулированный в деле «Ананьев и другие против Российской Федерации» критерий «устойчивой презумпции» нарушения статьи 3 Конвенции, которая возникает, когда на заключенного приходится менее 3 кв. м личного пространства. Однако власти Хорватии отмечали, что во многих делах данная презумпция опровергалась совокупным воздействием условий содержания под стражей (в связи с этим власти государства-ответчика ссылались на Постановление Европейского Суда по делу «Дмитрий Рожин против Российской Федерации» (Dmitriy Rozhin v. Russia) от 23 октября 2012 г., жалоба № 4265/06[1], § 53, Постановление Европейского Суда по делу «Фетисов и другие против Российской Федерации» (Fetisov and Others v. Russia) от 17 января 2012 г., жалобы №№ 43710/07, 6023/08, 11248/08, 27668/08, 31242/08 и 52133/08[2], Постановление Европейского Суда по делу «Курковский против Польши» (Kurkowski v. Poland) от 9 апреля 2013 г., жалоба № 36228/06, а также на Постановление Европейского Суда по делу «Владимир Беляев против Российской Федерации» (Vladimir Belyayev v. Russia) от 17 октября 2013 г., жалоба № 9967/06[3]).

85. По мнению властей Хорватии, автоматически делать вывод о нарушении Конвенции на основании имеющейся площади значило бы применить формальный подход, не учитывающий множество важных компенсирующих факторов и позицию ЕКПП, согласно которой следует принимать во внимание все аспекты содержания под стражей. Кроме того, подобный подход, возможно, заставит государства отказаться от разработки и реализации различных мер, направленных на улучшение качества жизни заключенных. Это можно видеть на примере Хорватии, где, несмотря на то, что во внутригосударственном законодательстве закреплена норма площади в 4 кв. м на человека, общий гибкий подход к вопросу об условиях содержания под стражей позволил принять некоторые важные меры по уменьшению и решению проблем, касающихся степени переполненности тюрем в последние годы. Сейчас тюрьмы в Хорватии заполнены на 85% от их общей вместимости. Кроме того, если сделать вывод о нарушении Конвенции автоматически, то это будет противоречить основным

[1] См.: Российская хроника Европейского Суда. 2013. № 4 (*примеч. редактора*).

[2] См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 7 (*примеч. редактора*).

[3] См.: там же. 2014. № 8 (*примеч. редактора*).

принципам, установленным в прецедентной практике Европейского Суда. Хотя это и представляется простым решением, оно не обеспечит эффективной защиты прав заключенных. Таким образом, по мнению властей Хорватии, необходимо, чтобы существовала возможность опровергнуть презумпцию нарушения Конвенции, и эта возможность должна быть реальной и осуществимой на практике.

86. В настоящем деле, принимая во внимание вышеизложенные принципы и описанные общие условия содержания заявителя под стражей (см. §§ 18–21 настоящего Постановления), власти Хорватии пришли к выводу, что общая проблема переполненности Бьеловарской тюрьмы в спорный период времени не привела к нарушению прав заявителя и что он не подвергся бесчеловечному или унижающему достоинство обращению по смыслу статьи 3 Конвенции.

3. Третьи стороны

(a) Французское отделение Организации по международному наблюдению за тюрьмами, Бельгийская лига прав человека и Европейская сеть по обжалованию действий сотрудников мест лишения свободы

87. Указанные организации, вступившие в производство по делу в качестве третьих сторон, утверждали, что прецедентная практика Европейского Суда по вопросу об условиях содержания под стражей и, в частности, о минимальной норме площади на одного человека согласно статье 3 Конвенции является непоследовательной и неясной, особенно в отношении минимального количества квадратных метров личного пространства, которое требуется обеспечивать заключенному. По их мнению, это тормозит эффективную реализацию соответствующих стандартов на внутригосударственном уровне.

88. С точки зрения указанных организаций, вопрос о площади, которая приходится на одного заключенного, следует считать главным фактором при оценке условий содержания под стражей. Минимальную норму площади следует установить на уровне 4 кв. м на человека, как следует из соответствующих рекомендаций ЕКПП, внутригосударственных и других европейских и международных стандартов. Далее эти организации отмечали, что, если Большая Палата Европейского Суда примет подход «устойчивой презумпции» нарушения статьи 3 Конвенции, возникающей, когда норма площади на одного заключенного не соответствует требуемому минимальному стандарту, речь должна идти об устойчивой презумпции, которая может быть опровергнута лишь в исключительных обстоятельствах. В этом отношении основной акцент должен быть сделан на свободе передвижения по пенитенциарному учреждению, а доказать, что дефицит личного пространства был в достаточной степени компенсирован, должны власти государства-ответчика. С другой стороны, указанные организации подчеркивали следующее: когда на заключенного приходится менее 3 кв. м личного пространства, ситуацию нужно считать настолько серьезной, что возникает неопровержимая презумпция нарушения статьи 3 Конвенции, и в этом случае ситуацию нельзя компенсировать или смягчить какими-либо другими факторами.

(b) Некоммерческий центр документации «Другое право»

89. Данная организация, вступившая в производство по делу в качестве третьей стороны, отмечала, что прецедентная практика Европейского Суда по вопросу об условиях содержания под стражей требует пояснений и упорядочения, особенно в отношении достаточности личного пространства. По мнению организации, этот фактор необходимо ясно и обоснованно установить в качестве минимального требования, любое отступление от которого должно само по себе во всех обстоятельствах приводить к выводу о нарушении Конвенции.

90. Указанная организация предлагала Европейскому Суду подтвердить критерий, сформулированный в деле «Ананьев и другие против Российской Федерации», четко указав, в частности, что несоблюдение минимальной нормы площади в 3 кв. м на одного заключенного приводит к возникновению устойчивой презумпции нарушения статьи 3 Конвенции, которая может быть поставлена под сомнение лишь в условиях крайней срочности и необходимости, когда речь идет о достаточно ограниченном периоде времени. Кроме того, у каждого заключенного должно быть свое индивидуальное спальное место и достаточная свобода передвижения по камере. Что касается распределения бремени доказывания, организация, вступившая в производство по делу в качестве третьей стороны, считала, что после того, как заявитель предоставил убедительные доказательства, бремя доказывания переходит на власти государства-ответчика, которые должно привести убедительные факты, способные опровергнуть устойчивую презумпцию нарушения Конвенции, и представить соответствующие доказательства, опирающиеся на выводы независимых и беспристрастных внутригосударственных судов или иных компетентных органов власти. Далее эта организация утверждала, что при определении того, было ли по делу допущено нарушение статьи 3 Конвенции, необходимо принимать во внимание и другие значимые факторы, касающиеся условий содержания под стражей, помимо вопроса о достаточности личного пространства.

C. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Замечания вводного характера

91. От Европейского Суда нередко требуется рассматривать жалобы на нарушение статьи 3 Конвенции в связи с недостаточностью площади, которая предоставляется заключенным. В настоящем деле Европейский Суд считает целесообразным прояснить принципы и стандарты оценки минимальной нормы площади, которая должна приходиться на одного заключенного в общих камерах пенитенциарных учреждений с точки зрения статьи 3 Конвенции.

92. Европейский Суд также отмечает, что при размещении в одиночной камере, изоляции и иных похожих режимах содержания под стражей или в помещениях для ожидания или аналогичных местах, используемых в течение очень короткого времени (например, отделениях полиции, психиатрических учреждениях, центрах содержания нелегальных мигрантов) могут возникать различные вопросы, однако они не будут являться предметом рассмотрения в настоящем деле (см. § 50 настоящего Постановления, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Грузия против Российской Федерации (I)» (Georgia v. Russia) (I), жалоба № 13255/07[1], §§ 192–205, *ECHR* 2014 (извлечения)).

93. Переполненность мест лишения свободы при размещении заключенных в общих камерах являлась одним из аспектов, рассмотренных Большой Палатой Европейского Суда в деле «Идалов против Российской Федерации» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Идалов против Российской Федерации» (Idalov v. Russia) от 22 мая 2012 г., жалоба № 5826/03[2], §§ 96–102). Кроме того, данный вопрос обсуждался в нескольких пилотных и ведущих постановлениях, в которых Европейский Суд уже указывал на конкретные факторы, имеющие отношение к анализу проблемы переполненности мест лишения свободы, и на обязанность государств исправлять недостатки, выявленные Европейским Судом в этих постановлениях.

94. В частности, Европейский Суд уже выносил пилотные постановления о переполненности мест лишения свободы в отношении следующих государств: Болгарии (см. Постановление Европейского Суда по делу «Нешков и другие против Болгарии» (Neshkov and Others v. Bulgaria) от 27 января 2015 г., жалобы №№ 36925/10, 21487/12, 72893/12, 73196/12, 77718/12 и 9717/13), Венгрии (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Варга и другие против Венгрии»), Италии (см. Постановление Европейского Суда по делу «Торреджиани и другие против Италии»), Польши (см. Постановление Европейского Суда по делу «Орховский против Польши» (Orchowski v. Poland) от 22 октября 2009 г., жалоба № 17885/04, а также Постановление Европейского Суда по делу «Норберт Сикорский против Польши» (Norbert Sikorski v. Poland) от 22 октября 2009 г., жалоба № 17599/05) и Российской Федерации (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации»).

95. Кроме того, Европейский Суд затрагивал проблему переполненности мест лишения свободы, указывая в порядке применения статьи 46 Конвенции на необходимость улучшения условий содержания под стражей, в ведущих постановлениях, вынесенных в отношении следующих государств: Бельгии (см. Постановление Европейского Суда по делу «Василеску против Бельгии» (Vasilescu v. Belgium) от 25 ноября 2014 г., жалоба № 64682/12), Греции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Самарас и другие против Греции» (Samaras and Others v. Greece) от 28 февраля 2012 г., жалоба № 11463/09, Постановление Европейского Суда по делу «Дзамалис и другие против Греции» (Tzamalis and Others v. Greece) от 4 декабря 2012 г., жалоба № 15894/09, а также Постановление Европейского Суда по делу «Ал. К. против Греции» (Al. K. v. Greece) от 11 декабря 2014 г., жалоба № 63542/11), Республики Молдова (см. Постановление Европейского Суда по делу «Шишанов против Республики Молдова» (Shishanov v. Republic of Moldova) от 15 сентября 2015 г., жалоба № 11353/06[3]), Румынии (см. Постановление Европейского Суда по делу «Яков Станчиу против Румынии» (Iacov Stanciu v. Romania) от 24 июля 2012 г., жалоба № 35972/05), Словении (см. Постановление Европейского Суда по делу «Мандич и Йович против Словении» (Mandić and Jović v. Slovenia) от 20 октября 2011 г., жалобы №№ 5774/10 и 5985/10, а также Постановление Европейского Суда по делу «Штруцл и другие против Словении» (Štrucl and Others v. Slovenia) от 20 октября 2011 г., жалобы №№ 5903/10, 6003/10 и 6544/10).

2. Принципы, имеющие отношение к рассматриваемому вопросу

(a) Общие принципы

96. Статья 3 Конвенции закрепляет одну из важнейших ценностей демократического общества. Она полностью запрещает пытки либо бес-

[1] См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 12 (*примеч. редактора*).

[2] См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 5 (*примеч. редактора*).

[3] См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 2 (*примеч. редактора*).

человечное или унижающее достоинство обращение или наказание независимо от обстоятельств дела и поведения потерпевшего (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (Labita v. Italy), жалоба № 26772/95, § 119, *ECHR* 2000-IV, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации» (Svinarenko and Slyadnev v. Russia), жалобы №№ 32541/08 и 43441/08[1], § 113, *ECHR* 2014 (извлечения)).

97. Ненадлежащее обращение, если на него распространяется действие статьи 3 Конвенции, должно достигать минимального уровня жестокости. Оценка этого минимального уровня относительна и зависит от всех обстоятельств дела, а именно от продолжительности такого обращения, влияния, которое оно оказало на физическое и психическое состояние потерпевшего, а, в некоторых случаях, от пола, возраста и состояния здоровья потерпевшего (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (Ireland v. United Kingdom) от 18 января 1978 г., § 162, Series A, № 25, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яллох против Германии» (Jalloh v. Germany), жалоба № 54810/00, § 67, *ECHR* 2006-IX, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Идалов против Российской Федерации», § 91, а также Постановление Европейского Суда по делу «Калашников против Российской Федерации» (Kalashnikov v. Russia), жалоба № 47095/99[2], § 95, *ECHR* 2002-VI).

98. Ненадлежащее обращение, достигающее минимального уровня жестокости, обычно предполагает фактическое причинение телесных повреждений либо существенных физических или психических страданий. Однако даже если этого не произошло, в случаях, когда такое обращение унижает или оскорбляет человека, проявляет неуважение к его человеческому достоинству, принижает его или вызывает у человека чувства страха, тоски или собственной неполноценности, способные преодолеть моральное и физическое сопротивление личности, оно также может считаться унижающим достоинство и подпадать под действие запрета, установленного статьей 3 Конвенции (см. среди прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Идалов против Российской Федерации», § 92, а также Постановление Европейского Суда по делу «Претти против Соединенного Королевства» (Pretty v. United Kingdom), жалоба № 2346/02, § 52, *ECHR* 2002-III0 упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации», § 140, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Варга и другие против Венгрии», § 70). Действительно, запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания – это цивилизационная ценность, тесно связанная с уважением достоинства человека (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буиды против Бельгии» (Bouyid v. Belgium), жалоба № 23380/09[3], § 81, *ECHR* 2015).

99. В контексте лишения свободы Европейский Суд постоянно подчеркивал, что в любом случае причиняемые человеку страдания и унижения подпадают под действие статьи 3 Конвенции лишь тогда, когда они превышают неизбежный уровень страданий или унижения, связанных с содержанием под стражей. Государство должно обеспечить, чтобы человек содержался под стражей в условиях, которые отвечают требованию уважения его человеческого достоинства, что способ и метод реализации этих мер не причиняют ему горя или лишений, превышающих неизбежный уровень страданий заключенного под стражу лица, и что, с учетом практических требований лишения свободы, его здоровье и благополучие обеспечены в достаточной степени (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (Kudła v. Poland), жалоба № 30210/96, §§ 92–94, *ECHR* 2000-XI, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Идалов против Российской Федерации», § 93, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации», § 116, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мозер против Республики Молдова и Российской Федерации» (Mozer v. Republic of Moldova and Russia), жалоба № 11138/10[4], § 178, *ECHR* 2016, а также Постановление Европейского Суда по делу «Валашинас против Литвы» (Valašinas v. Lithuania), жалоба № 44558/98, § 102, *ECHR* 2001-VIII, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации», § 141).

100. Вместе с тем отсутствие намерения унизить или оскорбить заключенного путем содержания его в ненадлежащих условиях, хотя данный фактор и следует принимать во внимание, окончательно не исключает вывод о нарушении статьи 3 Конвенции (см., *inter alia*, Постановление Европейского Суда по делу «Пирс против Греции» (Peers v. Greece), жалоба № 28524/95, § 74, *ECHR* 2001-III, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по

[1] См.: там же. 2014. № 11 (*примеч. редактора*).

[2] См.: Путеводитель по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека за 2002 год (*примеч. редактора*).

[3] См.: Российская хроника Европейского Суда. Специальный выпуск. 2017. № 2 (*примеч. редактора*).

[4] См.: Российская хроника Европейского Суда. 2016. № 3 (*примеч. редактора*).

делу «Мандич и Йович против Словении», § 80, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Яков Станчиу против Румынии», § 179, и в целом в контексте статьи 3 Конвенции упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации», § 114, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буиды против Бельгии», § 86). Действительно, на государстве-ответчике лежит обязанность организовать свою пенитенциарную систему таким образом, чтобы обеспечить уважение достоинства содержащихся под стражей лиц, независимо от финансовых сложностей и проблем, связанных с материально-техническим обеспечением мест лишения свободы (см. среди многих прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Мамедова против Российской Федерации» (Mamedova v. Russia)[1] от 1 июня 2006 г., жалоба № 7064/05, § 63, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Орховский против Польши», § 153, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Нешков и другие против Болгарии», § 229, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Варга и другие против Венгрии», § 103).

101. При оценке условий содержания под стражей необходимо принимать во внимание их совокупное воздействие, а также конкретные утверждения заявителя. Следует также учитывать продолжительность содержания лица под стражей в тех или иных условиях (см. среди многих прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Идалов против Российской Федерации», § 94, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Орховский против Польши», § 121, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Торреджиани и другие против Италии», § 66, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации», § 142).

(b) Принципы, касающиеся переполненности мест лишения свободы

102. Европейский Суд отмечает, что соответствующие принципы и стандарты оценки переполненности мест лишения свободы, вытекающие из его прецедентной практики, касаются, в частности, следующих вопросов: 1) о минимальной норме площади при содержании под стражей с точки зрения статьи 3 Конвенции, 2) приводит ли выделение заключенному площади, не соответствующей минимальным требованиям, к возникновению презумпции нарушения статьи 3 Конвенции или само по себе вызывает нарушение этой статьи Конвенции, и 3) какие факторы могли бы компенсировать дефицит личного пространства и существуют ли такие факторы вообще.

(i) Минимальный размер личного пространства с точки зрения статьи 3 Конвенции

(α) Прецедентная практика по данному вопросу

103. Европейский Суд не раз подчеркивал, что в контексте статьи 3 Конвенции он не может определить раз и навсегда конкретное количество квадратных метров, которые нужно предоставлять заключенному, чтобы не нарушались требования Конвенции. Действительно Европейский Суд приходил к выводу, что при решении вопроса о том, соответствуют ли условия содержания под стражей гарантиям статьи 3 Конвенции, важную роль играет ряд других существенных факторов, например, длительность содержания под стражей, возможность нахождения на открытом воздухе, а также физическое и психическое состояние заключенного (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Самарас и другие против Греции», § 57, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Дзамалис и другие против Греции», § 38, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Варга и другие против Венгрии», § 76, и Постановление Европейского Суда по делу «Трепашкин против Российской Федерации» (Trepashkin v. Russia) от 19 июля 2007 г., жалоба № 36898/03[2], § 92, Постановление Европейского Суда по делу «Семихвостов против Российской Федерации» (Semikhvostov v. Russia) от 6 февраля 2014 г., жалоба № 2689/12[3], § 79, Постановление Европейского Суда по делу «Логофетис и другие против Греции» (Logothetis and Others v. Greece) от 25 сентября 2014 г., жалоба № 740/13, § 40, и Постановление Европейского Суда по делу «Сульдин против Российской Федерации» (Suldin v. Russia) от 16 октября 2014 г., жалоба № 20077/04[4], § 43).

104. Вместе с тем острый дефицит места в тюремных камерах имеет большое значение, и данный фактор следует принимать во внимание при определении того, являлись ли обжалуемые заявителем условия содержания под стражей «унижающими достоинство» с точки зрения статьи 3 Конвенции.

[1] См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 12 (*примеч. редактора*).

[2] См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 10 (*примеч. редактора*).

[3] См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 3 (*примеч. редактора*).

[4] См.: там же. 2015. № 5 (*примеч. редактора*).

105. В значительном количестве дел, когда на заключенного в общей камере приходилось менее 3 кв. м личного пространства, переполненность, по мнению Европейского Суда, была настолько сильной, что она оправдывала вывод о нарушении статьи 3 Конвенции (см. дела, ссылки на которые приведены в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Орховский против Польши», § 122, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации», § 145, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Варга и другие против Венгрии», § 75).

106. В тех случаях, когда на каждого заключенного, по-видимому, приходилось от 3 до 4 кв. м личного пространства, Европейский Суд, рассматривая жалобы на нарушение статьи 3 Конвенции, уделял внимание (не)достаточности остальных аспектов физических условий содержания под стражей. В данных делах он констатировал нарушение статьи 3 Конвенции только тогда, когда к фактору площади добавлялись другие аспекты неудовлетворительных физических условий содержания под стражей, связанные, в том или ином конкретном контексте, с возможностью нахождения на открытом воздухе, доступом дневного света или свежего воздуха, наличием вентиляции, достаточностью отопления, возможностью уединяться при пользовании туалетом и соблюдением элементарных санитарно-гигиенических требований (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Орховский против Польши», § 122, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации», § 149, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Торреджиани и другие против Италии», § 69, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Василеску против Бельгии», § 88, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Варга и другие против Венгрии», § 78, а также, например, Постановление Европейского Суда по делу «Йирсак против Чешской Республики» (Jirsák v. Czech Republic) от 5 апреля 2012 г., жалоба № 8968/08, §§ 64–73 Постановление Европейского Суда по делу «Кулев против Республики Молдова» (Culev v. Moldova) от 17 апреля 2012 г., жалоба № 60179/09, §§ 35–39, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Лонгин против Хорватии», §§ 59–61, и Постановление Европейского Суда по делу «Барило против Украины» (Barilo v. Ukraine) от 16 мая 2013 г., жалоба № 9607/06, §§ 80–83).

107. В упомянутых выше пилотных и ведущих постановлениях Европейский Суд установил для целей своего анализа, что соответствующая минимальная норма площади при содержании в общей камере должна составлять 3 кв. м на человека (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Орховский против Польши», § 123, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации», § 148, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Торреджиани и другие против Италии», § 68, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Василеску против Бельгии», § 88, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Нешков и другие против Болгарии», § 232, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Самарас и другие против Греции», § 58, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Дзамалис и другие против Греции», § 39, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Варга и другие против Венгрии», § 74, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Яков Станчиу против Румынии», § 168, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мандич и Йович против Словении», § 75). Кроме того, в упоминавшемся выше Постановлении по делу «Идалов против Российской Федерации» (§ 101) Большая Палата Европейского Суда, констатировав нарушение статьи 3 Конвенции в связи с неудовлетворительными условиями содержания заявителя под стражей, отметила, помимо прочего, что «условия содержания заявителя под стражей [не удовлетворяли] установленному в прецедентной практике Европейского Суда минимальному требованию, согласно которому на каждого человека должно приходиться не менее 3 кв. м».

108. Однако в небольшой части дел Европейский Суд приходил к выводу, что, если на заключенного приходится менее 4 кв. м личного пространства, это уже будет являться достаточным основанием для вывода о нарушении статьи 3 Конвенции (см., *inter alia*, Постановление Европейского Суда по делу «Котлец против Румынии (№ 2)» (Cotleţ v. Romania) (№ 2) от 1 октября 2013 г., жалоба № 49549/11, §§ 34 и 36, и Постановление Европейского Суда по делу «Апосту против Румынии» (Apostu v. Romania) от 3 февраля 2015 г., жалоба № 22765/12, § 79). Данный стандарт соответствует минимальной норме жилой площади в расчете на одного заключенного в общей камере, разработанной в практике ЕКПП и недавно конкретизированной в его программном документе (см. § 51 настоящего Постановления).

(β) Подход, которому необходимо следовать

109. Европейский Суд напоминает, что, хотя формально он и не связан своими предыдущими постановлениями, в интересах правовой определенности, предсказуемости и равенства всех перед законом ему не следует без достаточных на то

оснований отступать от прецедентов, созданных постановлениями по ранее рассмотренным делам (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кристина Гудвин против Соединенного Королевства» (Christine Goodwin v. United Kingdom), жалоба № 28957/95, § 74, *ECHR* 2002-VI, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скоппола против Италии (№ 2)» (Scoppola v. Italy) (№ 2) от 17 сентября 2009 г., жалоба № 10249/03, § 104, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сабри Гюнеш против Турции» (Sabri Güneş v. Turkey) от 29 июня 2012 г., жалоба № 27396/06, § 50).

110. Европейский Суд не видит оснований, чтобы отступить от своего подхода, принятого в упомянутых выше пилотных постановлениях и ведущих делах, а также в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Идалов против Российской Федерации» (см. § 107 настоящего Постановления). Таким образом, Европейский Суд подтверждает, что при рассмотрении им вопроса о нарушении статьи 3 Конвенции необходимо следовать соответствующей минимальной норме площади, составляющей 3 кв. м на каждого заключенного в общей камере (см. §§ 124–128 настоящего Постановления).

111. Относительно стандартов, разработанных другими международными органами, в частности ЕКПП, Европейский Суд отмечает, что он отказывался считать их решающим доводом при рассмотрении вопроса о нарушении статьи 3 Конвенции (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Орховский против Польши», § 131, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации», §§ 144–145, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Торреджиани и другие против Италии», §§ 68 и 76, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Сулейманович против Италии», § 43, Решение Европейского Суда по делу «Теллисси против Италии» (Tellissi v. Italy) от 5 марта 2013 г., жалоба № 15434/11, § 53, и Постановление Европейского Суда по делу «G.C. против Италии» (G.C. v. Italy) от 22 апреля 2014 г., жалоба № 73869/10, § 81). Это относится и к соответствующим внутригосударственным стандартам: они могут учитываться Европейским Судом при вынесении решения по конкретному делу (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Орховский против Польши», § 123), но не могут считаться определяющими для его вывода о нарушении статьи 3 Конвенции (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Позаич против Хорватии», § 59, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Нешков и другие против Болгарии», § 229).

112. Европейский Суд неохотно отводит стандартам ЕКПП о норме площади, которая должна обеспечиваться заключенным, роль решающего довода при установлении нарушения статьи 3 Конвенции главным образом по той причине, что при обсуждении данного вопроса он обязан принимать во внимание все существенные обстоятельства конкретного рассматриваемого им дела, а такие международные органы, как ЕКПП, разрабатывают общие стандарты, направленные на предотвращение нарушений в будущем (см. § 47 настоящего Постановления, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Трепашкин против Российской Федерации», § 92, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Йирсак против Чешской Республики», § 63). Аналогичным образом внутригосударственные стандарты в рассматриваемой области сильно различаются и задают общие требования к нормальному размещению заключенных в рамках той или иной конкретной пенитенциарной системы (см. §§ 57 и 61 настоящего Постановления).

113. Кроме того, как признал ЕКПП, роль Европейского Суда концептуально отличается от роли, отведенной ЕКПП: в задачи последнего не входит определение того является ли та или иная конкретная ситуация бесчеловечным или унижающим достоинство обращением или наказанием по смыслу статьи 3 Конвенции (см. § 52 настоящего Постановления). Основная цель деятельности ЕКПП заключается в профилактике нарушений, которая по самому своему характеру направлена на обеспечение более высокой степени защиты, чем та, которую практикует Европейский Суд при рассмотрении жалоб на условия содержания под стражей (см. § 47 настоящего Постановления, а также 1-й общий доклад ЕКПП в § 51 настоящего Постановления). В отличие от профилактических функций ЕКПП Европейский Суд отвечает за судебную реализацию в конкретных делах принципа, запрещающего исключение запрета пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, установленного статьей 3 Конвенции (см. § 46 настоящего Постановления). Тем не менее Европейский Суд хочет подчеркнуть, что он по-прежнему внимательно следит за стандартами, которые разрабатывает ЕКПП, и, несмотря на различие в подходах, тщательно их учитывает в делах, где конкретные условия содержания под стражей не соответствуют установленной ЕКПП норме площади в 4 кв.м. на одного заключенного (см. § 106 настоящего Постановления).

114. Наконец, Европейский Суд считает важным пояснить методику расчета минимального размера личного пространства на одного заключенного в общей камере при рассмотрении им вопроса о нарушении статьи 3 Конвенции. Европейский Суд, опираясь на методику, которую использует

ЕКПП в этой области, считает, что в общую площадь камеры не следует включать площадь санузла (см. § 51 настоящего Постановления). С другой стороны, при подсчете площади камеры необходимо учитывать место, занимаемое предметами, которые в ней находятся. При этом важно, есть ли у заключенных возможность свободно передвигаться по камере (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации», §§ 147–148, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Владимир Беляев против Российской Федерации», § 34).

115. Далее Европейский Суд хотел бы отметить, что по вопросу о применении минимальной нормы площади в 3 кв. м на одного заключенного в общей камере в его прецедентной практике, по-видимому, не проводится каких-либо различий между заключенными, отбывающими наказание, и лицами, содержащимися под стражей до суда. Действительно, в пилотном Постановлении по делу «Орховский против Польши» Европейский Суд при рассмотрении вопроса о нарушении статьи 3 Конвенции применил одни и те же стандарты для оценки минимальной площади, приходящейся на лиц, содержащихся в тюрьме и следственном изоляторе (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Орховский против Польши», § 124). Кроме того, одни и те же стандарты применялись в других пилотных постановлениях, касающихся условий содержания подследственных (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации», §§ 143–148) и осужденных заключенных (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Торреджиани и другие против Италии», §§ 65–69). Аналогичный подход использовался и в других ведущих постановлениях Европейского Суда по данному вопросу (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Яков Станчиу против Румынии», §§ 171–179, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мандич и Йович против Словении», §§ 72–76, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Штруцл и другие против Словении», § 80). Более того, те же стандарты применялись в недавних постановлениях, касающихся исправительных колоний в Российской Федерации (см. Постановление Европейского Суда по делу «Бутко против Российской Федерации» (Butko v. Russia) от 12 ноября 2015 г., жалоба № 32036/10[1], § 52, среди более ранних постановлений см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Сергей Бабушкин против Российской Федерации» (Sergey Babushkin v. Russia) от 28 ноября 2013 г., жалоба № 5993/08[2], § 56, и приведенные в нем ссылки).

(ii) Приводит ли размещение заключенного на площади, не соответствующей минимальным требованиям, к возникновению презумпции нарушения статьи 3 Конвенции и вызывает ли оно нарушение статьи 3 Конвенции само по себе

(α) Прецедентная практика по данному вопросу

116. При определении того, было по делу допущено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с острым дефицитом личного пространства в пенитенциарном учреждении или нет, Европейский Суд не всегда был последователен в вопросе о том, приводит ли выделение заключенному менее 3 кв. м личного пространства само по себе к нарушению статьи 3 Конвенции или к возникновению презумпции нарушения этой статьи Конвенции, которая может быть опровергнута другими существенными доводами. В этом отношении можно выделить различные подходы.

117. Во-первых, в ряде дел констатация того факта, что на заключенного приходилось менее 3 кв. м личного пространства, сама по себе приводила к выводу о нарушении статьи 3 Конвенции (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Сулейманович против Италии», § 43, Постановление Европейского Суда по делу «Трепашкин против Российской Федерации (№ 2)» (Trepashkin v. Russia) (№ 2)[3] от 16 декабря 2010 г., жалоба № 14248/05, § 113, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мандич и Йович против Словении», § 80, Постановление Европейского Суда по делу «Лин против Греции» (Lin v. Greece) от 6 ноября 2012 г., жалоба № 58158/10, §§ 53–54, Постановление Европейского Суда по делу «Блеюшка против Румынии» (Blejuşcă v. Romania) от 19 марта 2013 г., жалоба № 7910/10, §§ 43–45, Постановление Европейского Суда по делу «Ивахненко против Российской Федерации» (Ivakhnenko v. Russia) от 4 апреля 2013 г., жалоба № 12622/04, § 35, Постановление Европейского Суда по делу «A.F. против Греции» (A.F. v. Greece) от 13 июня 2013 г., жалоба № 53709/11, §§ 77–78, Постановление Европейского Суда по делу «Канакис против Греции (№ 2)» (Kanakis v. Greece) (№ 2) от 12 декабря 2013 г., жалоба № 40146/11, §§ 106–107, Постановление Европейского Суда по делу «Горбуля против Российской Федерации» (Gorbulya

[1] См.: Российская хроника Европейского Суда. 2016. № 4 (*примеч. редактора*).

[2] См.: там же. 2014. № 4 (*примеч. редактора*).

[3] См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 10 (*примеч. редактора*).

v. Russia) от 6 марта 2014 г., жалоба № 31535/09[1], §§ 64–65, а также Постановление Европейского Суда по делу «Т. и А. против Турции» (T. and A. v. Turkey) от 21 октября 2014 г., жалоба № 47146/11, §§ 96–98).

118. Кроме того, в некоторых делах Европейский Суд приходил к выводу, что ситуации, когда на одного заключенного приходится менее 3 кв. м личного пространства, представляют собой нарушение статьи 3 Конвенции, а затем рассматривал другие условия содержания под стражей только в качестве отягчающих обстоятельств (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Торреджиани и другие против Италии», § 77, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Василеску против Бельгии», §§ 100–104).

119. В основе другого подхода лежит критерий «устойчивой презумпции», сформулированный в упоминавшемся выше пилотном Постановлении Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации». Исходя из тщательного анализа своей предыдущей прецедентной практики по данному вопросу, Европейский Суд в Постановлении по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации» сформулировал следующие критерии переполненности: (1) у каждого содержащегося под стражей лица должно быть индивидуальное спальное место в камере, (2) на каждое содержащееся под стражей лицо должно приходиться не менее 3 кв. м личного пространства, (3) общая площадь камеры должна быть такой, чтобы содержащиеся под стражей лица могли свободно передвигаться между предметами, которые там находятся. Как подчеркнул Европейский Суд, отсутствие любого из вышеперечисленных элементов само по себе приводит к возникновению устойчивой презумпции того, что условия содержания под стражей представляют собой унижающее достоинство обращение и нарушают статью 3 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации», § 148).

120. Аналогично критерию «устойчивой презумпции» в упоминавшемся выше пилотном Постановлении по делу «Орховский против Польши» (§ 123) Европейский Суд особо отметил, что все ситуации, когда заключенный в своей камере лишается минимальной жилой площади в 3 кв. м, будут считаться приводящими к возникновению устойчивой презумпции нарушения статьи 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ольшевский против Польши» (Olszewski v. Poland) от 2 апреля 2013 г., жалоба № 21880/03, § 98). Кроме того, критерий «устойчивой презумпции» был повторен в нескольких упоминавшихся выше пилотных постановлениях о переполненности мест лишения свободы (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Нешков и другие против Болгарии», § 232, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Варга и другие против Венгрии», §§ 74 и 77).

121. Согласно данному подходу нарушение статьи 3 Конвенции констатировалось на основании оценки того, опровергалась ли возникшая в обстоятельствах дела «устойчивая презумпция» нарушения этой статьи Конвенции совокупным воздействием остальных условий содержания под стражей (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Орховский против Польши», § 135, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации», § 166, Постановление Европейского Суда по делу «Линд против Российской Федерации» (Lind v. Russia) от 6 декабря 2007 г., жалоба № 25664/05[2], §§ 59–61, Постановление Европейского Суда по делу «Кокошкина против Российской Федерации» (Kokoshkina v. Russia) от 28 мая 2009 г., жалоба № 2052/08[3], §§ 62–63). Соответственно, во многих делах с разными фактическими обстоятельствами, рассмотренных после вынесения упомянутого выше Постановления Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации», Европейский Суд последовательно учитывал совокупное воздействие условий содержания под стражей, прежде чем сделать окончательный вывод о предполагаемом нарушении статьи 3 Конвенции в связи с переполненностью мест лишения свободы (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Идалов против Российской Федерации», § 101, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Яков Станчиу против Румынии», §§ 176–178, Постановление Европейского Суда по делу «Асянов против Российской Федерации» (Asyanov v. Russia) от 9 октября 2012 г., жалоба № 25462/09[4], § 43, Постановление Европейского Суда по делу «Нецецкий против Греции» (Nieciecki v. Greece) от 4 декабря 2012 г., жалоба № 11677/11, §§ 49–51, Постановление Европейского Суда по делу «Ефименко против Российской Федерации» (Yefimenko v. Russia) от 12 февраля 2013 г., жалоба № 152/04[5], §§ 80–84, Постановление Европейского Суда по делу «Манулин про-

[1] См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 3 (*примеч. редактора*).

[2] См.: Российская хроника Европейского Суда. 2008. № 3 (*примеч. редактора*).

[3] См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 10 (*примеч. редактора*).

[4] См.: там же. 2016. № 1 (примеч. редактора).

[5] См.: там же. 2014. № 1 (примеч. редактора). .

тив Российской Федерации» (Manulin v. Russia) от 11 апреля 2013 г. жалоба № 26676/06[1], §§ 47–48, Постановление Европейского Суда по делу «Шишков против Российской Федерации» (Shishkov v. Russia)[2] от 20 февраля 2014 г., жалоба № 26746/05, §§ 90–94, Постановление Европейского Суда по делу «Булатович против Черногории» (Bulatović v. Montenegro) от 22 июля 2014 г., жалоба № 67320/10, §§ 123–127, Решение Европейского Суда по делу «Томояга против Румынии» (Tomoiagă v. Romania) от 20 января 2015 г., жалоба № 47775/10, §§ 22–23, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Нешков и другие против Болгарии», §§ 246–256, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Варга и другие против Венгрии», § 88, и Постановление Европейского Суда по делу «Мироновас и другие против Литвы» (Mironovas and Others v. Lithuania) от 8 декабря 2015 г., жалобы №№ 40828/12, 29292/12, 69598/12, 40163/13, 66281/13, 70048/13 и 70065/13, §§ 118–123).

(β) Подход, которому надлежит следовать

122. Устраняя вышеуказанные несоответствия, Европейский Суд будет руководствоваться своей устоявшейся прецедентной практикой по статье 3 Конвенции. В связи с этим он напоминает, что согласно этой прецедентной практике определение минимального уровня жестокости, по достижении которого ненадлежащее обращение попадает под действие статьи 3 Конвенции, по самому своему характеру является относительным (см. §§ 97–98 настоящего Постановления). Определение этого минимума, как подчеркивалось начиная с упомянутого выше Постановления Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (§ 162), зависит от всех обстоятельств дела, а именно продолжительности такого обращения, влияния, которое оно оказало на физическое и психическое состояние потерпевшего, а, в некоторых случаях, от пола, возраста и состояния здоровья потерпевшего (см. § 97 настоящего Постановления).

123. Соответственно, при решении вопроса о том, было по делу допущено нарушение статьи 3 Конвенции или нет, Европейский Суд не может ограничиться лишь подсчетом количества квадратных метров на одного заключенного. Кроме того, при данном подходе упускается из виду, что с практической точки зрения точное представление о реальном положении заключенных может дать только всестороннее изучение условий содержания под стражей в каждом конкретном случае (см. §§ 62–63 настоящего Постановления).

124. Тем не менее, рассмотрев свою прецедентную практику, и ввиду того, какое важное значение придается фактору площади при общей оценке условий содержания под стражей, Европейский Суд полагает, что в тех случаях, когда на одного заключенного в общей камере приходится менее 3 кв. м личного пространства, возникает устойчивая презумпция нарушения статьи 3 Конвенции.

125. Такую «устойчивую презумпцию» нужно считать весомым, но не неопровержимым указанием на нарушение статьи 3 Конвенции. Это, в частности, означает, что в обстоятельствах конкретного дела данная презумпция может быть опровергнута совокупным воздействием остальных условий содержания под стражей. Конечно, ее непросто будет опровергнуть в случае явного или продолжительного дефицита личного пространства, когда на заключенного приходится менее 3 кв. м площади. Обстоятельства, в которых данная презумпция может быть опровергнута, будут указаны ниже (см. §§ 130–135 настоящего Постановления).

126. Следовательно, если было убедительно установлено, что на заключенного в общей камере приходилось менее 3 кв. м личного пространства, отправной точкой в анализе Европейского Суда является устойчивая презумпция нарушения статьи 3 Конвенции. Тогда власти государства-ответчика будут должны убедительно доказать наличие факторов, способных в достаточной степени компенсировать дефицит личного пространства. Совокупное воздействие этих условий должно учитываться Европейским Судом при определении того, была ли презумпция нарушения Конвенции опровергнута в обстоятельствах дела или нет.

127. Относительно методики рассмотрения данного вопроса Европейский Суд ссылается на свой устоявшийся стандарт доказывания по делам об условиях содержания под стражей (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации», §§ 121–125). В этом контексте Европейский Суд особенно пристальное внимание обращает на объективные трудности, с которыми сталкиваются заявители при сборе доказательств, подтверждающих их утверждения об условиях содержания под стражей. В подобных делах заявители по-прежнему должны давать подробное и непротиворечивое описание обжалуемых фактов (там же, § 122). В некоторых случаях заявители могут предоставить хотя бы какие-то доказательства для подтверждения обоснованности своих жалоб. Например, Европейский Суд считал доказательствами письменные показания сокамерников и фотографии, предоставленные заявителями в поддержку своих утверждений, если была возможность их сделать (см., например, Решение Европейского Суда по делу «Голубенко против

[1] См.: там же. № 5 (*примеч. редактора*).

[2] См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 2 (*примеч. редактора*).

Украины» (Golubenko v. Ukraine) от 5 ноября 2013 г., жалоба № 36327/06, § 52, и приведенные в нем дела, а также Постановление Европейского Суда по делу «Техрани и другие против Турции» (Tehrani and Others v. Turkey) от 13 апреля 2010 г., жалобы №№ 32940/08, 41626/08 и 43616/08, § 88).

128. Если имеется вызывающее доверие и достаточно подробное описание предположительно унижающих достоинство условий содержания под стражей, *prima facie*[1] указывающих на жестокое обращение, то бремя доказывания переходит на власти государства-ответчика: ведь только они имеют доступ к сведениям, способным подтвердить или опровергнуть эти утверждения. От них требуется, в частности, собрать и предоставить соответствующие документы и дать подробное описание условий содержания заявителя под стражей. Принимая решение по этому вопросу, Европейскому Суду следует также учитывать имеющую отношение к делу информацию об условиях содержания под стражей, поступившую от других международных органов, например, от ЕКПП, а также от компетентных органов власти и организаций соответствующей страны (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации», §§ 122–125, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Нешков и другие против Болгарии», §§ 71–91).

(iii) Факторы, которые могут компенсировать дефицит личного пространства

129. Принимая во внимание вышеизложенное (см. §§ 124–125 настоящего Постановления), Европейский Суд должен определить, какие факторы могут компенсировать дефицит личного пространства у заключенного, а, следовательно, опровергнуть устойчивую презумпцию нарушения статьи 3 Конвенции, возникающую, когда на одного человека в общей камере в местах лишения свободы приходится менее 3 кв. м личного пространства.

130. Прежде всего Европейский Суд с учетом своей прецедентной практики, сформировавшейся после вынесения Постановления по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации», отмечает, что обычно опровергнуть устойчивую презумпцию нарушения статьи 3 Конвенции можно лишь в том случае, если уменьшение необходимой минимальной нормы площади было непродолжительным, эпизодическим и незначительным. Подобная ситуация имела место, например, в деле «Фетисов и другие против Российской Федерации» (упоминавшееся выше, §§ 134–138), где заключенному предоставлялись около 2 кв. м личного пространства в течение 19 дней (упоминавшееся выше, §§ 52–53), или в деле «Владимир Беляев против Российской Федерации» (упоминавшееся выше, §§ 33–36), где на заключенного приходились 2,95 кв. м личного пространства в течение 10 дней, а через какое-то время после этого – 2,65 кв. м в течение двух дней и 2,97 кв. м в течение 26 дней. Кроме того, сославшись на свою прецедентную практику по делам «Фетисов и другие против Российской Федерации» и «Дмитрий Рожин против Российской Федерации», Европейский Суд не усмотрел нарушений статьи 3 Конвенции в деле «Курковский против Польши» (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Курковский против Польши», §§ 66–67), где на заявителя приходилось около 2,1 кв. м личного пространства в течение четырех дней, а потом 2,6 кв. м в течение еще четырех дней.

131. Тем не менее Европейский Суд уже приходил к выводу, что длительность содержания под стражей может иметь значение при определении степени страданий или унижения, которые испытал заключенный из-за неудовлетворительных условий содержания под стражей, однако если срок заключения являлся относительно небольшим, статья 3 Конвенции не перестает распространяться на обжалуемое обращение автоматически, если остальных факторов достаточно для того, чтобы оно подпало под действие этой статьи (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Василеску против Бельгии», § 105, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Нешков и другие против Болгарии», § 249, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Шишанов против Республики Молдова», § 95).

132. Далее Европейский Суд отмечает, что в других делах, касающихся дефицита личного пространства у заключенных, он задавался вопросом о том, сопровождались ли ограничения необходимой нормы площади достаточно большой свободой передвижения и содержательными занятиями вне камеры, а также являлись ли удовлетворительными условия содержания в соответствующем пенитенциарном учреждении в целом (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Самарас и другие против Греции», §§ 63–65, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Дзамалис и другие против Греции», §§ 44–45). В качестве примеров дел, в которых дефицит личного пространства не приводил к нарушению статьи 3 Конвенции, можно назвать Постановление Европейского Суда по делу «Андрей Георгиев против Болгарии» (Andrei Georgiev v. Bulgaria) от 26 июля 2007 г., жалоба № 61507/00, §§ 57–62, Постановление Европейского Суда по делу «Алексов против Болгарии» (Alexov v. Bulgaria) от 22 мая 2008 г., жалоба № 54578/00, § 107–108, а также упоминав-

[1] *Prima facie* (лат.) – на первый взгляд (*примеч. редактора*).

шееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Доленец против Хорватии», §§ 133–136. По мнению Европейского Суда, устойчивая презумпция нарушения статьи 3 Конвенции, возникающая, когда на одного заключенного в общей камере приходится менее 3 кв. м, в обычных обстоятельствах может быть опровергнута только тогда, когда эти требования соблюдаются одновременно, то есть когда непродолжительное, эпизодическое и незначительное уменьшение личного пространства сопровождается достаточно большой свободой передвижения за пределами камеры и содержательными занятиями вне камеры, а условия содержания в соответствующем пенитенциарном учреждении в целом являются удовлетворительными (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Варга и другие против Венгрии», § 77, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мироновас и другие против Литвы», § 122).

133. По вопросу о достаточности свободы передвижения Европейский Суд, в частности, в упоминавшемся выше Постановлении по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации» (§§ 150–152) сослался на стандарты ЕКПП в этой области, согласно которым всем заключенным без исключения необходимо обеспечивать ежедневную прогулку на отрытом воздухе продолжительностью не менее одного часа, предпочтительно в составе более широкой программы занятий вне камеры, учитывая, что прогулочные дворы должны быть достаточно просторными и при наличии возможности обеспечивать укрытие на случай плохой погоды (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Нешков и другие против Болгарии», § 234). Действительно, согласно соответствующим международным стандартам у заключенных должна быть возможность проводить разумную часть дня вне своих камер, участвуя в занятиях различного характера (работа, отдых, обучение). Режим содержания в учреждениях для осужденных заключенных должен быть еще более благоприятным (см. дополнительно §§ 48, 53, 55 и 59 настоящего Постановления).

134. Наконец, в том, что касается общей удовлетворительности условий содержания в пенитенциарном учреждении, Европейский Суд ссылается на общие аспекты содержания под стражей, установленные в его прецедентной практике (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации», §§ 153–159, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Нешков и другие против Болгарии», §§ 237–244, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Яков Станчиу против Румынии», §§ 173–179, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Варга и другие против Венгрии», §§ 80–92), и на соответствующие международные стандарты (см. §§ 48, 53, 55, 59 и 63–64 настоящего Постановления). Соответственно, в дополнение к достаточно большой свободе передвижения и содержательным занятиям вне камеры не будет установлено нарушения статьи 3 Конвенции при отсутствии других отягчающих обстоятельств, связанных с общими условиями содержания заявителя под стражей (см., например, подход, принятый в Постановлении Европейского Суда по делу «Алвер против Эстонии» (Alver v. Estonia) от 8 ноября 2005 г., жалоба № 64812/01, § 53, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Андрей Георгиев против Болгарии», § 61, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Доленец против Хорватии», § 134).

135. Из вышеизложенного следует, что, решая, какие меры по компенсации дефицита личного пространства, если на каждого заключенного в общей камере приходится менее 3 кв. м личного пространства, способны опровергнуть устойчивую презумпцию нарушения статьи 3 Конвенции, Европейский Суд будет принимать во внимание такие факторы, как продолжительность и содержание соответствующих ограничений, свободу передвижения и достаточность занятий вне камеры, а также общую удовлетворительность условий содержания в пенитенциарном учреждении.

(c) Краткое изложение принципов и стандартов для оценки переполненности мест лишения свободы

136. С учетом вышеприведенных доводов Европейский Суд подтверждает преобладающую в его прецедентной практике норму площади, составляющую 3 кв. м на одного заключенного в общей камере, как минимальное требование статьи 3 Конвенции.

137. Когда в местах лишения свободы на одного заключенного в общей камере приходится менее 3 кв. м. дефицит личного пространства считается настолько серьезным, что возникает устойчивая презумпция нарушения статьи 3 Конвенции. Бремя доказывания лежит на властях государства-ответчика, которые, однако, могут опровергнуть эту презумпцию, доказав наличие факторов, способных в достаточной степени компенсировать дефицит личного пространства (см. §§ 126–128 настоящего Постановления).

138. В обычных обстоятельствах устойчивая презумпция нарушения статьи 3 Конвенции может быть опровергнута лишь при одновременном существовании следующих факторов:

1) уменьшение необходимой минимальной нормы площади, составляющей 3 кв. м на одного человека, является непродолжительным, эпизодическим и незначительным (см. § 130 настоящего Постановления);

2) оно сопровождается достаточно большой свободой передвижения за пределами камеры и содержательными занятиями вне камеры (см. § 133 настоящего Постановления);

3) общие условия содержания заявителя в соответствующем пенитенциарном учреждении в целом являются удовлетворительными, и в условиях содержания его под стражей нет других отягчающих обстоятельств (см. § 134 настоящего Постановления).

139. Когда на одного заключенного в камере приходится от 3 до 4 кв. м личного пространства, это по-прежнему имеет важное значение при определении Европейским Судом удовлетворительности условий содержания под стражей. В таких случаях нарушение статьи 3 Конвенции будет установлено, если нехватка площади сопровождается иными неудовлетворительными физическими условиями содержания под стражей, в частности, в том, что касается возможности прогулок, доступа дневного света или свежего воздуха, наличия вентиляции, надлежащей температуры в камере, возможности уединяться при пользовании туалетом и соблюдения элементарных санитарно-гигиенических требований (см. § 106 настоящего Постановления).

140. Кроме того, Европейский Суд подчеркивает, что в случаях, когда в пенитенциарном учреждении на одного заключенного в общей камере приходится более 4 кв. м личного пространства, а значит, вопроса о дефиците личного пространства не возникает, при определении Европейским Судом удовлетворительности условий содержания заявителя под стражей с точки зрения статьи 3 Конвенции по-прежнему имеют значение другие вышеуказанные аспекты физических условий содержания под стражей (см. §§ 48, 53, 55, 59 и 63–64 настоящего Постановления) (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Стори и другие против Мальты» (Story and Others v. Malta) от 29 октября 2015 г., жалобы №№ 56854/13, 57005/13 и 57043/13, §§ 112–113).

141. Наконец, Европейский Суд особо отмечает важность профилактических задач ЕКПП при осуществлении контроля за условиями содержания под стражей и стандартов, которые ЕКПП в связи с этим разрабатывает. Европейский Суд напоминает, что при разрешении жалоб на условия содержания под стражей он по-прежнему внимательно следит за этими стандартами и за тем, как их соблюдают государства-участники (см. § 113 настоящего Постановления).

3. Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

142. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что в нескольких делах по жалобам против Хорватии, касающихся проблемы переполненности мест лишения свободы, он устанавливал нарушение статьи 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ценбауэр против Хорватии» (Cenbauer v. Croatia), жалоба № 73786/01, *ECHR* 2006-III, Постановление Европейского Суда по делу «Теста против Хорватии» (Testa v. Croatia) от 12 июля 2007 г., жалоба № 20877/04, Постановление Европейского Суда по делу «Штитич против Хорватии» (Štitić v. Croatia) от 8 ноября 2007 г., жалоба № 29660/03, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Доленец против Хорватии», упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Лонгин против Хорватии», а также Постановление Европейского Суда по делу «Лонич против Хорватии» (Lonić v. Croatia) от 4 декабря 2014 г., жалоба № 8067/12). Однако до сих пор Европейский Суд не приходил к выводу, что условия содержания под стражей в Хорватии указывают на структурную проблему с точки зрения статьи 3 Конвенции (примеры противоположной позиции приводятся в §§ 94–95 настоящего Постановления). Кроме того, ни в одном из указанных выше дел речь не шла об условиях содержания в Бьеловарской тюрьме, которые обжалует заявитель по настоящему делу. По поводу условий содержания в Бьеловарской тюрьме Европейский Суд пока что рассмотрел только одно дело, где он не установил нарушения статьи 3 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Позаич против Хорватии»).

143. В настоящем деле не поднимается структурная проблема, касающаяся условий содержания под стражей в Хорватии. Задача Европейского Суда заключается в том, чтобы рассмотреть конкретную жалобу заявителя на переполненность Бьеловарской тюрьмы, где он отбывал наказание с 16 октября 2009 г. по 16 марта 2011 г. (см. Постановление Европейского Суда по делу «Полуфакин и Чернышев против Российской Федерации» (Polufakin and Chernyshev v. Russia) от 25 сентября 2008 г., жалоба № 30997/02[1], §§ 155–156).

144. Заявитель, в частности, жаловался на то, что в течение нескольких не идущих подряд периодов времени общей продолжительностью 50 дней, в том числе один раз 27 дней подряд, на него приходились менее 3 кв. м личного пространства и что в течение нескольких не идущих подряд периодов времени ему предоставлялись от 3 до 4 кв. м личного пространства (см. § 15 настоящего Постановления).

145. С учетом сформулированного выше критерия оценки (см. §§ 136–139 настоящего Постановления) Европейский Суд отдельно рассмотрит жалобы заявителя на период времени, когда в Бьеловарской тюрьме ему предоставлялось менее 3 кв. м площади, и на период времени, когда он был обеспечен от 3 до 4 кв. м личного пространства.

[1] См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 7 (*примеч. редактора*).

(a) Период времени, когда на заявителя приходилось менее 3 кв. м

(i) Возникает ли в настоящем деле устойчивая презумпция нарушения статьи 3 Конвенции

146. Европейский Суд отмечает, что конкретные данные о том, какая площадь обеспечивалась заявителю в камере, основываются на документах, предоставленных властями государства-ответчика, которые заявитель не оспаривал (см. § 17 настоящего Постановления). В частности, в Бьеловарской тюрьме, где он провел один год и пять месяцев (см. §§ 13–14 настоящего Постановления), заявитель содержался в четырех камерах, где ему предоставлялось от 3 до 6,76 кв. м личного пространства. На него приходилось на 0,45–0,38 кв. м, то есть менее 3 кв. м личного пространства только в следующие непоследовательные периоды времени: 21 апреля 2010 г. (в течение одного дня – 2,62 кв. м), с 3 по 5 июля 2010 г. (в течение трех дней – 2,62 кв. м), с 18 июля по 13 августа 2010 г. (в течение 27 дней – 2,62 кв. м), с 31 августа по 2 сентября 2010 г. (в течение трех дней – 2,55 кв. м), с 19 по 26 ноября 2010 г. (в течение восьми дней – 2,55 кв. м), с 10 по 12 декабря 2010 г. (в течение трех дней – 2,62 в. м), с 22 по 24 декабря 2010 г. (в течение трех дней – 2,62 кв. м), и с 24 по 25 февраля 2011 г. (в течение двух дней – 2,62 кв. м).

147. Кроме того, в определенные периоды минимальная требуемая площадь (3 кв. м) уменьшалась на 0,08, 0,04 и 0,01 кв. м (см. § 17 настоящего Постановления). Несмотря на то, что эти эпизоды несопоставимы по степени серьезности и характеру с теми, о которых говорилось выше, в частности, из-за того, что некоторые из них сложно доказать и дифференцировать с точки зрения площади, а значит, они не имеют решающего значения для разрешения рассматриваемого дела, Европейский Суд полагает, что их нельзя игнорировать, давая общую оценку условиям содержания заявителя в Бьеловарской тюрьме.

148. С учетом этих выводов и принципов, сформулированных по данному вопросу в его прецедентной практике (см. § 137 настоящего Постановления), Европейский Суд считает, что в настоящем деле возникает устойчивая презумпция нарушения статьи 3 Конвенции. Соответственно, необходимо выяснить, имелись ли факторы, способные опровергнуть эту презумпцию.

(ii) Имелись ли факторы, способные опровергнуть устойчивую презумпцию нарушения статьи 3 Конвенции

149. Европейский Суд отмечает, что периоды, когда на заявителя приходилось менее 3 кв. м личного пространства, продолжались сравнительно недолго. Так, в течение одного дня на него приходилось 2,62 кв. м личного пространства, двух дней – 2,62 кв. м, восьми дней – 2,55 кв. м, три раза в течение трех дней – 2,62 кв. м, и один раз в течение трех дней – 2,55 кв. м. Вместе с тем Европейский Суд отмечает, что 27 дней (с 18 июля по 13 августа 2010 г.) заявителю полагались 2,62 кв. м личного пространства (см. § 146 настоящего Постановления).

150. При таких обстоятельствах, разделяя обеспокоенность Палаты Европейского Суда по поводу периода продолжительностью 27 дней, Большая Палата прежде всего установит, можно ли считать его непродолжительным и незначительным уменьшением необходимой нормы площади.

(α) Период времени продолжительностью 27 дней

151. В этой связи Европейский Суд отмечает, что в сравнительно схожем деле «Владимир Беляев против Российской Федерации», в котором шла речь о нескольких непоследовательных периодах времени, когда на заявителя приходились менее 3 кв. м, самый длинный из этих периодов продолжался 26 дней, в течение которых на заявителя предоставлялись 2,97 кв. м личного пространства (см. § 130 настоящего Постановления). Однако в настоящем деле на заявителя приходилось 2,62 кв. м личного пространства в течение 27 дней (см. § 146 настоящего Постановления).

152. Этих обстоятельств достаточно, чтобы Европейский Суд пришел к выводу, что период продолжительностью 27 дней, когда заявителю предоставлялись только 2,62 кв. м личного пространства, не может поставить под сомнение устойчивую презумпцию нарушения статьи 3 Конвенции.

153. Соответственно, Европейский Суд полагает, что в течение 27 дней, когда на заявителя в Бьеловарской тюрьме приходились менее 3 кв. м, условия содержания его под стражей причинили ему лишения, превышающие неизбежный уровень страданий заключенного под стражу лица, а значит, представляли собой унижающее достоинство обращение, запрещенное статьей 3 Конвенции.

(β) Иные периоды времени

154. Остальные периоды времени продолжались недолго, а значит, применительно к ним устойчивая презумпция нарушения статьи 3 Конвенции может быть опровергнута по иным основаниям. Следовательно, в этом контексте Европейский Суд должен принять во внимание прочие имеющие значение факторы, в частности, в том, что касается достаточно большой свободы передвижения, занятий вне камеры и общих условий содержания заявителя под стражей (см. §§ 137–138 настоящего

Постановления). Бремя доказывания наличия данных факторов лежит на властях государства-ответчика.

155. Что касается свободы передвижения и занятий вне камеры, Европейский Суд принимает к сведению информацию властей государства-ответчика относительно возможностей, которые есть у заключенных в Бьеловарской тюрьме. Власти Хорватии пояснили, что по утрам и после обеда заключенным разрешается свободно передвигаться за пределами своих камер и пользоваться объектами инфраструктуры Бьеловарской тюрьмы в корпусах и на улице. В частности, им обеспечивается прогулка продолжительностью два часа, а также беспрепятственное передвижение по тюрьме за пределами камер с 16.00 до 19.00. Кроме того, власти государства-ответчика подробно пояснили распорядок дня заключенных и привел описание имеющихся в Бьеловарской тюрьме объектов инфраструктуры (см. §§ 19–20 настоящего Постановления).

156. В подтверждение своих доводов власти Хорватии предоставили фотографии, поэтажные планы и другие соответствующие документы относительно имеющихся в Бьеловарской тюрьме объектов инфраструктуры (см. § 21 настоящего Постановления). В частности, некоторые фотографии были сделаны в 2007, 2010 и 2011 годах после ремонта тюрьмы и ее посещениями различными официальными лицами. На них изображены внутренняя обстановка Бьеловарской тюрьмы, прогулочный двор, камеры и санузлы в них. Эти фотографии соответствуют описанию имеющихся у заключенных возможностей, которое дало государство-ответчик. Кроме того, власти государства-ответчика предоставили документы относительно имеющихся у заключенных Бьеловарской тюрьмы возможностей по проведению свободного времени, которые также подтверждают утверждения, сделанные в их представлениях (см. в качестве примера противоположной ситуации упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Орховский против Польши», §§ 125 и 129).

157. Заявитель, со своей стороны, оспаривал доводы властей государства-ответчика лишь в очень общем плане, настаивая на том, что у него не было возможности работать. В то же время он не предоставил подробного описания, опровергающего доводы государства-ответчика о возможности прогулок и других сведений о режиме содержания заключенных в Бьеловарской тюрьме (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Голубенко против Украины», § 61). Заявитель признал, что в течение трех часов в день он мог передвигаться вне своей камеры, но утверждал, что объектов инфраструктуры на открытом воздухе было недостаточно, в частности, что в тюрьме был лишь прогулочный двор (см. § 16 настоящего Постановления).

158. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что представления властей государства-ответчика очень подробны и соответствуют позиции, которую они заняли в деле «Позаич против Хорватии» по поводу возможностей, имевшихся у заключенных той же тюрьмы в тот же период времени (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Позаич против Хорватии, §§ 15 и 60, см. в качестве примера противоположной упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Идалов против Российской Федерации», § 99). Кроме того, в деле нет указаний на то, что соответствующие материалы, предоставленные властями государства-ответчика, были подготовлены после того, как им была коммуницирована жалоба заявителя. Следовательно, у Европейского Суда нет оснований сомневаться в достоверности, объективности и уместности этих материалов (см. Постановление Европейского Суда по делу «Сергей Чеботарев против Российской Федерации» (Sergey Chebotarev v. Russia) от 7 мая 2014 г., жалоба № 61510/09[1], §§ 40–41).

159. С другой стороны, в отсутствие подробных представлений заявителя о его повседневных занятиях в Бьеловарской тюрьме и с учетом материалов, предоставленных по этому вопросу властями государства-ответчика, Европейский Суд не может признать утверждения заявителя достаточно установленными и заслуживающими доверия (см. Постановление Европейского Суда по делу «Илдани против Грузии» (Ildani v. Georgia) от 23 апреля 2013 г., жалоба № 65391/09, § 27). Кроме того, Европейский Суд придает особое значение тому факту, что заявитель не подал в органы власти Хорватии ни одной жалобы на конкретные аспекты содержания его под стражей, в частности, на недостаточную продолжительность прогулок или недостаток времени, в течение которого он мог свободно передвигаться по тюрьме.

160. С учетом вышеизложенного задача Европейского Суда в настоящем деле заключается в том, чтобы выяснить, можно ли на основании предоставленных ему материалов утверждать, что заявителю была обеспечена достаточная свобода передвижения и полезные занятия вне камеры, которые могли смягчить неудобства, вызванные дефицитом личного пространства.

161. В связи с этим Европейский Суд отмечает, что обычный повседневный режим содержания в Бьеловарской тюрьме обеспечивал заявителю возможность прогулки продолжительностью два часа, а это соответствует стандартам, предусмотренным законодательством Хорватии (см. пункты 1 и 9 статьи 14 Закона «Об исполнении наказаний в виде лишения свободы» в § 43 настоя-

[1] См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 11 (*примеч. редактора*).

щего Постановления), и упомянутым выше минимальным стандартам, установленным ЕКПП (см. § 53 настоящего Постановления). На имеющихся в распоряжении Европейского Суда фотографиях изображен прогулочный двор, имеющий, согласно доводам властей государства-ответчика, которые заявитель не оспаривал, площадь которого составляла 305 кв. м. В прогулочном дворе были газон и асфальтированные дорожки, а также укрытие на случай плохой погоды и различные места для проведения свободного времени, в частности, спортивный зал, баскетбольная площадка и теннисный стол.

162. Заявитель также не оспаривал, что ему разрешалось свободно передвигаться по тюрьме за пределами своей камеры в течение трех часов в день. Принимая во внимание прогулку продолжительностью два часа, а также время для завтрака, обеда и ужина, нельзя сказать, что в течение значительной части дня заявителя заставляли оставаться в камере без каких-либо полезных занятий, тем более что в Бьеловарской тюрьме есть такие виды досуга, как возможность смотреть телевизор или брать книги в местной библиотеке. Об этом свидетельствуют материалы, имеющиеся в распоряжении Европейского Суда (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Валашинас против Литвы», § 111).

163. При таких обстоятельствах Европейский Суд полагает, что, даже если учесть, что у заявителя не было возможности получить работу не только вследствие ее объективного отсутствия (см. § 20 настоящего Постановления), но и, по-видимому, из-за его плохого поведения в прошлом (см. § 13 настоящего Постановления), возможность свободно передвигаться вне камеры и объекты инфраструктуры, которыми заявитель мог пользоваться в Бьеловарской тюрьме, можно считать обстоятельствами, в достаточной степени смягчающими дефицит личного пространства.

164. Остается определить, являлись ли удовлетворительными общие условия содержания заявителя в Бьеловарской тюрьме (см. §§ 134 и 138 настоящего Постановления). По мнению Европейского Суда, вышеизложенные соображения, касающиеся имеющихся в его распоряжении материалов, относятся и к общим условиям содержания заявителя под стражей. В частности, подробные представления властей государства-ответчика подтверждаются соответствующими доказательствами (см. § 21 настоящего Постановления) и выводами, к которым пришли в деле заявителя компетентные органы власти Хорватии, в частности, компетентные судебные органы, Департамент пенитенциарных учреждений Министерства юстиции и Уполномоченный по правам человека (см. §§ 25, 28, 30 и 38 настоящего Постановления). В этом контексте Европейский Суд отмечает, что у него нет оснований ставить под сомнение выводы компетентных органов власти Хорватии. Он также придает особое значение тому, что в своей жалобе в Конституционный суд Хорватии заявитель не только не обосновал, но даже и не выдвигал утверждений о неудовлетворительных гигиенических условиях в камерах и плохом качестве питании или недостаточности возможностей для отдыха и образования.

165. Кроме того, доводы заявителя об общих условиях содержания его под стражей являются непоследовательными и противоречат имеющимся доказательствам. Так, в одном месте он утверждал, что количество мебели в камерах, где он содержался, не соответствовало количеству находившихся там заключенных (см. § 16 настоящего Постановления), тогда как в других местах, стремясь доказать, что свобода передвижения по камере была недостаточной, заявитель настаивал, что он не мог нормально передвигаться из-за предметов мебели, имеющихся у каждого заключенного (см. § 80 настоящего Постановления), что противоречит его же собственным доводам. Кроме того, заявитель утверждал, что санузлы находились в том же помещении, что и жилая зона, от которой они не были полностью отделены (см. § 16 настоящего Постановления), хотя фотографии и поэтажные планы тюрьмы, датированные еще 1993 годом, достоверность и актуальность которых по делу не оспаривается, доказывают, что санузлы в Бьеловарской тюрьме полностью отделены от остальной части камер.

166. Аналогичным образом Европейский Суд отмечает, что из имеющихся в его распоряжении материалов следует, что подаваемую заключенным пищу регулярно проверял тюремный врач и компетентные органы власти и что заключенным обеспечивалось ежедневное трехразовое питание, и судя по меню, предоставленному властями государства-ответчика, оно не производит впечатления некачественного или недостаточного (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Алексов против Болгарии», § 106, а в качестве примера противоположной ситуации Постановление Европейского Суда по делу «Кадикис против Латвии (№ 2)» (Kadiķis v. Latvia) (№ 2) от 4 мая 2006 г., жалоба № 62393/00, § 55, где заключенные получали пищу только один раз в день). Более того, заключенные могли беспрепятственно пользоваться санузлами, и отсутствовали какие-либо проблемы с поступлением в камеру дневного света и свежего воздуха.

167. Кроме того, из имеющихся материалов следует, что у заключенных была возможность мыться три раза в неделю (см. § 26 настоящего Постановления, см. также § 55 настоящего Постановления и правило 19.4 Европейских пенитенциарных правил, а в качестве примера другой ситуации см. Постановление Европейского Суда

по делу «Шилбергс против Российской Федерации» (Shilbergs v. Russia) от 17 декабря 1999 г., жалоба № 20075/03[1], § 97, когда заявитель имел возможность мыться не чаще одного раза в 10 дней). Объекты инфраструктуры в Бьеловарской тюрьме постоянно ремонтировались и содержались в хорошем состоянии, в том числе до и во время нахождения там заявителя (см. §§ 18 и 38 настоящего Постановления). В связи с этим Европейский Суд принимает во внимание фотографии, достоверность которых не оспаривается, где запечатлена внутренняя обстановка Бьеловарской тюрьмы, прогулочный двор, камеры и санузлы в камерах. Создается впечатление, что они содержатся в чистоте и в хорошем состоянии (в качестве примера противоположной ситуации см., например, постановление Европейского Суда по делу «Зуев против Российской Федерации» (Zuyev v. Russia) от 19 февраля 2013 г., жалоба № 16262/05[2], § 59), а это опять же соответствует описанию имеющихся у заключенных объектов инфраструктуры, данному властями государства-ответчика.

168. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд полагает, что общие условия содержания заявителя в Бьеловарской тюрьме являлись удовлетворительными.

169. При таких обстоятельствах, говоря о других периодах, когда на заявителя приходилось менее 3 кв. м личного пространства, Европейский Суд приходит к выводу, что власти государства-ответчика опровергли устойчивую презумпцию нарушения статьи 3 Конвенции. Эти не идущие подряд периоды времени можно считать непродолжительным и незначительным ограничением личного пространства, при этом заявителю обеспечивались достаточно большая свобода передвижения и содержательные занятия вне камеры. Кроме того, условия его содержания в соответствующем пенитенциарном учреждении в целом являлись удовлетворительными.

170. Следовательно, по мнению Европейского Суда, даже с учетом того, что условия содержания заявителя под стражей не в полной мере отвечали требованиям к минимальной норме площади, нельзя сказать, что они достигли уровня жестокости, необходимого для того, чтобы считаться бесчеловечным или унижающим достоинство обращением по смыслу статьи 3 Конвенции. Данный вывод не меняется из-за того, что законодательство Хорватии требует обеспечивать каждому заключенному не менее 4 кв. м. Этот фактор, как уже говорилось выше, может учитываться Европейским Судом при вынесении решения, но не может считаться решающим доводом при рассмотрении сложившейся ситуации с точки зрения статьи 3 Конвенции (см. § 111 настоящего Постановления). Это особенно справедливо в контексте правовой системы Хорватии, учитывая, что Конституционный суд страны, определяя минимальную норму площади в расчете на одного заключенного, сослался на минимальные требования, установленные Европейским Судом в упоминавшемся выше Постановлении по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации», согласно которым эта норма составляет не менее 3 кв. м на человека (см. § 45 настоящего Постановления).

171. С учетом изложенного Европейский Суд полагает, что условия содержания заявителя под стражей в остальные периоды, когда у него было менее 3 кв. м личного пространства, не являлись унижающим достоинство обращением, запрещенным статьей 3 Конвенции.

(γ) Вывод

172. Европейский Суд приходит к выводу, что в отношении периода продолжительностью 27 дней (с 18 июля по 13 августа 2010 г.), когда на заявителя приходилось менее 3 кв. м личного пространства, по делу было допущено нарушение статьи 3 Конвенции (см. § 153 настоящего Постановления).

173. В то же время в отношении остальных периодов, когда на заявителя приходилось менее 3 кв. м личного пространства, Европейский Суд считает, что по делу не было допущено нарушений статьи 3 Конвенции (см. § 171 настоящего Постановления).

(b) Периоды времени, когда на заявителя приходилось от 3 до 4 кв. м

174. Поскольку заявитель жаловался еще и на периоды содержания под стражей, когда на него приходилось более 3 кв. м, но менее 4 кв. м личного пространства, применительно к которым фактор площади по-прежнему играет важную роль в рассуждениях Европейского Суда (см. § 139 настоящего Постановления), остается установить, соответствовало ли обжалуемое ограничение личного пространства требованиям статьи 3 Конвенции.

175. Европейский Суд отмечает, что из имеющихся в его распоряжении об условиях содержания заявителя в Бьеловарской тюрьме, которые стороны не оспаривали, следует, что в течение нескольких не идущих подряд периодов времени на него приходилось от 3 до 4 кв. м личного пространства, точнее, от 3,38 до 3,56 кв. м (см. § 17 настоящего Постановления).

176. С учетом вышеизложенных соображений, касающихся остальных периодов, когда на заявителя приходилось менее 3 кв. м (см. §§ 154–171 настоящего Постановления), Европейский Суд приходит к выводу, что условия его содержания под стражей в те периоды, когда на него приходилось от 3 до

[1] См.: Российская хроника Европейского Суда. 2010. № 3 (*примеч. редактора*).

[2] См.: там же. 2014. № 1 (*примеч. редактора*).

4 кв. м личного пространства, нельзя считать бесчеловечным или унижающим достоинство обращением по смыслу статьи 3 Конвенции.

177. Таким образом, Европейский Суд приходит к выводу, что в связи с этим по делу не было допущено нарушений статьи 3 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

178. Статья 41 Конвенции гласит:

> «Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. УЩЕРБ

179. Заявитель требовал выплаты 30 000 евро плюс сумму любых налогов, которые могут подлежать уплате с этой суммы, в качестве компенсации морального вреда.

180. Власти государства-ответчика считали требования заявителя чрезмерными и необоснованными.

181. Европейский Суд считает, что страдания, причиненные человеку, которого содержали под стражей в таких неудовлетворительных условиях, что они являлись бесчеловечным или унижающим достоинство обращением по смыслу статьи 3 Конвенции, нельзя компенсировать одним лишь выводом о нарушении Конвенции, в подобных случаях необходимо присуждать справедливую компенсацию (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Нешков и другие против Болгарии», § 299). Анализируя требования заявителя, Европейский Суд считает, что при определении размера компенсации морального вреда важное значение имеет продолжительность содержания под стражей в неудовлетворительных условиях (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации», § 172, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Торреджиани и другие против Италии», § 105, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Василеску против Бельгии», § 132). Однако Европейский Суд отмечает и определенные несомненные усилия властей Хорватии по смягчению проблемы переполненности Бьеловарской тюрьмы, которые следует принимать во внимание при определении размера справедливой компенсации (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Самарас и другие против Греции», § 63, *in fine*, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Сергей Бабушкин против Российской Федерации», § 51). Производя оценку обстоятельств дела на основе принципа справедливости и принимая во внимание, что нарушение статьи 3 Конвенции было установлено в отношении периода времени продолжительностью 27 дней, когда на заявителя приходилось менее 3 кв. м личного пространства (см. § 172 настоящего Постановления), Европейский Суд присуждает заявителю в качестве компенсации морального вреда 1 000 евро плюс сумму любых налогов, которую он должен будет уплатить с указанной суммы.

B. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

182. Заявитель требовал выплаты 5025 евро плюс сумму любых налогов, которые могут подлежать уплате с указанной суммы, в качестве возмещения судебных расходов и издержек, понесенных им в связи с рассмотрением дела властями Хорватии и Европейским Судом.

183. Власти государства-ответчика считали требования заявителя чрезмерными и необоснованными.

184. Согласно правоприменительной практике Европейского Суда заявитель имеет право на компенсацию судебных расходов и издержек, только если доказано, что они были понесены в действительности и по необходимости и являлись разумными по количеству. Принимая во внимание находящиеся в его распоряжении документы и вышеупомянутый критерий, а также сумму, на получение которой вправе рассчитывать адвокат заявителя за оказанную по делу юридическую помощь (1 933,50 евро), Европейский Суд считает разумным присудить заявителю 3 091,50 евро в качестве возмещения судебных расходов и издержек, понесенных в связи с рассмотрением дела властями Хорватии и Европейским Судом, плюс сумму любых налогов, которые заявитель должен будет уплатить с указанной суммы.

C. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

185. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд:

1) *отклонил* единогласно предварительное возражение государства-ответчика о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты;

2) *постановил* единогласно, что в отношении периода с 18 июля по 13 августа 2010 г., когда на заявителя в Бьеловарской тюрьме приходилось

менее 3 кв. м личного пространства, по делу было допущено нарушение статьи 3 Конвенции;

3) *постановил* 10 голосами «за» при семи – «против», что в отношении остальных не идущих подряд периодов, когда на заявителя приходилось менее 3 кв. м личного пространства, по делу не было допущено нарушения статьи 3 Конвенции;

4) *постановил* 13 голосами «за» при четырех – «против», что в отношении периодов, когда на заявителя в Бьеловарской тюрьме приходилось от 3 до 4 кв. м личного пространства, по делу не было допущено нарушения статьи 3 Конвенции;

5) *постановил* единогласно, что:

(a) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы, подлежащие переводу в хорватские куны по курсу обмена валюты, применимому на день выплаты:

(i) 1 000 евро (одну тысячу евро) плюс сумму любых налогов, которые могут подлежать уплате с указанной суммы, в качестве компенсации морального вреда;

(ii) 3 091 евро 50 центов (три тысячи девяносто один евро пятьдесят центов) плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

(b) по истечении указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на указанные суммы должны начисляться простые проценты в размере предельной годовой кредитной ставки Европейского центрального банка, действующей в период невыплаты, плюс три процента;

6) *отклонил* 12 голосами «за» при пяти – «против» оставшиеся требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском и на французском языках, вынесено во время публичных слушаний во Дворце прав человека (г. Страсбург) 20 октября 2016 г.

Родерик ЛИДДЕЛЛ	Гвидо РАЙМОНДИ
Секретарь-Канцлер	Председатель
Суда	Большой Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие отдельные мнения:

(a) совместное частично особое мнение судей Андраша Шайо, Луиса Лопеса Герра и Кшиштофа Войтычека;

(b) совместное частично особое мнение судей Мирьяны Лазаровой Трайковской, Винсента А. де Гаэтано и Йонко Грозева;

(c) частично особое мнение судьи Паулу Пинту де Альбукерке.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ АНДРАША ШАЙО, ЛУИСА ЛОПЕСА ГЕРРА И КШИШТОФА ВОЙТЫЧЕКА

1. При всем уважении мы не согласны с большинством судей в настоящем деле, поскольку считаем, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в отношении как не идущих подряд периодов, когда на заявителя приходилось менее 3 кв. м личного пространства, так и периодов, когда на него приходилось от 3 до 4 кв. м личного пространства.

2. Методы толкования и применения статьи 3 Конвенции могут отличаться в зависимости от типа дел, которые рассматриваются с точки зрения этой статьи. В некоторых случаях может возникнуть необходимость уточнить значение используемых в ней слов. В делах о переполненности мест лишения свободы сложность заключается не в открытом характере ее формулировок – в контексте оценки условий содержания под стражей эти формулировки, по-видимому, являются достаточно ясными. Основная трудность связана с установлением и анализом определенных фактов, которые в подобных делах имеют решающее значение, в частности, при определении того, как влияет наличие (или отсутствие) личного пространства определенной площади на заключенного и его психику.

3. Мы согласны с общим подходом, принятым большинством судей при анализе условий содержания в местах лишения свободы и, в частности, с основными соображениями, содержащимися в §§ 96–101 настоящего Постановления. Большинство судей справедливо указало на сложности установления однозначного количественного стандарта для анализа условий содержания в пенитенциарных учреждениях с точки зрения статьи 3 Конвенции. В то же время, бесспорно, что по соображениям практического характера нельзя избежать установления четкой числовой нормы в качестве отправной точки при анализе условий содержания в тюрьмах. Мы также согласны с тем, что, если имеющееся у заключенного личное пространство не соответствует определенной заранее установленной норме площади, возникает устойчивая презумпция нарушения статьи 3 Конвенции. Мы не спорим, что государство-ответчик может опровергнуть данную презумпцию, если оно докажет, что имели место факторы, способные в достаточной степени компенсировать дефицит личного пространства.

Однако мы расходимся с большинством судей по двум важным вопросам:

(i) выбор конкретного количественного значения нормы площади, и

(ii) устойчивость презумпции, возникающей при несоблюдении этой нормы.

Первый вопрос мы подробно обсудим ниже. По второму мы хотели бы подчеркнуть, что, на наш

взгляд, презумпция нарушения статьи 3 Конвенции является особенно устойчивой и может быть опровергнута лишь в исключительных обстоятельствах.

4. При анализе условий содержания в пенитенциарных учреждениях большинство судей приняло за точку отсчета норму площади, составляющую 3 кв. м на одного заключенного в общей камере. На наш взгляд, эта норма не является удовлетворительной и приводит к одобрению недопустимых условий содержания в местах лишения свободы. Она недостаточно полно учитывает тюремные реалии. На практике норма в 3 кв. м на заключенного означает, что лица, содержащиеся в местах лишения свободы, постоянно нарушают личную дистанцию и нередко вторгаются в так называемую интимную зону. Многочисленные исследования показывают, что такая небольшая дистанция негативно сказывается на психике заключенных. Те, кто, возможно, в этом усомнится, легко могут попробовать на себе качество жизни на 3 кв. м площади. Переполненность мест лишения свободы приводит не только к сильным психологическим страданиям, но и компрометирует цели наказания, делая все усилия по реинтеграции заключенного в общество намного менее эффективными. В этих обстоятельствах жизнь в пенитенциарном учреждении лишается всякого смысла. Достаточность места в пенитенциарном учреждении – это одна из предпосылок успешной реинтеграции в общество. Реинтеграция в общество заключенных, живущих на 3 кв. м или на меньшей площади, не может быть эффективна.

5. Проблема дефицита места в пенитенциарных учреждениях затрагивалась несколькими международными органами. МККК установил рекомендуемую минимальную норму площади, составляющую 5,4 кв. м в одиночной камере и 3,4 кв. м на каждого заключенного в общей камере. ЕКПП установил следующую минимальную норму площади: 6 кв. м жилого пространства в одиночной камере и 4 кв. м жилого пространства на каждого заключенного в общей камере.

Большинство судей попыталось объяснить, почему при анализе условий содержания в тюрьмах оно не приняло за точку отсчета стандарты ЕКПП, предпочитая установить собственные стандарты. С одной стороны, мы согласны с выдвинутым большинством судей доводом о том, что перед ЕКПП и Европейским Судом стоят разные задачи. Мы тоже считаем, что рекомендации ЕКПП имеют важное значение, но не играют решающей роли в толковании Конвенции. С другой стороны, нас совершенно не убеждают те пункты мотивировочной части Постановления, где большинство судей подчеркивает обязанность Европейского Суда принимать во внимание «все значимые обстоятельства», оправдывая этим свое нежелание согласиться со стандартами ЕКПП (см. § 112 настоящего Постановления). ЕКПП обладает не только специальной компетенцией в области пенитенциарных систем, но и уникальным практическим знанием условий содержания в пенитенциарных учреждениях по всей Европе. Таким образом, устанавливая свою норму площади, ЕКПП принял во внимание все аспекты проблемы переполненности и взаимосвязь между различными факторами. Он сам отметил, что фактор площади «часто является очень важным или играет решающую роль» при определении того, являются ли условия содержания под стражей бесчеловечными или унижающими достоинство (*ЕКПП*. «Жилое пространство в расчете на одного заключенного в пенитенциарных учреждениях» (*Living space per prisoner in prison establishments*), г. Страсбург, 15 декабря 2015 г., § 24).

В любом случае вопрос о юридической силе актов ЕКПП не самый значимый. Важно, рациональны ли рекомендации ЕКПП по своему содержанию и имеют ли они значение при определении того, как влияет на заключенных имеющаяся у них площадь. Конкретно по вопросу о норме площади в пенитенциарных учреждениях мы считаем, что стандарты ЕКПП отражают тот минимум, который в контексте знаний, накопленных социальными науками, необходимо обеспечивать во избежание бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции.

Следовательно, на наш взгляд, минимальная норма площади должна составлять не менее 4 кв. м на человека, как отмечалось и в некоторых постановлениях Европейского Суда (см. § 108 настоящего Постановления). Если на одного заключенного в общей камере приходится менее 4 кв. м личного пространства, возникает устойчивая презумпция нарушения статьи 3 Конвенции.

Нам известно о том, что норма площади в 4 кв. м является не вполне удовлетворительной и по разным основаниям может вызвать критику. В частности, она по-прежнему остается ниже желаемой нормы площади, рекомендованной в последних документах ЕКПП (см. упоминавшийся выше документ ЕКПП, §§ 12–17). Однако мы не видим лучшей альтернативы предложенному подходу.

6. Отметим, что большинство судей ссылались на разные рекомендации ЕКПП, касающиеся различных аспектов условий содержания под стражей для целей рассмотрения дела с точки зрения статьи 3 Конвенции. Данный подход представляется не совсем последовательным, поскольку некоторые из этих стандартов признаются в качестве таковых (см., например, §§ 114, 133 и 141 настоящего Постановления), а некоторые отвергаются. Подобное различие в обращении со стандартами ЕКПП требует объяснений.

7. Важным вопросом, который косвенно лежит в основе рассмотрения жалоб на условия содержания под стражей, является стоимость внедрения стандартов, взятых за основу при оценке этих условий. Нам хорошо известно, что обеспечение

достойных условий содержания в местах лишения свободы сто́ит огромных денег. Некоторые из Высоких Договаривающихся Сторон – участников Конвенции приняли норму площади, не превышающую 4 кв. м на одного заключенного. В этих государствах внедрение данного стандарта потребует значительных дополнительных расходов.

Европейский Суд прав, неоднократно указывая на то, что «на государстве-ответчике лежит обязанность организовать свою пенитенциарную систему таким образом, чтобы обеспечить уважение достоинства содержащихся под стражей лиц, независимо от финансовых сложностей и проблем, связанных с материально-техническим обеспечением мест лишения свободы» (см. § 100 настоящего Постановления и упомянутые в нем постановления Европейского Суда). Мы полностью согласны с данной позицией. Несоблюдение запрета пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения не может быть оправдано финансовыми соображениями. Мы хотели бы, однако, добавить к этому еще одно немаловажное замечание. На наш взгляд, Европейский Суд, предписывая меры по реализации постановления, вправе, тем не менее, предусмотреть достаточный срок для внедрения конвенционных стандартов, особенно если он отходит от своей прежней прецедентной практики. Такое решение, установить для государств-участников переходный период, может облегчить реализацию положений Конвенции и повысить эффективность защиты прав человека. Мы сожалеем, что большинство судей не сочли необходимым принять это во внимание.

Далее, допуская, что при рассмотрении жалоб на нарушение прав человека нельзя полностью игнорировать экономические соображения, важно отметить, что при осуществлении экономического анализа норм права, касающихся условий содержания под стражей, следует учитывать не только стоимость внедрения наиболее значимых стандартов в области защиты прав человека, но и огромные социальные и финансовые издержки пенитенциарной системы, которая не обеспечивает достаточной площади в местах лишения свободы.

8. Как отмечалось выше, мы считаем, что презумпция нарушения статьи 3 Конвенции, возникающая, когда на одного заключенного приходится менее 4 кв. м, может быть опровергнута лишь в исключительных обстоятельствах. Неудобства, связанные с жизнью на такой площади, должны компенсироваться особыми факторами, существенно улучшающими положение заключенных и выходящими за рамки обычных условий содержания под стражей, которые нужно обеспечивать наряду с нормой площади в 4 кв. м на человека. На наш взгляд, государство-ответчик должно доказать, что благодаря действию этих факторов испытываемые заключенным лишения не превышают неизбежный уровень страданий заключенного под стражу лица. Мы признаем, что власти Хорватии сослались на ряд обстоятельств, смягчающих недостаточность площади у заключенных в настоящем деле. Однако принятые меры, по-видимому, не превышают того, что должно являться нормой в пенитенциарных учреждениях, где на каждого заключенного приходится не менее 4 кв. м личного пространства. Поэтому, на наш взгляд, все эти факторы, взятые в совокупности, не опровергают упомянутой выше устойчивой презумпции. Соответственно, мы полагаем, что государство-ответчик нарушило статью 3 Конвенции еще и в отношении тех периодов, когда на заявителя приходилось от 3 до 4 кв. м площади.

9. Мы отмечаем, что Европейский Суд установил нарушение Конвенции в отношении периода продолжительностью 27 дней подряд, когда на заявителя приходилось менее 3 кв. м личного пространства, но не усмотрел нарушений Конвенции в отношении остальных не идущих подряд периодов, когда на заявителя приходилось менее 3 кв. м. Фактически на заявителя приходилось менее 3 кв. м личного пространства 47 дней в течение менее полугода. По нашему мнению, даже если предположить, что норма площади в 3 кв. м на человека является правильной, проводить различие между этими периодами нет оснований, учитывая их близость по времени и совокупное воздействие. Чем дольше продолжается дефицит площади, тем сильнее становятся его психологические последствия. При таких обстоятельствах периоды, когда заявитель содержался в чуть лучших условиях, не смягчили бесчеловечного воздействия содержания под стражей на недостаточной площади в течение более длительного срока.

10. В заключение мы, к сожалению, вынуждены сказать, что в Постановлении по настоящему делу устанавливаются и распространяются стандарты, которые сложно принять с точки зрения Конвенции.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ МИРЬЯНЫ ЛАЗАРОВОЙ ТРАЙКОВСКОЙ, ВИНСЕНТА А. ДЕ ГАЭТАНО И ЙОНКО ГРОЗЕВА

1. В настоящем деле мы разделяем позицию большинства судей по ряду вопросов, но не можем согласиться с ними как по принципиальному вопросу, так и по вопросу принципа. Поэтому мы голосовали за вывод о нарушении Конвенции в отношении всего периода, когда на заявителя приходилось менее 3 кв. м личного пространства (пункт 3 резолютивной части настоящего Постановления).

2. Принципиальный вопрос, по которому мы не согласны с большинством судей, заключается в минимальной площади, при отсутствии которой возникает необходимость проводить более пристальный анализ с точки зрения статьи 3

Конвенции. Этим решением Европейский Суд установил стандарт в 3 кв. м на человека в общей камере, отойдя от позиции ЕКПП, установившего минимально допустимую норму в 4 кв. м. Мы полностью разделяем мнение о том, что обеспечение площадью ниже минимальных требований не должно автоматически приводить к нарушению Конвенции, но мы при всем уважении не согласны с большинством судей по поводу того, какой должна быть эта минимальная площадь. На наш взгляд, Европейскому Суду следовало согласиться со стандартом, установленным ЕКПП, и постановить, что, когда на заключенного приходится менее 4 кв. м площади, возникает необходимость провести более пристальный анализ, о котором говорилось выше.

3. Наше несогласие с большинством судей основано на том, что, как нам кажется, в отношении условий содержания под стражей Европейский Суд в бóльшей степени, чем в других случаях, действует в сложной институциональной среде не только на внутригосударственном, но и на международном уровне. Прямым следствием этого является ограниченность его возможности по исправлению ситуации, когда он приходит к выводу, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение статьи 3 Конвенции из-за бесчеловечного обращения, связанного с неудовлетворительными условиями содержания под стражей. Таким образом, тщательная согласованность точки зрения Европейского Суда с позицией других субъектов, действующих в этой области, приобретает особую важность. Эта согласованность играет ключевую роль в обеспечении общей эффективности его выступлений и ясности устанавливаемых им стандартов.

4. В большинстве случаев переполненность мест лишения свободы является системной проблемой, затрагивающей не только одного человека (заявителя), поэтому ее трудно поместить в концептуальные рамки классического судебного разбирательства, когда суды выносят решения по вопросам, представляющим интерес для одного единственного заявителя или истца. Необходимые средства правовой защиты тоже имеют системный характер и требуют комплексной политической реакции.

5. С другой стороны, арсенал средств, которые может использовать Европейский Суд, реагируя на проблему неудовлетворительных условий содержания под стражей, ограничен. Он вправе констатировать нарушение статьи 3 Конвенции, а также присудить компенсацию в порядке применения статьи 41 Конвенции. В конкретном контексте условий содержания под стражей второе из этих средств, присуждение компенсации, играющее важную роль применительно к другим видам нарушений прав человека, вызывает особенно много вопросов. Присуждение компенсации (по общему правилу, морального вреда), конечно, имеет определенное значение как компенсационное средство правовой защиты, но в случаях, когда речь идет о преобладающей заинтересованности в том, чтобы положить конец системному содержанию под стражей в бесчеловечных условиях, присуждение справедливой компенсации создает особенно сильное противоречие. Это противоречие между ретроспективным средством правовой защиты (присуждением компенсации) и перспективным средством правовой защиты (улучшением условий содержания под стражей) вполне реально. В идеальном мире присуждение компенсации должно побуждать государства принимать меры по решению проблем, лежащих в основе содержания под стражей в бесчеловечных условиях, однако в реальном мире эта связь является далеко не такой прямой и непосредственной. Хотя во многих случаях присуждение компенсации служило толчком к проведению реформ, оно легко может привести и к появлению долгового бремени, тормозящего принятие активных мер, которые могли бы позволить избежать бесчеловечного обращения с заключенными в будущем и предотвратить его.

6. Явная потребность в многоплановой политической реакции на бесчеловечные условия содержания под стражей вынудила суды в других странах разработать в бóльшей степени ориентированный на практику подход, который заключается в общей проверке условий содержания в конкретном пенитенциарном учреждении и в принятии обеспечительных мер[1]. В отношении США отмечалось, что подобный подход имеет значительные преимущества, позволяя осуществлять контроль за администрацией мест лишения свободы, независимый и в то же время достаточно эффективный, чтобы вынудить осуществить изменения[2]. Эти обеспечительные меры могли бы охватывать многие аспекты повседневного управления делами пенитенциарного учреждения, выходя далеко за рамки вопроса о максимальной его вместимости и распространяясь на такие области, как прием на работу и обучение новых сотрудников и механизмы обжалования. Стóит также отметить, что, в отличие от классического судебного решения, реализация данных обеспечительных мер обычно занимает не один год и на постоянной основе контролируется судами. Этот подход, при котором суды принимают непосредственное участие в ежедневном управлении пенитенциарными учрежде-

[1] Практика федеральных судов в США по обеспечительным мерам, берущая начало в 60-х годах и постепенно развивавшаяся, стала составной частью правовых гарантий недопущения бесчеловечного обращения. Это подробно описано в юридической литературе, см.: *Michele Deitch*. The Need for Independent Prison Oversight in a Post-PLRA World // *Federal Sentencing Reporter*, выпуск № 24, № 4, с. 236–244.

[2] См.: *Elizabeth Alexander*. Watching the Watchmen after Termination of Injunctive Relief // *Pace Law Review*, выпуск № 24, № 2, весна 2004 года.

ниями, конечно, создает определенные проблемы, но он, безусловно, доказал свою эффективность[1].

7. Кроме того, Европейский Суд признал необходимость выйти за рамки подхода, согласно которому единственно возможной реакцией на бесчеловечные условия содержания под стражей считается присуждение компенсации. Он стал рассматривать данный вопрос сквозь призму статьи 46 Конвенции, указывая на более конкретные меры политического характера. Как отмечается в настоящем Постановлении (см. § 95), во многих ведущих постановлениях он призывал власти ряда государств, таких как Бельгия, Греция, Республика Молдова, Словения и Румыния, улучшить условия содержания под стражей. В деле «Орховский против Польши» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Орховский против Польши» от 22 октября 2009 г., жалоба № 17885/04, § 154) Европейский Суд прямо указал, что присуждение компенсации не может «повлиять на общие условия содержания под стражей, поскольку оно не может устранить первопричину проблемы», и рекомендовал не только принять меры по уменьшению количества заключенных в камерах, но и разработать процедуру, позволяющую оперативно реагировать на жалобы на неудовлетворительные условия содержания под стражей, при необходимости путем перевода заключенного в другое пенитенциарное учреждение.

8. Несмотря на то, что институционная среда, в которой работает Европейский Суд, не позволяет ему принимать обеспечительных мер (обеспечительные меры, предусмотренные правилом 39 Регламента Суда, ограничены ситуациями, когда речь идет о жизни человека или причинении необратимого вреда его здоровью), при рассмотрении жалоб на условия содержания под стражей он по-прежнему сталкивается с проблемой, требующей многоплановой политической реакции. Мы считаем, что будет лучше, если Европейский Суд сначала в порядке применения статьи 46 Конвенции установит, какая структурная реакция необходима в конкретных обстоятельствах рассматриваемого им дела. Ему следует обращать особое внимание на установление первопричин выявленных им бесчеловечных условий содержания под стражей и, если есть возможность, указывать на конкретные меры политического характера, реализация которых попадет затем в сферу компетенции других субъектов, действующих в этой области. Кроме того, Европейский Суд должен внимательно отнестись к необходимости координировать свои действия с действиями других органов в этой области и к ограничениям, которые неизбежно предполагает данная необходимость.

9. Если говорить о специфике настоящего дела, большинство судей, на наш взгляд, привели недостаточно убедительные доводы, отказавшись следовать стандартам, установленным ЕКПП. Кроме того, мы считаем, что, отойдя от установленной ЕКПП минимальной нормы площади, составляющей 4 кв. м на человека, Европейский Суд перечеркнул выводы специализированного органа Совета Европы, обладающего опытом и компетенцией именно для решения подобных вопросов, игнорировав при этом необходимость выработать скоординированный, синхронизированный подход на международном уровне. При этом Европейский Суд выдвинул два основных довода: необходимость комплексного анализа условий содержания под стражей с точки зрения статьи 3 Конвенции и разницу в задачах, стоящих перед Европейским Судом и перед ЕКПП. Ни один из указанных доводов не представляется нам достаточно убедительным. Установление нормы площади в 4 кв. м на одного заключенного, в отсутствие которой требуется проводить более пристальный анализ, явно не исключает комплексного подхода к оценке всех значимых аспектов условий содержания в конкретном пенитенциарном учреждении или даже в каком-либо конкретном корпусе этого учреждения. Понятно, что у Европейского Суда и ЕКПП действительно разные задачи, однако вполне возможно и, на наш взгляд, крайне необходимо, чтобы эти два органа использовали одни и те же стандарты, в данном случае одну и ту же минимальную норму площади в 4 кв. м на человека, если они хотят успешно выполнять непростые задачи, которые стоят перед ними.

10. Наконец, рассматривая обстоятельства настоящего дела и применяя критерий строгого анализа не идущих подряд периодов, когда на заявителя приходилось менее 3 кв. м личного пространства, мы не считаем, что было достаточно факторов, компенсирующих дефицит площади. Безусловно, некоторые дополнительные занятия, которые обеспечиваются в этом пенитенциарном учреждении, могли бы по своему характеру смягчить нехватку места в камере, однако главным фактором, способным компенсировать дефицит личного пространства в камере, по-прежнему остается наличие дополнительного места в зонах общего пользования. Любой иной вывод предполагал бы преуменьшение важности пространства как ключевого фактора при анализе обстоятельств дела с точки зрения статьи 3 Конвенции. Принимая это во внимание, мы не считаем, что в настоящем деле было достаточно компенсирующих факторов.

[1] Несмотря на то, что в 1996 году было принято федеральное законодательство, ограничивающее участие судов в применении обеспечительных мер к пенитенциарным учреждениям, сам этот подход как таковой не ставился под сомнение. В литературе отмечалось, что после внесения в законодательство данных изменений решения о применении обеспечительных мер к пенитенциарным учреждениям приобрели менее широкий и более направленный характер, см.: Margo Schlanger. Civil Rights Injunctions over Time: A Case Study of Jail and Prison Court Orders // New York University Law Review 81, № 2 (2006), с. 550–630.

Имевшаяся у заключенных дополнительная площадь, в частности, площадь коридоров, соединяющих камеры и помещение для отдыха, которыми заключенные могли пользоваться в те часы, когда двери камер были открыты, незначительно увеличила имеющееся у них пространство в целом. Кроме того, два часа, в течение которых можно было пользоваться прогулочным двором, незначительно превышают минимальное требование обеспечивать прогулку продолжительностью один час. Все указанные факторы, взятые в совокупности, не компенсировали в достаточной степени дефицит личного пространства в те периоды, когда на заявителя в камере приходилось менее 3 кв. м личного пространства. Однако их, на наш взгляд, достаточно, чтобы компенсировать дефицит личного пространства в те периоды, когда заявитель располагал менее чем 4 кв. м личного пространства.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПАУЛУ ПИНТУ ДЕ АЛЬБУКЕРКЕ

I. ВВЕДЕНИЕ (§§ 1–2)

1. В отличие от большинства судей я голосовал за вывод о нарушении статьи 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) в связи с содержанием заявителя в Бьеловарской тюрьме в течение всего периода времени, когда он располагал менее чем 4 кв. м личного пространства.

2. Поскольку большинство судей не считают себя связанным стандартами, установленными Комитетом министров Совета Европы, Европейским комитетом по предупреждению пыток (далее – ЕКПП) и Советом по пенологическому сотрудничеству Европейского комитета по проблемам преступности Совета Европы, я в первой части настоящего отдельного мнения рассмотрю основополагающий и важнейший вопрос о правовой природе этих стандартов[1]. После замечания вводного характера о роли, которую играет мягкое право в общем международном праве, я перейду к подробному анализу конкретных функций, которые оно выполняет в европейском праве в области прав человека. Посредством данного анализа я стремлюсь доказать, что эволютивное толкование, общеевропейский консенсус и формализация мягкого права составляют три опоры нормативной системы Совета Европы. В свете ограниченных задач настоящего отдельного мнения я обсуждаю принцип признания в Совете Европы с учетом его многолетнего глубоко укоренившегося стремления к формализации мягкого права в определенных юридических областях в целях «развития прав человека» и содействия «экономическому и социальному прогрессу» в Европе.

Далее во второй части настоящего мнения я докажу существование общеевропейской и общемировой тенденции к формализации мягкого пенитенциарного права в контексте переполненности мест лишения свободы. После этого я покажу, что Европейские пенитенциарные правила (далее – ЕПП) являются прототипом формализованного мягкого права в нормативной системе Совета Европы. На основании не оставляющих сомнения стандартов, установленных этим формализованным мягким правом, я прихожу к выводу, что большинство судей ошиблись, постановив, что выделение заключенному в общей камере в местах лишения свободы 3 кв. м или даже меньшей площади не нарушает статьи 3 Конвенции.

ЧАСТЬ I (§§ 3–33)

II. МЯГКОЕ ПРАВО В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ (§§ 3–9)

А. ИСТОЧНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, УКАЗАННЫЕ В ПУНКТЕ 1 СТАТЬИ 38 СТАТУТА МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН (§§ 3–7)

3. Мягкое право считается по сути излишним и даже вредным *contradictio in terminis*[2]. Для одних это пустая броская фраза, маскирующая раздувание концепции международного права, попытка навязать государствам политические обязательства, на которые они вообще не хотели давать согласия[3]. Для других мягкое право – это «фиговый листок власти», за которым скрываются обширные властные полномочия и влияние, которыми пользуются некоторые государства и негосударственные образования на международной арене, чреватый проблемами инструмент, который обходит необходимость получать согласие государства, а значит, процесс демократической ратификации государственными органами[4]. В обоих случаях принципу суверенных и равных государств, по-видимому, угрожает опасность.

4. Действительно, мягкое право не входит в перечень классических источников международного

[1] В своем отдельном мнении, приложенном к Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Германн против Германии» (Herrmann v. Germany) от 26 июня 2012 г., жалоба № 9300/07, я использовал выражение «мягкое право». Тогда я не дал определения данному понятию, но считаю необходимым сделать это сейчас. Этому посвящены §§ 3–9 настоящего мнения.

[2] *Contradictio in terminis* (лат.) – внутренне противоречивое явление (*примеч. редактора*).

[3] См.: *Prosper Weil*. Towards relative normativity in international law? // *American Journal of International Law,* 77, 1983, с. 441.

[4] Понятие мягкого права подвергалось едкой критике, см.: *Klabbers*. The Undesirability of Soft Law // *Nordic Journal of International Law,* 67, (1998), с. 391; *Koskenniemi*. Formalism, Fragmentation, Freedom: Kantian Themes in Today's International Law // (2007) 4, с. 18.

права, содержащихся в Статуте Международного суда ООН. Любая попытка расширить данный перечень в судебной практике или доктрине сопряжена с тяжким бременем доказывания, тем более что, по мнению критиков, деформализация источников права подрывает ясность и предсказуемость бинарного подхода к определению международного права. Проще говоря, мягкое право оказывается ничем иным, как побочным продуктом политики, вызывая неумолимое сползание в анархию и хаос, а значит, оказывая плохую услугу важнейшей задаче международного права[1]. От ведущего к катастрофе Левиафана мягкого права требуют восстановить черно-белую бинарную простоту по типу «всё или ничего», которая одна лишь могла бы противостоять повседневной сложности благодаря упрощению дихотомической строгости.

Однако довод, опирающийся на Статут Международного суда ООН, не имеет решающего значения в ожесточенном противостоянии противников и сторонников мягкого права.

5. Статья 38 Статута Международного суда ООН, соответствующая статье 38 Статута бывшей Постоянной палаты международного правосудия, не является исчерпывающей сама по себе, поскольку существуют, например, односторонние правовые акты[2] и правовые акты международных организаций. С учетом кардинальных изменений, произошедших в международном праве после Второй мировой войны[3], сложно утверждать, что статья 38 Статута представляет собой неизменный перечень, раз и навсегда закрепивший то состояние, в котором находилось международное право в 1920 году.

6. Поскольку Статут Международного суда ООН не дает однозначного ответа на данный вопрос, есть смысл переформулировать его в том смысле, сталкивается ли мягкое право с жестким правом, чтобы установить важнейшие характеристики каждого из них и дополнительные преимущества мягкого права, если таковые имеются.

Не существует уникальной самостоятельной правовой характеристики, которая играла бы решающую роль при проведении различия между жестким и мягким международным правом. Как и жесткое право, мягкое право направлено на то, чтобы установить общие правила поведения для тех, кому оно адресовано. Оба вида права имеют нормативный характер и форму предписания и более менее точны с точки зрения формулировок и содержания. Вне зависимости от многообразия форм, которые принимает мягкое право, оно может предстать в виде любой другой готовой к применению правовой нормы договорного или обычного характера. Еще одна сложность заключается в том, что не всё международное право является жестким с точки зрения его исполнимости и возможности реализации его положений в судебном порядке. По традиции, в отсутствие мер по реализации правовых норм и судебного контроля международное право становится мягким.

7. Вместе с тем мягкое международное право отличается и отличи́мо от жесткого права по своим последствиям. Несмотря на свою нормативную природу, мягкое право в принципе можно игнорировать, не опасаясь наступления классических последствий в виде привлечения к ответственности за международно-противоправные деяния. Однако несоблюдение норм мягкого права может повлечь за собой негативные последствия. Таким образом, адресаты мягкого права не могут совершенно свободно не выполнять его предписания, поскольку такое решение чревато другими негативными последствиями. Эти предписания имеют не просто этический, не просто политический и не просто репутационный характер.

B. МЯГКОЕ ПРАВО В СИТУАЦИИ, КОГДА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ КОДИФИЦИРОВАНЫ (§ 8)

8. Если есть международный договор, дополнительные нормы мягкого права могут дать возможность установить намерения его составителей[4]. Усиливая нормативные обязательства, воплощенные в обязательных аспектах права международных договоров, мягкое право вносит вклад в его нормативную плотность и согласованность[5].

---

[1] См. среди прочих критических отзывов: *Jean d'Aspremont*. Formalism and the Sources of International Law: A Theory of the Ascertainment of Legal Rules. Oxford, 2011; The Politics of Deformalization in International Law // *Goettingen Journal of International Law* 3, (2011) 2, с. 503–550.

[2] Международный суд ООН сам принял данный довод в Решении по делу об испытаниях ядерного оружия («Австралия против Франции»), Сборник решений Международного суда ООН (*ICJ Reports*) за 1974 год, § 46.

[3] По поводу этих изменений см. мое отдельное мнение, приложенное к Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Дулими и компания "Монтана Менеджмент Инк." против Швейцарии» (Al-Dulimi and Montana Management Inc. v. Switzerland) от 21 июня 2016 г., жалоба № 5809/08.

[4] Здесь я не ссылаюсь на случаи, когда в международном договоре делается отсылка к неюридическим нормам, соблюдение которых в силу этой отсылки становится обязательным, см., например, подпункты «b» и «c» пункта 1 статьи 18 Международной конвенции по борьбе с актами ядерного терроризма. В данной категории случаев характер этих требований меняется благодаря включению в состав жесткого права неправовых стандартов, поэтому здесь речь идет о неподобающих актах мягкого права. В настоящем отдельном мнении я имею в виду только подобающие акты мягкого права, которые дополняют жесткое право, но формально не поглощены им. Это происходит, например, когда акты жесткого и мягкого прав регулируют пересекающиеся вопросы или когда в преамбуле международного договора делается ссылка на акт мягкого права.

[5] См. консультативное заключение Международного суда ООН по вопросу о правовых последствиях строительства стены на

Кроме того, оно облегчает применение обязательных актов, позволяя решить сложные технические вопросы, которые не были предусмотрены, когда их принимали, или найти выход из тупика, который заранее не просматривался. Это позволяет легче адаптировать их к изменяющимся потребностям организаций, институтов и общества[1].

C. МЯГКОЕ ПРАВО В СИТУАЦИИ, КОГДА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ НЕДОСТАТОЧНО КОДИФИЦИРОВАНЫ ИЛИ НЕ КОДИФИЦИРОВАНЫ ВООБЩЕ (§ 9)

9. Если нормы международного права не кодифицированы вообще или недостаточно кодифицированы, к мягкому праву относят соответствующую практику международных организаций, государств и негосударственных деятелей. Когда какой-либо юридический вопрос становится объектом мягкого международного права, он перестает относиться к исключительной компетенции государств, и это прокладывает путь будущим обязательным нормам международного права, основанным на согласии государств[2]. В конечном итоге, это может привести к возникновению *opinio juris* и государственной практике, которые порождают норму международного обычного права[3].

Важно, что до настоящего времени не предпринималось каких-либо усилий, чтобы прояснить, как Совет Европы, и, в частности, Европейский Суд, использует мягкое право, хотя в его юридических рассуждениях затрагивались все виды деформализованных источников права, а отсутствие четкой границы между правом и политикой при толковании Конвенции Европейским Судом не раз подвергалось критике[4]. Приведенный ниже анализ призван обеспечить такую концептуализацию.

III. МЯГКОЕ ПРАВО В ЕВРОПЕЙСКОМ ПРАВЕ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА (§§ 10–22)

A. КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ЭВОЛЮТИВНОГО ТОЛКОВАНИЯ (§§ 10–13)

10. Конвенцию нельзя толковать в вакууме, и ее следует толковать так, чтобы она не противоречила другим нормам международного и мягкого прав. С тех пор, как было вынесено Постановление по делу «Голдер против Соединенного Королевства», необходимо учитывать любые соответствующие принципы и нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками, о чем говорится в подпункте «c» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции о праве между-

оккупированной палестинской территории, Сборник решений Международного суда ООН (*ICJ Reports*) за 2004 год, с. 171, § 86, где о «соответствующих резолюциях, принятых согласно Уставу (ООН) Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности» говорится как об источниках норм и принципов международного права, имевших значение при определении законности действий Израиля. Эти нормы и принципы содержатся в Уставе ООН, других международных договорах, международном обычном праве и резолюциях, в которых дается толкование этих актов. Еще раньше в Решении по делу о проекте «Габчиково-Надьмарош» (Венгрия против Словакии), Сборник решений Международного суда ООН (*ICJ Reports*) за 1997 год, с. 77–78, § 140 Международный суд ООН сослался на «новые нормы и стандарты», разработанные в сфере экологического права и закрепленные за последние два десятка лет в очень многих актах, отметив, что «необходимо принимать во внимание эти новые нормы и придавать дóлжное значение этим правовым стандартам не только тогда, когда государства предполагают заняться чем-то новым, но и тогда, когда они продолжают заниматься тем, что было начато раньше».

[1] Выбор между жестким и мягким правом приходится делать еще чаще, когда речь идет об обязательствах, кодифицированных в международных договорах, без упоминания обязательств, вытекающих из неписаного всеобщего обычного права, которое не является результатом переговоров. Утверждалось, что мягкое право делает обычай неактуальным. Утверждалось также, что, наоборот, если процесс возникновения обычая ускорится, с учетом прецедентной практики Международного суда ООН это может привести к тому, что мягкое право перестанет быть необходимым. Прецедентной практикой Европейского Суда, как поясняется ниже, ни один из данных подходов не подтверждается.

[2] Одним из самых красноречивых примеров этого является Конвенция ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации, принятая 21 декабря 1965 г. на основе Декларации ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации, которая была принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 1904(XVIII) от 20 ноября 1963 г.

[3] См. консультативное заключение Международного суда ООН по вопросу о законности угрозы ядерным оружием или его применения, Сборник решений Международного суда ООН (*ICJ Reports*) за 1996 год, с. 255, § 70, а также Решение Международного суда ООН по делу о военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки) (существо дело), Сборник решений Международного суда ООН (*ICJ Reports*) за 1986 год, с. 100, §§ 188 и 191.

[4] Достойны похвалы следующие исключения: *Luis Lopez Guerra*. Soft law y sus efectos en el ámbito del derecho europeo de los derechos humanos» // *Teoría y derechos* 11, (2012), с. 150–167; *Tulkens and Others*. Le soft law et la Cour Europeénne des droits de l'homme: Questions de légitimité et de méthode» // *Revue Trimestrielle des Droits de l'Homme*, 23 (2012), № 91, с. 433–489; *Tulkens u van Drooghenbroeck*. Le soft law des droits de l'homme est-il vraiment si soft? Les développements de la pratique interprétative récente de la Cour européenne des droits de l'homme» // *Liber amicorum Michel Mahieu*. Brussels, 2008, с. 505–526. В других исследованиях более общего характера, например, в проекте юридического факультета Нью-Йоркского университета по всеобщему административному праву, Гейдельбергском проекте по международному институционному праву и осуществлению международной публичной власти и в проекте по неформальному международному правотворчеству, продвигающемся Гаагским институтом по интернационализации права, конкретно эта тема не затрагивается.

народных договоров 1969 года[1]. С точки зрения Европейского Суда, отсутствуют какие-либо методологические различия между толкованием норм международного права в области прав человека и норм других отраслей международного права или между толкованием договорных и нормоустанавливающих положений международных договоров, а значит, Европейский Суд исходит из того, что в обоих этих областях международного права можно использовать одни и те же методы толкования. Таким образом, Европейский Суд по правам человека отходит от спорной позиции, согласно которой в международном праве существуют «самодостаточные режимы»[2]. Как элегантно выразился судья Х. Розакис, судьи страсбургского Суда «не работают в блистательной изоляции башни из слоновой кости, построенной из материалов, вытекающих исключительно из новаций [Европейского Суда] или государств-участников в области толкования Конвенции»[3].

11. Эта методология обеспечивается кардинальным принципом толкования Конвенции Европейским Судом, согласно которому ее необходимо толковать в свете требований сегодняшнего дня[4]. В первом в своем роде Постановлении по делу «Тайрер против Соединенного Королевства» Европейский Суд впервые использовал принцип признания «Конвенции как живого инструмента», при толковании которой необходимо принимать во внимание постоянно развивающиеся нормы внутригосударственного и международного права[5]. Данный прием толкования, глубоко укоренившийся в конституционном праве США[6] и Канады[7] с начала XX века, появился в европейском праве в области прав человека в 1978 году.

12. В деле «Тайрер против Соединенного Королевства» Генеральный атторней острова Мэн со ссылкой на прежнюю статью 63 Конвенции утверждал, что «с дóлжным учетом особенностей местной обстановки на острове» дальнейшее применение в ограниченном масштабе телесных наказаний по решению суда оправдано в качестве средства устрашения. В ответ на это Европейский Суд указал (§ 38):

> «стоит отметить, что в большинстве государств – членов Совета Европы телесное наказание не применяется, а в некоторых и не существовало в современную эпоху… [Это] как минимум вызывает сомнения, является ли применение данного наказания необходимым для поддержания законности и правопорядка».

Придя к выводу, что остров Мэн нужно считать полностью разделяющим «общее наследие политических традиций, идеалов, свободы и верховенства права», на которое ссылается Преамбула к Конвенции, Европейский Суд не согласился с тем, что применение статьи 3 Конвенции на острове Мэн опосредуется какими-то особенностями мест-

---

[1] Постановление Европейского Суда по делу «Голдер против Соединенного Королевства» (Golder v. United Kingdom) от 21 февраля 1975 г., § 29, Series A, № 18.

[2] Данный довод уже приводился в моих отдельных мнениях, приложенных к упомянутому выше Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Дулими и компания “Монтана Менеджмент Инк.” против Швейцарии», § 71, в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саргсян против Азербайджана» (Sargsyan v. Azerbaijan), жалоба № 40167/06, *ECHR* 2015 (сноска 23) (см.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 9 (*примеч. редактора*)), а также в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Организация “Центр правовых ресурсов” от имени Валентина Кэмпеану против Румынии» (Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpeanu v. Romania), жалоба № 47848/08, *ECHR* 2014 (сноска 14).

[3] См.: *Rozakis*. The European Judge as Comparatist // *Tulane Law Review*, 2005, с. 278.

[4] Постановление Европейского Суда по делу «Тайрер против Соединенного Королевства» (Tyrer v. United Kingdom) от 25 апреля 1978 г., § 31, Series A, № 26 (см.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 5 (*примеч. редактора*)).

[5] См. там же, § 31. Впоследствии этот тезис повторялся во многих других ведущих делах, например, в Постановлении Европейского Суда по делу «Сёринг против Соединенного Королевства» (Soering v. United Kingdom) от 7 июля 1989 г., § 102, Series A, № 161.

[6] См. Решение Верховного суда США 1920 года по делу «Миссури против Голландии» (Missouri v. Holland), Сборник решений Верховного суда США, том 252, с. 416. Судья Холмс, готовивший решение от имени большинства судей, сделал следующее замечание о характере Конституции: «По этому вопросу мы можем добавить, что, сталкиваясь со словами, которые, как и Конституция США, являются актом учредительного характера, мы должны понимать, что они вызвали к жизни нечто, чье развитие не смогли бы полностью предвидеть даже самые одаренные из его вдохновителей. Им достаточно было сознавать или надеяться, что они создали живой организм, и потребовалось 100 лет на то, чтобы их последователи пóтом и кровью смогли доказать, что они создали нацию. Поступившее к нам дело нужно рассматривать с учетом всего нашего опыта, а не просто в свете того, что было сказано 100 лет назад». Ссылка Верховного суда США на «постоянно развивающиеся представления о порядочности» также понимается как явное упоминание о «живом конституционализме» (см. Решение Верховного суда США 1958 года по делу «Троп против Даллеса» (Trop v. Dulles), Сборник решений Верховного суда США, том 356, с. 86: «Формулировки [Восьмой] поправки [к Конституции США] не конкретны и… ее содержание не является неизменным. Значение этой поправки должно следовать за постоянно развивающимися представлениями о порядочности, которыми характеризуется развитие созревающего общества»).

[7] См. Решение Верховного суда Канады по делу «Генриетта Мьюр Эдвардс и другие против Генерального атторнея Канады» (Henrietta Muir Edwards and Others v. The Attorney General of Canada) от 18 октября 1929 г., Сборник решений Верховного суда Канады (UKPC) за 1929 год, том 86, Сборник правовых актов (A.C.) за 1930 год, с. 124. Это дело памятно не только признанием того, что женщины в Канаде могут назначаться сенаторами, но и тем, что оно ввело доктрину «живого древа», согласно которой Конституция является живым организмом и должна трактоваться в широком и либеральном смысле, приспосабливаясь к меняющейся действительности.

ной обстановки, и, соответственно, постановил, что телесное наказание заявителя по решению суда представляло собой нарушение этой статьи.

13. Соответственно, с самого начала работы Европейского Суда эволютивное толкование Конвенции было тесно связано с необходимостью трактовать ее текст на основе консенсуса исходя из анализа внутреннего законодательства «огромного большинства» государств – членов Совета Европы и, в конечном счете, общего наследия политических традиций, идеалов, свободы и верховенства права, на которое ссылается Преамбула к Конвенции.

B. ДЕФОРМАЛИЗАЦИЯ ИСТОЧНИКО В ПРАВА (§§ 14–20)

14. В Страсбурге мягкое право представляло и по-прежнему представляет собой самый важный источник кристаллизации общеевропейского консенсуса и общего наследия ценностей. Фактически вскоре после вынесения Постановления по делу «Тайрер против Соединенного Королевства» Европейский Суд совершил решающий шаг, расширив перечень источников права, на основе которых можно установить общеевропейский консенсус. В деле «Маркс против Бельгии»[1] Европейский Суд принял во внимание общеевропейские ценности, основанные на внутригосударственном законодательстве «огромного большинства» государств – членов Совета Европы, а также Конвенцию об установлении материнства законнорожденных детей 1962 года, подготовленную Международной комиссией по гражданскому состоянию, которую государство-ответчик подписало, но не ратифицировало, Конвенцию Совета Европы о правовом статусе внебрачных детей 1975 года, которую государство-ответчик даже не подписало, и, наконец, Резолюцию Комитета министров Совета Европы № (70)15 от 15 мая 1970 г. «О социальной защите незамужних матерей и их детей». В ответ на довод о том, что в Конвенциях 1962 и 1975 годов участвует совсем мало государств, Европейский Суд заявил (там же, § 41):

> «Обе этих Конвенции являются действующими, и нет никаких причин приписывать небольшому сейчас количеству государств-участников отказ признать равенство “незаконнорожденных” и “законнорожденных” детей по рассматриваемому вопросу. На самом деле существование этих двух международных договоров указывает на явную общность взглядов в данной области в социуме современных государств».

Заимствуя методы толкования у конституционных судов, Европейский Суд зашел еще дальше и умерил последствия своего постановления с учетом принципа правовой определенности, «который неизбежно присущ как коммунитарному, так и конвенционному праву», освободив государство-ответчика от необходимости возвращаться к правовым актам или ситуациям, предшествующим вынесению постановления. Для этого он сослался на то, что «подобный способ решения проблемы существует в некоторых государствах-участниках, в которых есть конституционный суд: их публичное право ограничивает обратную силу решений этого суда, которыми правовые акты признаются недействительными»[2]. Как если бы он был общеевропейским конституционным судом, Европейский Суд использовал принцип правовой определенности для того, чтобы закрепить за собой подразумеваемое право ограничивать действие собственных постановлений во времени.

15. Позднее в деле «Мазурек против Франции»[3] Европейский Суд вновь сослался на Конвенцию о правовом статусе внебрачных детей, ратифицированную на тот момент только третью государств – членов Совета Европы, в число которых не входило государство-ответчик, и привел ее в качестве доказательства «огромного значения», которое государства-участники придают равенству в обращении с внебрачными детьми с точки зрения закона.

16. В делах «Кристин Гудвин против Соединенного Королевства»[4], «Вильхо Экселинен и другие против Финляндии»[5] и «Соренсен и Расмуссен против Дании»[6] Европейский Суд руководствовался Хартией Европейского союза об основных правах, несмотря на то, что эта хартия еще не приобрела обязательную силу. Далее в деле «Макэлхинни против Ирландии»[7] Европейский Суд принял к сведению Европейскую конвенцию об иммунитете государств, ратифицированную к тому времени восемью государствами-участниками, в число которых не входило государство-ответчик. В деле «Глор против Швейцарии»[8] Европейский Суд

[1] Постановление Европейского Суда по делу «Маркс против Бельгии» (Marckx v. Belgium) от 13 июня 1979 г., Series A, № 31.

[2] Там же, § 58.

[3] Постановление Европейского Суда по делу «Мазурек против Франции» (Mazurek v. France), жалоба № 34406/97, § 49, *ECHR* 2000-II.

[4] Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кристин Гудвин против Соединенного Королевства» (Christine Goodwin v. United Kingdom), жалоба № 28957/95, *ECHR* 2002-VI.

[5] Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вильхо Экселинен и другие против Финляндии» (Vilho Eskelinen and Others v. Finland), жалоба № 63235/00, *ECHR* 2007-II.

[6] Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Соренсен и Расмуссен против Дании» (Sørensen and Rasmussen v. Denmark), жалобы №№ 52562/99 и 52620/99, *ECHR* 2006-I.

[7] Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Макэлхинни против Ирландии» (McElhinney v. Ireland), жалоба № 31253/96, *ECHR* 2001-XI.

[8] Постановление Европейского Суда по делу «Глор против Швейцарии» (Glor v. Switzerland), жалоба № 13444/04, § 53, *ECHR* 2009.

назвал Конвенцию о правах инвалидов основой «общеевропейского и общемирового консенсуса по поводу необходимости защиты инвалидов от дискриминационного обращения», хотя соответствующие факты имели место до принятия этой конвенции Генеральной Ассамблеей ООН, а на момент вынесения Европейским Судом указанного Постановления государство-ответчик данную конвенцию не ратифицировало.

17. Наконец, в деле «Демир и Байкара против Турции», являющемуся вехой в прецедентной практике Европейского Суда, напомнив принцип, согласно которому:

> «Конвенция является живым организмом и должна трактоваться в свете требований сегодняшнего дня и в соответствии с изменениями в международном праве так, чтобы отражать все более высокие стандарты, которые требуется обеспечивать в области защиты прав человека; это требует большей твердости при оценке посягательств на основополагающие ценности демократического общества»,

и указав на изменения в трудовом праве как на внутригосударственном, так и на международном уровне и на соответствующую правоприменительную практику государств-участников, Европейский Суд пришел к выводу, что право вести коллективные переговоры с работодателем в принципе стало одним из важнейших элементов права создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов, предусмотренного статьей 11 Конвенции. Для этого он сослался на Конвенции МОТ по данному вопросу, ратифицированные государством-ответчиком, и на соответствующие акты толкования Комитета экспертов МОТ, а также на статью 28 Хартии Европейского союза об основных правах, на пункт 2 статьи 6 Европейской социальной хартии, которую Турция не ратифицировала, на толкование этой статьи Европейским комитетом по социальным правам и на принцип 8 Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R(2000)6 «О статусе государственных служащих в Европе»[1].

18. Другими словами, для целей толкования Конвенции правовое значение стандартов прав человека, установленных другими международными договорами и конвенциями, не зависит ни от количества ратифицировавших их сторон, ни от количества государств – членов совета Европы, для которых они являются обязательными, ни даже от того, ратифицировало ли их само государство-ответчик. Таким образом, в европейском праве в области прав человека жесткое право тесно переплетается с мягким правом.

19. Эволютивное толкование Конвенции привело еще и к тому, что Европейский Суд стал подкреплять свои рассуждения ссылкой на нормы, принятые другими органами Совета Европы, хотя в задачи этих органов и не входит представлять государства – участников Конвенции. Это относится и к контрольным механизмам, и к экспертным органам. Для определения конкретного содержания гарантированных Конвенцией прав и свобод Европейский Суд использовал, например, акты Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью (ЕКРН)[2] и Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии)[3].

C. ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЙ КОНСЕНСУС КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА НОРМАТИВНОСТИ (§§ 21–22)

20. Из первой формулировки общеевропейского консенсуса в деле «Тайрер против Соединенного Королевства» берет начало представление о совещательной международной демократии, в которой предполагается, что большинство или значимая часть государств – участников Конвенции выступает от имени всех, а значит, вправе навязывать свою волю остальным участникам. В качестве конституционного принципа, которым руководствуется Совет Европы, консенсус нужно отличать от

---

[1] Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Демир и Байкара против Турции» (Demir and Baykara v. Turkey), жалоба № 34503/97, §§ 146–154, *ECHR* 2008-VI. В § 78 этого Постановления Европейский Суд выразился предельно ясно: «В связи с этим Европейский Суд отмечает, что при поиске общих черт норм международного права он никогда не проводил различий между источниками права в зависимости от того, были они подписаны или ратифицированы государством-ответчиком или нет». Еще одной особенностью этого Постановления, о которой стóит упомянуть, является то, что иногда Европейский Суд ссылался на состояние внутригосударственного законодательства в «огромном большинстве» государств (§§ 76, 79), а иногда в «большинстве» государств (§§ 82, 85, 106, 165). В § 151 он сослался и на то, и на другое! Это явно указывает на то, что Европейский Суд не придает важного значения количественным характеристикам большинства, необходимого для целей выстраивания общеевропейского консенсуса, признавая, что оно вполне может быть и небольшим, если позиция такого большинства подкрепляется другими источниками международного права.

[2] Первым делом, в котором Европейский Суд обратился к общеполитическим рекомендациям ЕКРН, стало дело «Берд против Соединенного Королевства» (Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Берд против Соединенного Королевства» (Beard v. United Kingdom) от 18 января 2001 г., жалоба № 24882/94, § 70). В нем делалась отсылка к Рекомендации ЕКРН № 3 «О борьбе с расизмом и нетерпимостью в отношении рома/цыган».

[3] Первым делом, в котором Европейский Суд обратился к актам Венецианской комиссии, стало дело «Херст против Соединенного Королевства (№ 2)» (Постановление Европейского Суда по делу «Херст против Соединенного Королевства (№ 2)» (Hirst v. United Kingdom) (№ 2) от 30 марта 2004 г., жалоба № 74025/01, § 24). Европейский Суд сослался на Кодекс добросовестной практики по вопросам выборов, принятый Венецианской комиссией на 51-м пленарном заседании (5–6 июля 2002 г.)

единогласия. Консенсус как *volonté générale*[1] может существовать, даже если не все государства-участники придерживаются одной и той же трактовки Конвенции[2].

Как было сказано выше, сегодня нельзя утверждать, что этого не хотели отцы-основатели и что у государств возникли обязательства, на которые они не давали согласия[3]. Подобный устаревший сейчас довод об отсутствии согласия государства иногда сопровождается, как обратная сторона медали, не менее устаревшими критическими высказываниями об отсутствии у Европейского Суда политической легитимности для инновационного толкования Конвенции и тем более для создания новых правовых норм[4], когда мягкое право используется для обхода компетентных органов законодательной власти и попрания принципов демократии, верховенства права и субсидиарности[5]. В основе этих выступлений практически всегда лежит лейтмотив сторонников ничем не ограниченного суверенитета – *in dubio pro mitius*[6].

21. Преамбула помещает Конвенцию в контекст общих целей Совета Европы, чтобы создать «бóльшее единство» между входящими в него государствами на основе «всеобщего понимания и соблюдения прав человека, которым они привержены». В Уставе Совета Европы делается ссылка не только на «более тесное единство между всеми европейскими странами, разделяющими эти взгляды», но и на «организацию, которая сплотила бы европейские государства в более тесный союз». В первой же статье Устава говорится, что целью Совета Европы является «достижение бóльшего единства между его членами во имя защиты и осуществления идеалов и принципов, являющихся их общим достоянием, и содействие их экономическому и социальному развитию». Согласно прямому указанию Устава, осуществление этих идеалов и принципов требует «заключения соглашений и проведения совместных действий» во всех соответствующих сферах жизни общества (по экономическим, социальным, культурным, научным, правовым и управленческим вопросам) и «путем защиты и развития прав человека и основных свобод». Невозможно найти лучшие слова для провозглашения приоритета обязательств по защите прав человека во всех областях управления государством. Невозможно лучше сформулировать принцип *in dubio pro persona*[7]. Таким образом, социальный и экономический прогрессы тесно связаны с развитием прав человека. Это две стороны одной медали.

22. Если так, то эволютивное толкование, общеевропейский консенсус и формализация мягкого права образуют три опоры европейской нормативной системы, в рамках которой важно согласие государства. Правовая система Совета Европы строилась на этих опорах с самого начала, черпая силу в стремлении всех государств к «экономическому и социальному прогрессу», и ее уже нельзя смешивать с традиционным международным соглашением живущих бок о бок эгоистов. Суверенитет – это уже не абсолютная данность как в вестфальскую эру, а составная часть сообщества, посвятившего себя служению правам человека[8].

В этом контексте Конвенцию нельзя не толковать с учетом формально обязательных «соглашений» (то есть международных договоров)[9] и огромного числа формально необязательных «рамочных решений» политических и технических органов Совета Европы[10], например, рекомендаций, руко-

---

[1] *Volonté générale* (фр.) – общая воля (*примеч. редактора*).

[2] Весьма символично, что Европейский Суд прибегает к этому весьма богатому историческими и философскими коннотациями выражению (*volonté générale*) во французской версии упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Демир и Байкара против Турции» (§ 84).

[3] См. сноску 2 в § 9 настоящего отдельного мнения.

[4] По поводу этих критических высказываний см. мое отдельное мнение, приложенное к упоминавшемуся выше Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Организация “Центр правовых ресурсов” от имени Валентина Кэмпеану против Румынии».

[5] Интересно отметить, что Европейский парламент выступил с аналогичной критикой использования мягкого права Европейской комиссией, которую он обвинил в превышении своих полномочий и в расширении компетенции Европейского Союза за рамки принципа compétence d’attribution (явно выраженных полномочий – *примеч. редактора*) (Резолюция Европейского парламента от 4 сентября 2007 г. «Об институциональных и юридических последствиях использования актов “мягкого права”» (2007/2028 (INI)).

[6] *In dubio pro mitius* (лат.) – в сомнительных случаях более мягкое решение (*примеч. редактора*).

[7] *In dubio pro persona* (лат.) – в сомнительных случаях в пользу человека (*примеч. редактора*).

[8] По этому вопросу см. мое отдельное мнение, приложенное к упоминавшемуся выше Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саргсян против Азербайджана».

[9] В рамках Совета Европы существуют два вида договоров: договоры, которые стремятся привести внутригосударственное законодательство в соответствие (с международными стандартами), и договоры о сотрудничестве, которые заключаются для того, чтобы облегчить и улучшить международное сотрудничество между правоохранительными органами различных стран (см.: *Bartsch*. The Implementation of Treaties Concluded within the Council of Europe // *Jacobs and Roberts* (ed.) // *The Effect of Treaties in Domestic Law*, 1987, с. 197; подготовленный Джереми Макбрайдом рабочий документ: The specificity and added value of the acquis of the Council of Europe treaty law // AS/Jur (2009) 40 от 17 сентября 2009 г.

[10] Как Европейский Суд сам отметил в деле «Солтысяк против Российской Федерации» (Постановление Европейского Суда по делу «Солтысяк против Российской Федерации» (Soltysyak v. Russia) от 10 февраля 2011 г., жалоба № 4663/05 (см.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 11 (*примеч. редактора*)), § 51: «Европейский Суд напоминает о своем неизменном подходе, согласно которому при толковании конвенционных гарантий и определении того, существуют ли в той или иной области общеевропейские стандарты,

водящих указаний и заявлений Комитета министров[1]. Далее, сама Конвенция требует прогрессивного подхода к международному и мягкому правам, поскольку она, как указано в Преамбуле, основана на положениях Всеобщей декларации прав человека и остается открытой другим правовым актам, принятым как на международном, так и на внутригосударственном уровне, когда они обеспечивают более эффективную защиту прав человека (статья 53 Конвенции). Одним словом, такое широкое толкование продиктовано буквой, характером и целью самой Конвенции.

IV. МЯГКОЕ ПРАВО И ПРИНЦИП ПРИЗНАНИЯ СОВЕТА ЕВРОПЫ (§§ 23–33)

А. ПРИНЦИП ПРИЗНАНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА (§§ 23–26)

23. В европейском праве в области прав человека по-прежнему преобладает формальное понимание источников права. Опираясь на тезисы, сформулированные Международным судом ООН в решениях по делу о континентальном шельфе Северного моря и по делу о военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа («Никарагуа против Соединенных Штатов Америки»)[2], Европейский Суд признает, что положение международного договора может стать международным обычаем, если выполняются следующие условия: соответствующее положение должно иметь принципиально нормотворческий характер, чтобы можно было считать, что оно формирует основу общей правовой нормы; должны существовать устоявшаяся государственная практика и доказательства убежденности в том, что данная практика является обязательной в силу наличия требующей этого нормы права (*opinio juris sive necessitatis*[3])[4]. Кроме того, Европейский Суд выражал свою позицию по поводу существова-

он принимает во внимание соответствующие международно-правовые акты и доклады и, в частности, акты и доклады других органов Совета Европы».

[1] В отношении права Совета Европы см.: *Kleijssen*. Council of Europe standard-setting in the human rights field // *NJCM-Bulletin*: выпуск 35, № 7 (ноябрь – декабрь 2010 года), с. 897–904; *Benoit-Rohmer and Klebes*. Council of Europe Law – Towards a pan-European legal area // Strasbourg: Council of Europe Press, 2005; *Polakiewicz*. // Strasbourg, Council of Europe Press, 1999. Как выразился Клеийссен, акты мягкого права в Совете Европы «обычно принимаются всеми государствами-участниками и, таким образом, представляют собой общую европейскую позицию, отсылающую к юридически обязательным стандартам (например, к прецедентной практике Европейского Суда)». Это означает, что «связь между прецедентной практикой Европейского Суда и другими стандартами Совета Европы представляет собой не круг; скорее, ее можно представить в виде спирали или даже симбиоза».

[2] Решение Международного суда ООН по делу о континентальном шельфе Северного моря, Сборник решений Международного суда ООН (*ICJ Reports*) за 1969 год, с. 41–44, § 71–78, и Решение Международного суда ООН по делу о военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа («Никарагуа против Соединенных Штатов Америки») (существо дела), Сборник решений Международного суда ООН (*ICJ Reports*) за 1986 год, с. 98, § 186.

[3] *Opinio juris sive necessitatis* (лат.) – (дословно) мнение права или необходимости, выражение подразумевает, что конкретная практика расценивается государством как отвечающая нормам права или имеющая юридически обязательный характер. Заинтересованные государства, действующие определенным образом, должны быть убеждены, что их поведение соответствует или продиктовано требованиями международного права (*примеч. редактора*).

[4] По поводу формального понимания Европейским Судом источников права см.: Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Василяускас против Литвы», жалоба № 35343/05, §§ 165–175, *ECHR* 2015 (см.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 10 (*примеч. редактора*)); Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перинчек против Швейцарии» (Perinçek v. Switzerland), жалоба № 27510/08, §§ 266–268, *ECHR* 2015 (см.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 4 (*примеч. редактора*)); Постановление Европейского Суда по делу «Джонс и другие против Соединенного Королевства» (Jones and Others v. United Kingdom), жалобы №№ 34356/06 и 40528/06, §§ 88–94 и 202–215, *ECHR* 2014; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хирси Джамаа и другие против Италии» (Hirsi Jamaa and Others v. Italy), жалоба № 27765/09, § 75, *ECHR* 2012; Решение Европейского Суда по делу «Ван Анраат против Нидерландов» (Van Anraat v. Netherlands) от 6 июля 2010 г., жалоба № 65389/09, §§ 90–92; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кононов против Латвии» (Kononov v. Latvia), жалоба № 36376/04, §§ 203, 211, 215 и 221, *ECHR* 2010, и особое мнение судьи Ж.-П. Косты по этому делу, к которому присоединились судьи З. Калайджиева и М. Поалелунджь; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Медведев и другие против Франции» (Medvedyev and Others v. France), жалоба № 3394/03, §§ 65, 85 и 92, *ECHR* 2010; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Чудак против Литвы» (Cudak v. Lithuania), жалоба № 15869/02, § 66, *ECHR* 2010; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штоль против Швейцарии» (Stoll v. Switzerland), жалоба № 69698/01, § 59, *ECHR* 2007-V; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Адсани против Соединенного Королевства» (Al-Adsani v. United Kingdom), жалоба № 35763/97, §§ 61–66, *ECHR* 2001-XI, Решение Большой Палаты Европейского Суда по делу «Банкович и другие против Бельгии и других» (Banković and Others v. Belgium and Others), жалоба № 52207/99, § 66, *ECHR* 2001-XII. В упоминавшемся выше Постановлении по делу «Джонс и другие против Соединенного Королевства» (§ 198) Европейский Суд счел прецедентную практику Международного суда ООН «авторитетным источником в том, что касается содержания международного обычного права». Утверждалось, что с некоторым ускорением процесса возникновения обычаев, с учетом подхода Международного суда ООН, необходимость в мягком праве может исчезнуть, однако прецедентная практика Европейского Суда это мнение не подтверждает.

ния в международном праве императивных норм, таких как запрет пыток[1] или запрет геноцида[2].

Однако, как было указано выше, однозначного черно-белого водораздела между жестким правом и неправовыми нормами не существует, поскольку европейское право в области прав человека развивается за счет богатого арсенала источников, которые необязательно обладают классическими формальными признаками жесткого международного права[3]. «Развитие прав человека» требует известной степени деформализации, не отменяя при этом формального понимания источников права. Фактически в страсбургском Суде никогда не было монополии формального подхода к установлению содержания международно-правовых норм.

24. Однако присущая европейскому праву в области прав человека деформализация не тождественна нигилистическому разложению законности, и для этого есть очень веская причина. В правовой системе Совета Европы согласие государства существует в контексте космополитичной перспективы универсального характера прав человека и диалогового понимания общего наследия социальных ценностей европейских стран.

25. В Совете Европы принцип признания уже не тот, каким он был в деле о судне «Лотос»[4], то есть речь идет не о двустороннем в узком понимании этого слова и исключительно волюнтаристском механизме нормотворчества по инициативе сверху, в центре которого находится государство, а о демократическом, многостороннем в широком понимании этого слова и умышленно основанном на консенсусе механизме нормотворчества по инициативе снизу, в центре которого находится личность, с участием европейских государств и других европейских и неевропейских негосударственных деятелей. Дистанцируясь от устаревшего *jus inter gentes*[5], правовая система Совета Европы стала настоящим *jus gentium*[6], основанным на совместной, подотчетной и многоуровневой международной нормотворческой системе, которая не является прерогативой государств[7].

Космополитизм связывает правовую систему Совета Европы с остальным миром не меньше, чем диалог с правовыми системами государств – членов Совета Европы и, в частности, с их высшими судами, и с социальными ценностями европейских стран. Поскольку нормативная система Совета Европы уже соответствует стандартам демократии, принцип признания в ней не связан с демократическим процессом принятия решений в той или иной стране. Мягкое право, не требующее формальной ратификации внутригосударственными органами власти, в любом случае не ускользает от демократического контроля в рамках Совета Европы, который осуществляется Комитетом министров, Парламентской Ассамблеей и, в конечном счете, Европейским Судом как политически легитимированным гарантом соблюдения Конвенции (статьи 19 и 22 Конвенции). Далее, участие в осу-

---

[1] Упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Адсани против Соединенного Королевства», § 61.

[2] Постановление Европейского Суда по делу «Йоргич против Германии» (Jorgić v. Germany), жалоба № 74613/01, § 68, *ECHR* 2007-III.

[3] Типология этих источников весьма богата. Они включают в себя неконвенционные международные соглашения, например Заключительный акт Хельсинкского совещания (по безопасности и сотрудничеству в Европе – *примеч. редактора*) (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Партия свободы и демократии» (ÖZDEP) против Турции» (Freedom and Democracy Party (ÖZDEP) v. Turkey) от 8 декабря 1999 г., жалоба № 23885/94, § 40); международные договоры, не ратифицированные государством-ответчиком (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Маркс против Бельгии»); декларации, принятые международными организациями, например, Всеобщую декларацию прав человека и другие декларации, принятые Генеральной Ассамблеей ООН (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «K.-H. W. против Германии» (K.-H. W. v. Germany), жалоба № 37201/97, § 95, *ECHR* 2001-II); резолюции и рекомендации международных организаций, например, Парламентской Ассамблеи и Комитета министров Совета Европы (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Баятян против Армении» (Bayatyan v. Armenia), жалоба № 23459/03, § 105, *ECHR* 2007 (см.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 5 (*примеч. редактора*)); кодексы поведения и руководящие указания международных организаций, например, Всемирной организации здравоохранения (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Олуич против Хорватии» (Oluic v. Croatia) от 20 мая 2010 г., жалоба № 61260/08, § 60); комментарии и исследования неправительственных организаций, например, исследование Международного Комитета Красного Креста по международному обычному гуманитарному праву и его комментарии к Женевским конвенциям (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Корбей против Венгрии» (Korbely v. Hungary), жалоба № 9174/02, §§ 50, 51 и 90, *ECHR* 2008) и доклады отдельных лиц, например, Генерального секретаря ООН (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Корбей против Венгрии», § 90). Последнее из названных дел примечательно еще и тем, что в нем Европейский Суд придал важное значение мнению ученых (см. §§ 82 и 87 упоминавшегося выше Постановления Европейского Суда по делу «Корбей против Венгрии»).

[4] Решение Постоянной палаты международного правосудия № 9 по делу о судне «Лотос» 1927 года, Сборник решений Постоянной палаты международного правосудия (PCIJ), Series A, № 10, на с. 18: «Обязательные для государств нормы права… проистекают из их собственной свободной воли…».

[5] *Jus inter gentes* (лат.) – межгосударственное право (*примеч. редактора*).

[6] *Jus gentium* (лат.) – международное право (*примеч. редактора*).

[7] Это утверждение не новое (по поводу роли, которую играют в международном праве другие субъекты, см. консультативное заключение Международного суда ООН по вопросу о возмещении ущерба, причиненного на службе в ООН, Сборник решений Международного суда ООН (*ICJ Reports*) за 1949 год, с. 178, а также: *Lauterpacht*. The Subjects of International law// *Lauterpacht* (ред.) International Law. The Collected Papers of Hersch Lauterpacht, volume I: The General Works. Cambridge, CUP, 1970, § 48).

ществлении нормотворческих полномочий государств и широкого круга негосударственных деятелей не только свидетельствует о соблюдении принципа субсидиарности, но и действительно усиливает демократический характер данного процесса и ответственность системы принятия решений в области международной публичной политики перед европейскими народами.

Другими словами, европейская нормативная система не ограничивается рамками принципов государственного суверенитета, двусторонних отношений и противопоставимости. С тех пор как государства утратили монополию на создание международно-правовых норм, теория воли государства, находящей выражение в источниках права, уступает место демократической теории создания норм международного права на основе воли всего международного сообщества.

26. Очевидно, более высокую степень сложности такого принципа признания не следует связывать с более высокой степенью правовой неопределенности, то есть она не означает, что ценность верховенства права уменьшается или исчезает совсем. Эти две вещи необязательно связаны между собой. Скорее, степень правовой определенности зависит от содержания юридического дискурса[1]. В мире децентрализованного и деформализованного международного права правовая определенность – это в большей степени вопрос содержания, а не вопрос формы и процедуры и уж конечно не вопрос более или менее прозрачных намерений заинтересованных лиц. Критерием правовой определенности является не форма, которую принимает норма права, и не процесс создания этой нормы, а, разумеется, ее содержание. Это тем более верно в таком конституционном правопорядке, как тот, который существует в Совете Европы, где принцип признания является не нейтральным и лишенным всяких ценностей, а содержательным и аксиологически нагруженным.

B. ГЛУБОКО УКОРЕНИВШИЙСЯ КУРС НА ФОРМАЛИЗАЦИЮ МЯГКОГО ПРАВА (§§ 27–30)

27. В континууме жесткого и мягкого права к формализации текста может привести несколько факторов. Как и в случае с *degradé normatif*[2], по мере нормативизации текста количество данных факторов увеличивается, а при ее отсутствии их становится меньше[3]. В рамках этой дифференцированной логики решать, «какое значение» следует придавать факторам, формализующим мягкое право, в конечном счете, должен Европейский Суд[4].

28. Формализация мягкого европейского права в области прав человека может происходить из-за действия определенных факторов, имеющих отношение либо к процессу создания норм права, либо к процессу их применения. Это «кирпичики, из которых строится стена нормативности»[5].

Во-первых, на нормативный характер текста указывают предписания, имеющиеся в тексте или названии текста. Текст или название с предписаниями в принципе нужно толковать таким образом, чтобы они устанавливали стандарты, выходящие за рамки простого декларативного заявления или исключительно программного утверждения.

Во-вторых, на нормативный характер текста явно указывает степень его языковой точности и определенности его содержания. Чем точнее используемая в тексте терминология и чем определенные его содержание, тем сильнее его нормативный характер[6]. Пространное, подробное описание предмета регулирования говорит в пользу формализации права, которое не оставляет места для белых пятен.

---

[1] По этому вопросу см. мое отдельное мнение, приложенное к упоминавшемуся выше Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Организация “Центр правовых ресурсов” от имени Валентина Кэмпеану против Румынии», и его главный посыл: юридический дискурс и, в частности, судебный дискурс не является инструментом *realpolitik* (реалистической политики – *примеч. редактора*), ориентированной на интересы ее участников. По вопросу об источниках права настоящее отдельное мнение следует толковать с учетом моих размышлений о правовой аргументации в деле «Организация “Центр правовых ресурсов” от имени Валентина Кэмпеану против Румынии».

[2] *Degradé normatif* (фр.) – снижение степени нормативности (*примеч. редактора*). См.: *Pellet*. Le ‘bon droit’ et l’ivraie–plaidoyer pour l’ivraie // *Mélanges offerts à Charles Chaumont. Le droit des peuples à disposer d’eux-mêmes. Méthodes d’analyse du droit international* (1984), с. 488.

[3] Идея дифференцированной нормативности в международном праве признается и в общем международном праве (см. положения об императивных нормах международного права (*jus cogens*) в статьях 53 и 64 Венской конвенции о праве международных договоров), и в самой Конвенции (см. статью 15 Конвенции).

[4] Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Тэнасе против Республики Молдова» (Tanase v. Moldova), жалоба № 7/08, § 176, *ECHR* 2010.

[5] Это выражение взято из работы: *Klabbers*. Reflections on Soft International Law in a Privatized World // *Finnish Yearbook of International Law*, выпуск XVI (2005), с. 322.

[6] То же самое можно сказать о некоторых положениях жесткого права, например, о положениях международных договоров программного характера, касающихся обязательства принять меры «с использованием максимума имеющихся ресурсов» для полной реализации экономических и социальных прав (см. мое отдельное мнение, приложенное к Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Константин Маркин против Российской Федерации» (Konstantin Markin v. Russia), жалоба № 30078/06, *ECHR* 2012 (см.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6 (*примеч. редактора*)), или к обязательствам по добросовестному сотрудничеству или совместным консультациям (см. консультативное заключение Международного суда ООН по вопросу о толковании соглашения между ВОЗ и Египтом от 25 марта 1951 г., Сборник решений Международного суда ООН (*ICJ Reports*) за 1980 год, с. 95, § 48).

В-третьих, существование подготовительных материалов (*travaux préparatoires*), пояснительных докладов и комментариев, в которых тщательно обсуждаются причины и последствия принятых политических решений, повышает нормативную плотность текста.

В-четвертых, дополнительным формализующим фактором является сложность процедуры обсуждения текста, включая процедуру голосования по нему[1]. Широкое признание текста чаще всего легитимизирует его нормативный характер.

В-пятых, придание нормативному тексту широкой огласки направлено на то, чтобы довести его до всеобщего сведения и обеспечить его эффективное соблюдение теми, кому он адресован.

В-шестых, делегирование полномочий по толкованию нормы права и разрешению споров независимому третьему органу и наличие механизмов ее реализации усиливает обязательство по ее соблюдению[2]. Неисполнение нормы права может быть чревато не только репутационными или политическими издержками, но и другими негативными последствиями, например, обязанностью обосновать или даже скорректировать действия или бездействие, которые привели к ее нарушению, и загладить причиненный этим нарушением ущерб[3]. Механизмы привлечения к ответственности усиливают контрафактивную силу нормативного текста.

Наконец, в-седьмых, нормативную функцию текста усиливает последующая практика, подтверждающая или развивающая изложенные в этом тексте стандарты[4]. Еще до того, как положение мягкого права кристаллизуется и становится обычаем, его повторение одним и тем же или разными органами власти усиливает его нормативный характер[5]. Простое накопление неправовых актов само по себе не может создать международное право, но появление *opinio juris*, если оно сопровождается иными формализующими факторами, может трансформировать одно в другое, доведя мягкое право до уровня международной нормативности и тем самым включив его в состав обязательной нормативной системы Совета Европы.

29. Европейский Суд рассматривает эти формализующие факторы по собственной инициативе, даже когда стороны не ссылались на них в своих представлениях или когда они имели место после обжалуемых по делу фактов[6]. Кроме того, показа-

---

[1] Решение Международного суда ООН по делу о континентальном шельфе Эгейского моря, Сборник решений Международного суда ООН (*ICJ Reports*) за 1978 год, с. 39, § 96, а также Решение Международного суда ООН по делу о делимитации морской границы и территориальных вопросах между Катаром и Бахрейном (по вопросу о подсудности дела и приемлемости жалобы для рассмотрения по существу), Сборник решений Международного суда ООН (*ICJ Reports*) за 1994 год, с. 121, § 23: для того чтобы выяснить, было заключено международное соглашение или нет, «суд должен прежде всего принять во внимание его фактические формулировки и конкретные обстоятельства, в которых оно составлялось».

[2] См. упоминавшуюся выше работу *Kleijssen*, с. 899: «подобные акты могут предусматривать механизм реализации, когда Комитет министров Совета Европы может попросить государства-участников сообщить ему о мерах, принятых во исполнение этой рекомендации. Данный способ используется во всех последних рекомендациях Комитета министров в области прав человека для обеспечения того, что эти акты станут для государств-участников конкретным источником руководящих указаний относительно мер, которые необходимо принять». На самом деле далее там сказано: «Первый довод, который следует выдвинуть, заключается в том, что на контроль за соблюдением прав человека Совет Европы уже тратит значительно больше ресурсов, чем на установление стандартов в области прав человека. Это свидетельствует о том, что осуществление контроля и реализация стандартов считаются высоко приоритетными задачами». По поводу того, как влияют эти контрольные механизмы, в том числе ЕКПП, на государства-участников, см. документ Генерального директората Совета Европы по правам человека и юридическим вопросам «Practical impact of the Council of Europe monitoring mechanisms in improving respect for human rights and the rule of law in member states», 2014 год, с. 16–56 и особенно с. 32–35; см. также: *Benoît-Rohmer*. Mécanismes de supervision des engagements des États membres et autorité du Conseil de l'Europe // *Haller and Others*. *Law* in: *Greater Europe*, 2000; *de Vel u Markert*. Importance and weaknesses of the Council of Europe Conventions and of the Recommendations addressed by the Committee of Ministers to member states в упомянутом выше сборнике *Haller and Others*. Контрольные механизмы, не предусмотренные международным договором, опираются как минимум отчасти на стандарты, основанные на таких международных договорах, как Конвенция, или на обязательства более общего характера, вытекающие из статьи 3 Устава Совета Европы (см. упомянутый выше рабочий документ Макбрайда, § 54).

[3] Такие обязательства признавались даже в контексте чисто политических требований. В Резолюции «Международные тексты, имеющие юридическое значение для взаимных отношений между их авторами, и тексты, которые его лишены» от 29 августа 1983 г. Институт международного права пришел к следующему выводу: «Нарушение чисто политических обязательств предоставляет потерпевшей стороне возможность прибегнуть ко всем имеющимся у нее средствам, чтобы положить ему конец или получить компенсацию за его вредные последствия или причиненные неудобства постольку, поскольку эти средства не запрещены международным правом». Тем более можно требовать возмещения ущерба, причиненного нарушением мягкого права.

[4] Это вовсе не означает, что закон существует лишь постольку, поскольку он соблюдается. Данный подход к установлению смысла правовых норм в зависимости от последствий их действия слишком строг, так как он ставит телегу впереди лошади.

[5] См. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Демир и Байкара против Турции», §§ 48–52, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Баятян против Армении», §§ 46–49. В качестве примера противоположной ситуации см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штуммер против Австрии» (Stummer v. Austria), жалоба № 37452/02, §§ 105–106, *ECHR* 2011.

[6] И судья В. Загребельский в своем отдельном мнении, приложенном к упоминавшемуся выше постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу по делу «Демир и Байкара против Турции», и судья А. Гюлумян в отдельном мнении, приложенном к упоминавшемуся выше Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Баятян против Армении», недооценили то, что использованные большинством

тельно, что в глазах Европейского Суда они являются не *factum*[1], которые нужно воспринимать просто как социологическую реальность, а источником *jura*[2], к которым применяется принцип *jura novit curia*[3].

30. Когда из-за действия одного или нескольких упомянутых выше факторов происходит формализация мягкого права, оно приводит к тем же правовым последствиям, что и жесткое право, несмотря на отсутствие предъявляемых к последнему формальных и процессуальных требований. Формализованное мягкое право приравнивается к обязательным положениям международного права. Во-первых, формализованное мягкое право имеет управомочивающий эффект, а значит, государство, действующее в соответствии с формализованным мягким правом, не может совершать незаконные с точки зрения международного права действия и может ссылаться на это в суде или в арбитраже. Во-вторых, формализованное мягкое право представляет собой императивное ограничение, несоблюдение которого незаконно с точки зрения международного права. В-третьих, формализованное мягкое право приводит к отмене других противоречащих ему правовых норм. В-четвертых, формализованное мягкое право нельзя снова деформализовать. По достижении им точки перехода в жесткое право возврата назад уже нет. Деформализация права имеет ограничения, связанные с конституционной силой Конвенции и Протоколов к ней. Далее я продвинусь по этой цепочке рассуждений еще на один шаг вперед.

C. КОНСТИТУЦИОННЫЙ ЗАПРЕТ СМЯГЧАТЬ ЖЕСТКОЕ ПРАВО (§§ 31–33)

31. Против признания роли мягкого права в европейском праве в области прав человека существует одно основное возражение. Во избежание любых недоразумений отметим: корпус европейских прав человека, закрепленных в Конвенции и дополнительных Протоколах к ней, – это жесткое право, полномочия по толкованию которого делегированы независимому третьему органу – Европейскому Суду. Это очень жесткое право. Оно не гнется под весом преобладающих политических требований независимо от того, насколько велико выдвигающее эти требования большинство, и имеет приоритет даже по отношению к противоречащим ему положениям конституционного права государств – членов Совета Европы[4].

32. Безусловно, конституционализация европейского правопорядка предполагает абсолютный запрет на деформализацию права. Жесткое европейское право в области прав человека смягчению не подлежит. Деформализация существующего жесткого международного права была бы равносильна уклонению от исполнения международных обязательств императивного характера. Это, очевидно, представляло бы собой злонамеренный обход международного права, подрывающий цель Конвенции и задачи Совета Европы. При реализации положений Конвенции и постановлений Европейского Суда, как и любого другого соглашения и рамочного решения Совета Европы, у государств-участников возникает обеспеченное правовыми санкциями обязательство «искренне и активно сотрудничать во имя достижения цели Совета Европы», как сказано в статье 3 Устава Совета Европы. При невыполнении данного обязательства, предусмотренного статьей 3 Устава, право любого государства-участника на представительство может быть приостановлено, а Комитет министров может потребовать от него выйти из состава организации согласно статье 7[5] Устава. Если же такой участник не выполнит это предложение, Комитет министров может принять решение о том, что он перестал состоять в Совете Европы с даты, которую определяет сам Комитет.

33. Таким образом, мягкое право не должно позволять политическим соображениям ослаблять или подрывать юридическую силу существующих обязательств по жесткому праву. На практике в концептуальном различии между обязательными правовыми нормами и необязательными неправовыми нормами всё еще много воды. В европейском праве в области прав человека производится однозначное разграничение правовых и неправовых норм, не позволяющее обязательным нормам жесткого права опускаться до уровня мягкого права. Граница между ними размывается лишь для того, чтобы поднять необязательные нормы мягкого права до уровня жесткого права.

Коротко говоря, связь между жестким и мягким правом в европейском праве в области прав человека возможна только в одном направлении, и там, где нормы жесткого права существуют, положения мягкого права могут их обогатить, но не ослабить. Если бы положения мягкого права ослабляли суще-

судей акты мягкого права появились уже после обжалуемых фактов.

[1] *Factum* (лат.) – факт (*примеч. редактора*).

[2] *Jura* (лат.) – законы (*примеч. редактора*).

[3] *Jura novit curia* (лат.) – (букв.) суд знает законы; принцип римского права, согласно которому суд и судьи вольны сами выбирать, какие законы следует применить для разрешения рассматриваемого спора (*примеч. редактора*).

[4] См. мое совместное с судьей Д. Дедовым отдельное мнение, приложенное к Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бака против Венгрии» (Baka v. Hungary) от 23 июня 2016 г., жалоба № 20261/12, а также мое отдельное мнение, приложенное к Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фабрис против Франции» (Fabris v. France), жалоба № 16574/08, *ECHR* 2013.

[5] Так в тексте. По-видимому, имеется в виду статья 8 Устава Совета Европы (*примеч. редактора*).

ствующие нормы жесткого права, это являлось бы обманом, нарушением порога нормативности европейских прав человека, а значит, патологическим случаем международной нормативности. Мягкое право – это один из возможных путей развития европейского права, а не способ повернуть его развитие вспять.

Если нормы жесткого права отсутствуют, то между этими двумя полюсами, очевидно, нет никакой связи, а мягкое право может осуществлять свои нормативные притязания в одиночку в соответствии с формализующими факторами, которые оно выдвигает.

ЧАСТЬ II (§§ 34–59)

V. ФОРМАЛИЗАЦИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПРАВА (§§ 34–42)

A. ВО ВСЕМ МИРЕ (§§ 34–38)

34. Ни одна международная организация или орган не сделали для развития пенитенциарного права столько, сколько Совет Европы, особенно Комитет министров Совета Европы и Комитет Совета Европы по предупреждению пыток. Имея в своем составе высококвалифицированных независимых экспертов, Комитет занимается реализацией стандартов пенитенциарного права в любых местах лишения свободы в Европе и за ее пределами, подпадающих под юрисдикцию любого государства – члена Совета Европы[1]. Резолюции и рекомендации Комитета министров, общие доклады и стандарты ЕКПП[2] являются важными источниками мягкого права Совета Европы в этой области. Их формулировки, несомненно, имеют предписывающий («стандарты», «правила») и технически строгий характер, а по содержанию они очень и очень точны. Обычно нормативное содержание изложенных в тексте норм обогащается пояснительными докладами или комментариями. Подготовительная работа экспертов, отражающая многодисциплинарный подход к соответствующим вопросам, закладывает прочную основу для политических решений, единогласно принимающихся всеми заинтересованными сторонами. Широкое распространение данных стандартов способствует их эффективному соблюдению государствами – членами Совета Европы. Это не виртуальные стандарты *de lege ferenda*[3] или *in fieri*[4], а настоящие нормативно-правовые акты, которые «дают представление о подходе, который следует использовать при толковании» Конвенции[5].

35. Европейский Суд сам неоднократно заявлял, что, несмотря на строго необязательный характер этих нормативно-правовых актов, он придает им «существенное значение» или «большой вес» и что «Европейский Суд регулярно принимает их во внимание при рассмотрении жалоб на жестокое обращение с людьми»[6]. Он поступал так, в частности, с Резолюцией Комитета министров Совета Европы № (73)5[7], Резолюцией Комитета министров

[1] ЕКПП был создан Конвенцией Совета Европы по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, которая вступила в силу в 1989 году. Эту конвенцию ратифицировали все 47 государств – членов Совета Европы.

[2] ЕКПП готовит общий доклад о своей деятельности, который публикуется один раз в год. Во многих своих общих докладах ЕКПП описывал некоторые из существенных вопросов, которые он учитывает во время посещений мест лишения свободы. Таким образом ЕКПП заранее недвусмысленно указал органам власти страны на свою позицию по поводу того, как следует обращаться с лишенными свободы лицами. В разделах, подготовленных на сегодняшний день, говорится о содержании под стражей в отделениях полиции, тюремном заключении, подготовке сотрудников правоохранительных органов, получении медицинской помощи в пенитенциарных учреждениях, гражданах иностранных государств, содержащихся под стражей согласно законодательству об иностранцах, принудительном помещении в психиатрические учреждения, а также лишенных свободы несовершеннолетних и женщинах. Они собраны воедино в документе, который называется «стандарты ЕКПП».

[3] *De lege ferenda* (лат.) – с точки зрения действующего законодательства (*примеч. редактора*).

[4] *In fieri* (лат.) – находящиеся в процессе становления (*примеч. редактора*).

[5] См., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Маноле и другие против Республики Молдова» (Manole and Others v. Moldova), жалоба № 13936/02, § 102, 107, *ECHR* 2009.

[6] См. Постановление Европейского Суда по делу «Мейер против Швейцарии» (Meier v. Switzerland) от 9 февраля 2016 г., жалоба № 10109/14 § 78 («существенное значение»); Постановление Европейского Суда по делу «Харакчиев и Толумов против Болгарии» (Harakchiev and Tolumov v. Bulgaria), жалобы №№ 15018/11 и 61199/12, §§ 204 и 264, *ECHR* 2014 (извлечения) («существенное значение»), которое ссылается также на 11-й и 21-й общие доклады ЕКПП; Постановление Европейского Суда по делу «Славомир Мусял против Польши» (Sławomir Musiał v. Poland) от 20 января 2009 г., жалоба № 28300/06, § 96 («важность этой рекомендации»); Постановление Европейского Суда по делу «Дюбеку против Албании» (Dybeku v. Albania) от 18 декабря 2007 г., жалоба № 41153/06, § 48 («важность этой рекомендации»); Постановление Европейского Суда по делу «Ривьер против Франции» (Rivière v. France) от 11 июля 2007 г., жалоба № 33834/03, § 72 («большой вес»). См. также Постановление Европейского Суда по делу «Штукатуров против Российской Федерации» (Shtukaturov v. Russia) от 27 марта 2008 г., жалоба № 44009/05, § 95 (см.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 2 (*примеч. редактора*)): «Несмотря на то, что данные принципы не имеют для Европейского Суда силы закона, они могут определять общеевропейские стандарты в этой области». См. также Постановление Европейского Суда по делу «Волкан Оздемир против Турции» (Volkan Özdemir v. Turkey) от 20 октября 2009 г., жалоба № 29105/03, § 39: «регулярно принимаются во внимание Европейским Судом».

[7] В первом в своем роде Постановлении по делу «S. против Швейцарии» (S. v. Switzerland) от 28 ноября 1991 г., жалоба № 12629/87, § 48 Европейский Суд решил, что право об-

Совета Европы № (76)2 «Об обращении с заключенными, осужденными к длительным срокам лишения свободы», Рекомендацией № (87)3 «О Европейских пенитенциарных правилах» (с изменениями, внесенными Рекомендацией № Rec(2006)2)[1], Рекомендацией Комитета министров Совета Европы государствам-участникам № R(98)7 «Об этических и организационных аспектах оказания медицинской помощи в пенитенциарных учреждениях», Рекомендацией № Rec(99)4 «О принципах правовой защиты недееспособных граждан во взрослом возрасте», Рекомендацией № 2003(23) «Об исполнении наказания в виде пожизненного лишения свободы и лишения свободы на длительный срок администрацией пенитенциарных учреждений» и Резолюцией Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 2010(2014) «Дружественная к детям ювенальная юстиция: от риторики к реальности»[2].

36. В §§ 113 и 141 настоящего Постановления большинство судей отошли от данного подхода. Они уже не считают, что стандарты ЕКПП имеют «существенное значение» или «бóльшой вес», а лишь подтверждают, что Европейский Суд «продолжает внимательно следить за стандартами, которые разрабатывает ЕКПП». Откровенно говоря, большинство судей принижают важность работы ЕКПП, делая прискорбный шаг назад в защите заключенных и других содержащихся под стражей лиц в Европе. Однако это еще не всё.

37. Нормативный выбор Комитета министров Совета Европы необходимо рассматривать на фоне формализации мягкого пенитенциарного права в Европе и во всем мире, а большинство судей не приняли это обстоятельство во внимание.

На общемировом уровне ООН, а также другие международные организации и органы постоянно принимают усилия по расширению содержания и повышению точности Минимальных стандартных правил обращения с заключенными 1957 года. В частности, они утвердили следующие документы: Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних 1985 года (Пекинские правила)[3], Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме 1988 года[4], Правила ООН о защите лишенных свободы несовершеннолетних 1990 года (Гаванские правила)[5], Руководящие принципы ООН по предупреждению преступности среди несовершеннолетних 1990 года (Эр-Риядские руководящие принципы)[6], Стамбульское заявление о применении одиночного заключения и его последствиях 2007 года[7], Правила ООН, касающиеся обращения

виняемого общаться со своим адвокатом вне пределов слышимости третьих лиц является частью основных требований к справедливому судебному разбирательству в демократическом обществе и следует из подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, на основании статьи 93 Стандартных минимальных правил обращения с заключенными, приложенных к резолюции Комитета министров Совета Европы № (73) 5, где это право провозглашается.

[1] См. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Энеа против Италии» (Enea v. Italy), жалоба № 74912/01, § 101, *ECHR* 2009: «Хотя эта рекомендация не является для государств-участников юридически обязательной, огромное большинство этих государств признает, что заключенные пользуются бóльшей частью упомянутых в ней прав, и предусматривает возможности обжаловать меры по ограничению этих прав».

[2] Помимо этого Европейский Суд использовал доклады ЕКПП по отдельным странам, считая их надежными и беспристрастными источниками фактических сведений о ситуации с тюрьмами и центрами содержания под стражей начиная с Постановления по делу «Амюр против Франции» (Amuur v. France) от 25 июня 1996 г., жалоба № 19776/92, § 28, и Постановления по делу «Аэртс против Бельгии» (Aerts v. Belgium) от 30 июля 1998 г., § 42, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-V). Хотя ЕКПП и не является следственным органом, его доклады играют важную роль при описании ситуации в европейских странах на местах.

[3] Приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 40/33 от 29 ноября 1985 г. Впервые Европейский Суд сослался на них в Постановлении по делу «V. против Соединенного Королевства» (V. v. United Kingdom) от 16 декабря 1999 г., жалоба № 24888/94, § 73: «В правиле 4 Пекинских правил, которые хотя и не являются юридически обязательными, но могут дать какие-то указания на существование международного консенсуса, не указывается возраст наступления уголовной ответственности, и государствам просто предлагается не устанавливать его на слишком низком уровне».

[4] Принят Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 43/173 от 9 декабря 1988 г. Впервые Европейский Суд сослался на него в Постановлении по делу «Бранниган и Макбрайд против Соединенного Королевства» (Brannigan and McBride v. United Kingdom) от 26 мая 1993 г., жалоба № 14553/89, § 61.

[5] Приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 45/113 от 14 декабря 1990 г. Европейский Суд сослался на них в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Блохин против Российской Федерации» (Blokhin v. Russia) от 23 марта 2016 г., жалоба № 47152/06, § 87 (см.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 12 (*примеч. редактора*)). Впервые они были упомянуты в отдельном мнении, приложенном к Постановлению Европейского Суда по делу «Эртуш против Турции» (Ertuş v. Turkey) от 5 ноября 2013 г., жалоба № 37871/08.

[6] Приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 45/112 от 14 декабря 1990 г. Европейский Суд сослался на них в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Блохин против Российской Федерации», § 88. Впервые они были упомянуты в отдельном мнении, приложенном к упоминавшемся выше Постановлению Европейского Суда по делу «Эртуш против Турции».

[7] Принято рабочей группой, состоящей из 24 международных экспертов, 9 декабря 2007 г.; приложено к промежуточному докладу Специального докладчика Совета по правам человека по пыткам и другому жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию Манфреда Новака от 28 июля 2008 г. Специальный докладчик счел его «полезным средством повышения уважения и уровня защиты прав заключенных». Недавно Европейский Суд сослался на него в Постановлении по делу «Бабар Ахмад и другие против Соединенного Королевства» (Babar Ahmad and Others v. United Kingdom) от 10 апреля 2012 г., жалобы №№ 24027/07, 11949/08, 36742/08, 66911/09 и 67354/09, § 120.

с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы 2010 года (Бангкокские правила)[1] и, совсем недавно, новая, более подробная редакция Минимальных стандартных правил (Правила Нельсона Манделы 2015 года)[2].

10 декабря 1984 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Согласно статье 17 указанной Конвенции был создан Комитет против пыток, состоящий из 10 независимых экспертов, которых наделили широкими полномочиями по изучению и расследованию фактов пыток. Комитет начал функционировать 1 января 1988 г.

38. Эти усилия нашли отражение и на региональном уровне. Вспомним Кампальскую декларацию об условиях содержания в тюрьмах в странах Африки 1996 года[3], Арушскую декларацию о надлежащей практике содержания в тюрьмах 1999 года[4], Уагадугскую декларацию и план действий по ускорению реформ тюремной и пенитенциарной системы в странах Африки 2002 года[5], Европейские пенитенциарные правила 2006 года с внесенными в них изменениями, а также Принципы и передовой опыт защиты лиц, лишенных свободы, на американском континенте 2008 года[6].

[1] Приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 65/229 21 декабря 2010 г. Недавно Европейский Суд сослался на них в постановлении по делу «Корнейкова и Корнейков против Украины» (Korneykova and Korneykov v. Ukraine) от 24 марта 2016 г., жалоба № 56660/12, § 91. Впервые они были упомянуты в отдельном мнении, приложенном к Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хорошенко против Российской Федерации» (Khoroshenko v. Russia), жалоба № 41418/04, *ECHR* 2015 (см.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 9 (примеч. редактора)).

[2] Приняты единогласно Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 70/175 от 17 декабря 2015 г.

[3] Принята консенсусом в сентябре 1996 года 133 делегатами из 47 стран, в том числе из 40 стран Африки, встреча которых состоялась в г. Кампала (*Kampala*) (Уганда). В этой встрече участвовали Председатель Африканской комиссии по правам человека и народов, министры, члены комиссии по пенитенциарным вопросам, судьи, а также представители международных, региональных и внутригосударственных неправительственных организаций, занимающихся условиями содержания в учреждениях пенитенциарной системы.

[4] Утверждена пенитенциарными службами в странах Центральной, Восточной и Южной Африки в г. Аруша (Arusha) (Танзания) 23–27 февраля 1999 г.

[5] Утверждена Второй панафриканской конференцией по реформам тюремной и пенитенциарной системы в странах Африки, которая прошла в г. Уагадугу (*Ouagadougou*) (Буркина-Фасо) 18–20 сентября 2002 г.

[6] OEA/Ser/L/V/II.131 док. 26. Резолюция Межамериканской комиссии по правам человека № 1/08 «Принципы и передовой опыт защиты лиц, лишенных свободы, на американском континенте» от 13 марта 2008 г.

B. В СОВЕТЕ ЕВРОПЫ (§§ 39–42)

39. В Европе формализация мягкого пенитенциарного права особенно заметна. Большинство судей не приняли во внимание, что в измененных Европейских пенитенциарных правилах 1987 года и в пояснительном докладе к ним ничего не говорится о необходимой норме площади в одиночных и общих камерах в местах лишения свободы[7], однако изменения, внесенные в Европейские пенитенциарные правила в 2006 году, восполнили данный пробел, предусмотрев в комментарии к правилу 18 ясное указание на нормативный стандарт для мест лишения свободы в Европе с учетом прежней работы ЕКПП. Не будем забывать, что при этом, как сказано в самом комментарии, преследовалась цель «усиления» норм о размещении заключенных[8].

40. Еще хуже, что большинство судей, по-видимому, не заботит, что позиция ЕКПП нашла политическое подтверждение на самом высоком уровне Совета Европы, в его собственном руководящем органе – Комитете министров[9]. Большинство судей игнорируют тот факт, что комментарий к правилу 18 Европейских пенитенциарных правил дословно воспринял стандарты ЕКПП о минимальной норме площади в общих камерах в местах лишения свободы. Сто́ит напомнить тон этого комментария[10]:

> В правиле 18 содержится и ряд новых элементов. Во-первых, правило 18.3 призывает государства принять соответствующее национальное законодательство, в котором оговаривались бы конкретные стандарты, и обеспечить их осуществление. Подобные стандарты должны учитывать

[7] См. Рекомендацию Комитета министров Совета Европы № R(87)3 от 12 февраля 1987 г. и Пояснительный меморандум к ней. В редакции Правил 1987 года о площади, которой необходимо обеспечивать заключенным, говорится только в правиле 15 («Помещения, в которых содержатся заключенные, и, в частности, спальные места должны удовлетворять требованиям санитарии и гигиены с должным учетом климатических условий, особенно в том, что касается кубатуры воздуха, разумной площади, освещения, отопления и вентиляции»), которое пояснялось следующим образом: «желательно, чтобы на внутригосударственном уровне на основании данного правила составлялись стандартные требования в соответствии с местными условиями и практикой».

[8] Примечательно, что комментарий к правилу 18 начинается так: «Настоящее правило касается размещения заключенных. Изменения в законодательстве о правах человека в Европе означают, что правила размещения также нуждаются в укреплении». Далее в комментарии отмечается: «В новой редакции Правил вопросу об обеспечении соответствующих условий содержания уделяется дополнительное внимание, при этом данный вопрос увязывается с прочими аспектами, касающимися размещения…».

[9] Как выразился сам Европейский Суд, Комитет министров Совета Европы – это лучший проводник международного консенсуса (Постановление Европейского Суда по делу «М.С. против Болгарии» (M.C. v. Bulgaria) от 4 декабря 2003 г., жалоба № 39272/98, § 162).

[10] Комментарий к Рекомендации Комитета министров Совета Европы государствам-участникам Rec(2006)2 «О Европейских пенитенциарных правилах», с. 6.

широкий спектр различных аспектов человеческого достоинства, а также такие практические, как здоровье и гигиена. Комментируя условия содержания и пространство, выделяемое в пенитенциарном учреждении на каждого заключенного в разных странах, ЕКПП содействует разработке в них определенных минимальных стандартов. Они составляют 4 кв. м на заключенного в многоместной камере и 6 кв. м – в одиночной камере. При этом (*sic*[1]) данные минимальные стандарты основаны на более широком анализе конкретной тюремной системы, включающем данные о том, сколько реально времени заключенные проводят в собственной камере. И не должны рассматриваться в качестве нормы. Хотя ККПП напрямую об этом ни разу еще не определял в открытую таких норм, имеющиеся сведения указывают на то, что в качестве желательного размера камеры на одного заключенного будет избрано 9–10 кв. м. В данной области ЕКПП может внести значительный вклад в те достижения, которых уже удалось добиться по этому вопросу. Сейчас требуется провести тщательное изучение вопроса о том, какой размер камеры наилучшим образом подходит для содержания различного числа заключенных. При определении подходящего размера необходимо учесть и количество часов, которые заключенные проводят в камере. Четкие требования к минимальным размерам камеры, не унижающим человеческое достоинство, должны быть разработаны и для заключенных, которые значительную часть времени проводят вне камеры…».

41. На Европейские пенитенциарные правила и соответствующий комментарий к ним проецируется авторитет высшего политического органа Совета Европы – Комитета министров, который рекомендовал властям государств-участников «руководствоваться в своем законотворчестве, политике и практике правилами, содержащимися в приложении к настоящей рекомендации», а также «обеспечить перевод и максимально широкое распространение ее текста и сопроводительного комментария к ней, в частности, среди судебных органов, сотрудников пенитенциарных учреждений и отдельных заключенных». Большинству судей не следовало так легко игнорировать столь ясное и недвусмысленное выражение политической воли и юридического понимания того, что государства – члены Совета Европы продолжают «совершенствовать и соблюдать общие принципы при проведении своей пенитенциарной политики»[2]. Большинство судей не могут ссылаться на стандарты Европейских пенитенциарных правил в области размещения заключенных и одновременно игнорировать указания комментария относительно цели этих Правил. Такое поверхностное толкование оказало бы Европейским пенитенциарным правилам плохую услугу. Как очень четко сказано в самом комментарии, Европейские пенитенциарные правила направлены на то, чтобы заставить «государства принять соответствующее национальное законодательство, в котором оговаривались бы конкретные стандарты, и обеспечить их осуществление», и эти реализуемые стандарты включают в себя определенные европейские «минимальные стандарты» в области размещения заключенных: в первую очередь нужно установить «четкие требования к минимальным размерам камеры».

42. Кроме того, игнорируя «усиленные» «обязательные» *минимальные* стандарты в области размещения заключенных, закрепленные в Европейских пенитенциарных правилах и в комментарии к ним, большинство судей пренебрегают пенологической работой Совета по пенологическому сотрудничеству Европейского комитета по проблемам преступности, на которую эти Правила опираются[3].

[1] Так в тексте особого мнения (*примеч. редактора*).

[2] Единственной страной, заявившей о своем несогласии, правда, по очень узкому вопросу, оказалась Дания. Представитель Дании сделал оговорку, что власти его страны вправе решать, соблюдать им или нет пункт 2 правила 43 приложения к этой рекомендации относительно требования о том, что заключенных, содержащихся в одиночной камере, должны ежедневно посещать медицинские работники.

[3] В дополнение к Европейской конвенции о надзоре за условно осужденными или условно освобожденными преступниками 1964 года (ETS № 51), Конвенции о передаче осужденных лиц 1983 года (ETS № 112) и Дополнительному протоколу к Конвенции о передаче осужденных лиц 1997 года (ETS № 167), Совет Европы с самых первых дней своего существования играл очень большую роль в формировании стандартов в области пенитенциарного права. Об этом свидетельствуют, в частности, Рекомендации CM/Rec (2014)4 «Об электронном мониторинге», CM/Rec (2014)3 «Об опасных преступниках», CM/Rec (2012)12 «Об иностранных заключенных», CM/Rec (2012)5 «О Европейском кодексе этики для работников пенитенциарной системы», CM/Rec (2010)1 «О правилах Совета Европы по назначению условного наказания», Rec (2008) 11 «О европейских правилах для несовершеннолетних правонарушителей, к которым применяются санкции или меры воздействия», Rec (2006)13 «О применении содержания под стражей, об условиях, в которых оно должно осуществляться, и о гарантиях недопущения злоупотреблений», Rec (2003)23 «Об обращении с заключенными, осужденными к пожизненному лишению свободы, и с другими заключенными, осужденными к лишению свободы на длительный срок», Rec (2003)22 «Об условно-досрочном освобождении», Rec (2000)22 «О повышении эффективности применения европейских правил об общественных санкциях и мерах воздействия», R (99)22 «О проблеме переполнения тюрем и увеличения числа лиц, находящихся под стражей», R (99)19 «О медиации по уголовным делам», R (98)7 «Об этических и организационных аспектах здравоохранения в пенитенциарных учреждениях», R (97)12 «О сотрудниках, занимающихся исполнением наказаний и мер воздействия», R (93)6 «О пенитенциарных и криминологических аспектах борьбы с инфекционными заболеваниями, в частности СПИДом, и смежных проблемах охраны здоровья в пенитенциарных учреждениях», R (92)18 «О практическом применении Конвенции о передаче осужденных лиц», R (92)16 «О европейских правилах об общественных санкциях и мерах воздействия», R (89)12 «Об образовании в тюрьмах», R (88)13 «О практическом применении Конвенции о передаче осужденных лиц», R (84)11 «Об информации по Конвенции о передаче осужденных лиц», R (82)7 «О содержании опасных преступников под стражей и обращении с ними», R (82)16 «О предоставлении заключенным краткосрочных отпусков»,

Не располагая конкретными результатами научных исследований, расходящимися с мнением экспертов Совета по пенологическому сотрудничеству Европейского комитета по проблемам преступности, большинство судей просто провозгласили *ex cathedra*[1] свою собственную иную точку зрения. Фактически большинство судей не привели каких-либо экспертных заключений или научного анализа, которые могли бы опровергнуть единогласное мнение международных экспертов, выраженное в инструментах мягкого права[2]. Кроме того, не была рассмотрена давно установленная учеными связь между переполненностью мест лишения свободы, отсутствием нормальных бытовых условий и негативными последствиями для психики заключенных, в том числе эмоциональной неустойчивостью, агрессивностью и членовредительством[3]. *In umbris est potestas*[4].

VI. БОРЬБА С ПЕРЕПОЛНЕННОСТЬЮ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ (§§ 43–47)

А. МИНИМАЛЬНАЯ НОРМА ЖИЛОЙ ПЛОЩАДИ В СТАНДАРТАХ МККК (§§ 43–45)

43. Переполненность мест лишения свободы как системная проблема европейских систем уголовной юстиции находится в поле зрения Европейского Суда с 2009 года[5]. Структурный характер данной проблемы, а значит, необходимость решать ее в целом впервые была признана применительно к пенитенциарным учреждениям в Польше[6], а затем и относительно следственных изоляторов в Российской Федерации[7], учреждений пенитенциарной системы Италии[8], Бельгии[9], Болгарии[10], Венгрии[11] и Литвы[12].

44. Первоочередной задачей лишения человека свободы является его реинтеграция в общество[13]. Переполненность пенитенциарных учреждений с его физическими, психологическими и социальными последствиями – это первое препятствие на пути реализации любой программы реинтеграции в общество. Достаточность жилой площади

R (79)14 «О применении Европейской конвенции о надзоре за условно осужденными или условно освобожденными преступниками», резолюция № (70)1 «О практической организации мер по надзору за условно осужденными или условно освобожденными преступниками и по последующему их сопровождению», резолюция № (67)5 «Об изучении заключенных на основе индивидуального подхода и тюремного сообщества», а также резолюция № (62)2 «Об избирательных, гражданских и социальных правах заключенных».

[1] *Ex cathedra* (лат.) – (букв.) с престола. В католицизме учение Папы, произнесенное *ex cathedra*, обладает свойством безошибочности и непогрешимости (*примеч. редактора*).

[2] Данный довод использовал сам Европейский Суд в деле «Киютин против Российской Федерации» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Киютин против Российской Федерации» (Kiyutin v. Russia) от 10 марта 2011 г., жалоба № 2700/10, § 67 (Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 12 (*примеч. редактора*).).

[3] См., например, недавно принятую Советом по пенологическому сотрудничеству Европейского комитета по проблемам преступности Белую книгу о переполненности мест лишения свободы, (2015) 6 rev. 7, 30 июня 2016 г., § 33–39; документ Criminal Justice Alliance, «Crowded Out? The impact of prison overcrowding on rehabilitation» 2012 года, и упомянутое выше руководство МККК «Водоснабжение…», с. 35, где говорится о «серьезных отрицательных последствиях для физического и психологического здоровья заключенных», а также учащении беспорядков в местах лишения свободы. Переполненность разрушительно влияет на быт заключенных, их занятия и обращение с ними. Так, в докладе Совместного комитета по правам человека 2004 года выражалась озабоченность тем, что переполненность мест лишения свободы связана с ростом количества самоубийств заключенных.

[4] *In umbris est potestas* (лат.) – в незнании сила (*примеч. редактора*).

[5] Выражение «переполненность мест лишения свободы» в настоящем отдельном мнении используется в максимально широком смысле, в частности, имеются в виду не только тюрьмы, но и все остальные государственные места лишения свободы, такие как полицейские участки и тюремные больницы. Соответственно, под «заключенными» я понимаю лиц, содержащихся под стражей до суда, отбывающих наказание в виде лишения свободы или лежащих в тюремных больницах.

[6] Постановление Европейского Суда по делу «Орховский против Польши» (Orchowski v. Poland) от 22 октября 2009 г., жалоба № 17885/04, от 22 октября 2009 г., жалоба № 17885/04, а также Постановление Европейского Суда по делу «Норберт Сикорский против Польши» ((Norbert Sikorski v. Poland) от 22 октября 2009 г., жалоба № 17599/05.

[7] Постановление Европейского Суда по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации» (Ananyev and Others v. Russia) от 10 января 2012 г., жалобы №№ 42525/07 и 60800/08, § 239 (см.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 8 (*примеч. редактора*).).

[8] Постановление Европейского Суда по делу «Торреджиани и другие против Италии» ((Torreggiani and Others v. Italy) от 8 января 2013 г., жалобы №№ 43517/09, 46882/09, 55400/09, 57875/09, 61535/09, 35315/10 и 37818/10. Новые внутригосударственные средства правовой защиты рассматривались в Решении Европейского Суда по делу «Стелла и другие против Италии» (Stella and Others v. Italy) от 16 сентября 2014 г., жалобы №№ 49169/09, 54908/09, 55156/09, 61443/09, 61446/09, 61457/09, 7206/10, 15313/10, 37047/10, 56614/10, 58616/10.

[9] Постановление Европейского Суда по делу «Василеску против Бельгии» (Vasilescu v. Belgium) от 25 ноября 2014 г., жалоба № 64682/12, § 128.

[10] Постановление Европейского Суда по делу «Нешков и другие против Болгарии» (Neshkov and Others v. Bulgaria) от 27 января 2015 г., жалобы №№ 36925/10, 21487/12, 72893/12, 73196/12, 77718/12 и 9717/13, §§ 281, 292.

[11] Постановление Европейского Суда по делу «Варга и другие против Венгрии» (Varga and Others v. Hungary) от 10 марта 2015 г., жалобы №№ 14097/12, 45135/12, 73712/12, 34001/13, 44055/13 и 64586/13.

[12] Постановление Европейского Суда по делу «Миронова и другие против Литвы» (Mironovas and Others v. Lithuania) от 8 декабря 2015 г., жалобы №№ 40828/12, 29292/12, 69598/12, 40163/13, 66281/13, 70048/13 и 70065/13.

[13] См. мое отдельное мнение, приложенное к постановлению Европейского Суда по делу «Оджалан против Турции (№ 2)» (Oçalan v. Turkey) (№ 2) от 18 марта 2014 г., жалобы №№ 24069/03, 197/04, 6201/06 и 10464/07.

у заключенных является необходимым условием их реинтеграции в общество[1]. Эти абсолютно минимальные требования к площади по сути не отличаются применительно к психически здоровым и нездоровым заключенным, заключенным, содержащимся под стражей до суда, заключенным, отбывающим наказание впервые или уже не в первый раз, поскольку с точки зрения статьи 3 Конвенции отсутствуют объективные основания применять разные стандарты защиты к психически нездоровым и психически здоровым людям и уж тем более проводить различие между психически здоровыми заключенными по признаку суровости назначенного им наказания или в зависимости от того, идет речь о предварительном содержании под стражей или об отбывании наказания по вступившему в силу приговору суда.

45. В отсутствие универсальных стандартов Международный комитет Красного Креста (далее – МККК) рекомендует, чтобы в одиночных камерах на одного человека приходилось 5,4 кв. м личного пространства (не считая площади туалетов), а в общих камерах и спальнях – 3,4 кв. м (с учетом площади туалетов)[2]. По расчетам МККК, площадь спального места на кровати должна составлять не менее 1,6 кв. м, а площадь туалета и душевой – не менее 1,2 кв. м. Говоря о чрезвычайных ситуациях[3], МККК сначала заявил, что в камерах и спальнях на одного человека ни при каких обстоятельствах не должно приходиться менее 2 кв. м, но позднее отменил эту рекомендацию и призывает лишь вернуть пенитенциарное учреждение в нормальное состояние (в том числе и в отношении минимальной нормы площади) «как можно скорее».

[1] Как указано в Справочнике Управления ООН по борьбе с наркоманией и преступностью по стратегиям сокращения переполненности мест лишения свободы 2010 года, переполненность мест лишения свободы является «первопричиной ряда проблем и нарушений прав человека в пенитенциарных учреждениях по всему миру и несет в себе угрозу в лучшем случае перспективам реинтеграции заключенных в общество, а в худшем случае их жизни».

[2] См. руководство МККК «Водоснабжение, санитария, гигиена и условия нахождения в тюрьмах» 2012 года. Также МККК отмечает, что соответствующую норму площади нельзя оценивать просто путем измерения имеющегося пространства. Необходимо принимать во внимание и другие факторы, в частности, состояние здания, количество времени, которое заключенные проводят в спальной зоне, количество человек в этой зоне, мероприятия, которые проходят на этой площади, вентиляцию и освещение, имеющиеся в пенитенциарном учреждении объекты инфраструктуры и услуги, а также степень контроля, который там обеспечивается.

[3] С точки зрения МККК, «чрезвычайные ситуации вызываются внезапными непродолжительными событиями. К ним можно отнести политические кризисы, стихийные бедствия, пожары, беспорядки, санитарно-эпидемиологические кризисы, требующие изолировать большое количество заключенных, или происшествия, требующие перевести заключенных из поврежденной тюрьмы в другое учреждение».

B. МИНИМАЛЬНАЯ НОРМА ЖИЛОЙ ПЛОЩАДИ В СТАНДАРТАХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРАВИЛ (§§ 46–47)

46. В европейском пенологическом контексте стандарты «усиленной» редакции Европейских пенитенциарных правил 2006 года являются более либеральными. Как отмечают Комитет министров Совета Европы и ЕКПП[4], минимальная норма жилой площади на каждого заключенного должна составлять не менее 6 кв. м при размещении в одиночной камере, не считая площади санузлов, и не менее 4 кв. м на человека при размещении в общей камере, не считая площади полностью отгороженных санузлов, причем между стенами камеры должно быть не менее 2 метров, а между полом и потолком камеры – не менее 2,5 метров. В общих камерах, рассчитанных не более чем на четырех заключенных, к минимальной норме площади в 6 кв. м прибавляется еще по 4 кв. м на каждого дополнительного заключенного. Таким образом, эта голая минимальная норма жилой площади на одного человека в местах лишения свободы является абсолютным требованием, невыполнение которого само по себе приводит к нарушению статьи 3 Конвенции.

47. Кроме того, Европейские пенитенциарные правила требуют, чтобы внутригосударственное законодательство устанавливало конкретные минимальные требования к размещению заключенных, при этом особое внимание необходимо уделять площади, кубатуре воздуха, освещению, отоплению и вентиляции (правила 18.1–18.3). Следовательно, целесообразно установить максимальную вместимость (*numerus clausus*[5]) для каждого пенитенциарного учреждения, определив норму площади на каждого заключенного как минимальное значение, выраженное в квадратных и кубических метрах. Таким образом, недопустимо исходить из предположения, что вместимость пенитенциарного учреждения – это нечеткое понятие, растяжимость которого можно использовать для манипулирования тюремными реалиями, делая переполненность более или менее заметной. Если и когда вместимостью пенитенциарных учреждений пренебрегают, должна быть возможность немедленно воспользоваться превентивными средствами правовой защиты.

[4] См. Комментарий к правилу 18 Европейских пенитенциарных правил, документ ЕКПП «Норма жилой площади на одного заключенного: стандарты ЕКПП», принятый в декабре 2015 года, а также Белую книгу о переполненности мест лишения свободы от 23 августа 2016 г., § 37.

[5] *Numerus clausus* (лат.) – ограничительное положение (*примеч. редактора*).

VII. ПРИМЕНЕНИЕ КОНВЕНЦИОННЫХ СТАНДАРТОВ В НАСТОЯЩЕМ ДЕЛЕ (§§ 48–59)

А. ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ КУМУЛЯТИВНЫЙ ПОДХОД БОЛЬШИНСТВА СУДЕЙ (§§ 48–53)

48. Большинство судей достаточно противоречивым образом обошли «абсолютный» характер запрета, установленного статьей 3 Конвенции, и «соответствующих минимальных стандартов» в области размещения заключенных в общих камерах (см. § 110 и 113 настоящего Постановления), придя к выводу, что определение степени жестокости, требующейся для того, чтобы обращение подпало под действие этой статьи Конвенции, является «относительным» и зависит от результатов «всестороннего изучения условий содержания под стражей в каждом конкретном случае» (см. §§ 122 и 123 настоящего Постановления).

49. Фактически большинство судей используют «кумулятивный» подход в двух очень разных целях: с одной стороны, кумулятивное воздействие «компенсирующих факторов» используется для смягчения обязательств по статье 3 Конвенции, освобождая государство от всякой ответственности по Конвенции (см. §§ 137 и 138 настоящего Постановления), с другой стороны, кумулятивное воздействие «отягчающих обстоятельств», например, плохих материальных условий содержания под стражей и отсутствия занятий вне камеры, можно считать бесчеловечным или унижающим достоинство даже в тех случаях, когда на каждого человека в камере приходится достаточно места (см. § 140 настоящего Постановления).

50. Я согласен со вторым доводом, но не согласен с первым.

Когда в распоряжении заключенного достаточно личной жилой площади, к выводу о нарушении статьи 3 Конвенции могут привести другие негативные аспекты материальных условий содержания под стражей. В ситуации, когда достаточная личная жилая площадь сочетается с неудовлетворительными условиями для сна, плохими освещением, вентиляцией, отоплением, санитарной обстановкой и медицинской помощью, тем не менее необходимо недвусмысленно констатировать факт ненадлежащего обращения с заключенным.

В случае содержания под стражей психически нездоровых заключенных после вынесения им обвинительного приговора, а также психически здоровых заключенных, осужденных к лишению свободы на срок от пяти лет и более, отсутствие индивидуального плана отбывания наказания или, при наличии такового, любые серьезные недостатки в его реализации являются существенными отягчающими обстоятельствами. Личное жилое пространство в пенитенциарном учреждении необходимо рассматривать в контексте применимого механизма реинтеграции в общество[1]. Отсутствие программ оказания медицинской помощи, прогулок, обучения и работы или недостатки в существующих программах усугубляют ситуацию, в которой находится заключенный. Любое нарушение правил о разделении заключенных тесно связано с этим аспектом и тоже должно приниматься во внимание.

51. Вместе с тем я не могу согласиться с доводом о том, что дефицит личного жилого пространства может компенсироваться наличием других материальных условий, например, личным пространством для сна, естественным освещением днем и электрическим освещением ночью, вентиляцией, отоплением, хорошими гигиеническими условиями и нормальным питанием. В противном случае кумулятивное воздействие «компенсирующих» факторов приведет к размыванию абсолютных стандартов, установленных статьей 3 Конвенции, провоцируя администрацию пенитенциарных учреждений вступить на скользкую дорожку, не предполагающую никаких объективных ограничений[2].

52. Именно этому соблазну и поддалось большинство судей. Они ссылались на опровержимую «устойчивую» презумпцию нарушения статьи 3 Конвенции, возникающую, когда заключенному в камере не гарантируется 3 кв. м личного пространства, причем у государства-ответчика есть возможность опровергнуть эту презумпцию, если оно сможет доказать, что лишение личного пространства было «непродолжительным, эпизодическим и незначительным». Однако большинство судей не дали ни малейшего определения указанных ограничений. Во времена экономического кризиса обязанность защищать достоинство содержащихся под стражей лиц важнее, чем обычно, и для выполнения этой задачи требуются четкие правила, о чем недавно заявили представители органов по борьбе с пытками на европейском уровне и на уровне ООН[3]. Кроме того, большинство судей включают в площадь камеры место, занимаемое предметами, которые в ней находятся (см. § 114 настоящего Постановления), хотя это может существенно снизить возможности свободно передвигаться по камере.

53. Далее, компенсирующие факторы, на которые ссылалось большинство судей, например, «достаточно большая свобода передвижения за

[1] См. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Варга и другие против Венгрии», §§ 15, 16 и 51.

[2] См. уже в том же смысле мое отдельное мнение, приложенное к упоминавшему выше Постановлению Европейского Суда по делу «Мироновас и другие против Литвы».

[3] См. заявление председателя подкомитета ООН по предупреждению пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания Малколма Эванса и председателя ЕКПП Миколы Гнатовского от 24 июня 2016 г.

пределами камеры и содержательные занятия вне камеры», уже должны быть частью нормальных условий содержания в пенитенциарном учреждении и даже «удовлетворительных условий содержания под стражей» в очень широком смысле. В приведенных рассуждениях есть серьезный логический изъян. В этом отношении критерии, которыми пользуется большинство судей, едва ли соответствуют принципу Оккама. *Pluralitas non est ponenda sine necessitate*[1].

Большинство судей совершенно напрасно используют для обоснования чрезвычайно низкой нормы личного пространства, которая обеспечивается содержащимся под стражей лицам, то, что должно являться обычными условиями содержания в пенитенциарном учреждении. С точки зрения большинства судей, нормальные бытовые условия служат оправданием ненормальных показателей площади. Логика требует, чтобы чрезвычайные негативные обстоятельства компенсировались только чрезвычайными позитивными обстоятельствами противоположного свойства. Однако логику рассуждений большинства судей это не затрагивает. Они не требуют, чтобы лишение права каждого заключенного на размещение в пенитенциарном учреждении на достаточной площади компенсировалось чрезвычайными позитивными факторами.

B. ЛОГИЧЕСКИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ ЛИЧНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ КУМУЛЯТИВНЫЙ ПОДХОД (§§ 54–59)

54. Заявитель по настоящему делу провел под стражей 240 дней. Согласно поэтажным планам Бьеловарской тюрьмы, предоставленным Европейскому Суду государством-ответчиком, которые заявитель не оспаривал, в течение не идущих подряд периодов времени общей продолжительностью 70 дней на него в камерах приходилось не менее 4 кв. м личного пространства. (*Таблица 1*).

55. Согласно тем же данным, в течение не идущих подряд периодов времени продолжительностью 170 дней на заявителя в камерах приходилось менее 4 кв. м личного пространства. (*Таблица 2*).

56. Из тех 170 дней, когда личное пространство заявителя не превышало 4 кв. м, в течение 50 дней на него приходилось менее 3 кв. м. (*Таблица 3*).

57. Другими словами, простой статистический анализ имеющихся данных показывает, что заявитель провел более двух третей срока, в течение которого он содержался под стражей, в переполненных камерах, согласно стандартам Комитета министров Совета Европы, ЕКПП и Совета по пенологическому сотрудничеству Европейского комитета по проблемам преступности. Приведенные выше сведения подтверждают, что заявитель провел 29,1% срока, в течение которого он содержался под стражей, в камерах, где на него приходилось не менее 4 кв. м личного пространства, а 70,9% этого срока – в камерах, где на него приходилось мене 4 кв. м. Из общего количества проведенных под стражей дней 20,8% времени он содержался в камерах, где на него приходилось менее 3 кв. м личного пространства. Я не в состоянии понять, как большинство судей могут утверждать, что 20,8%, то есть одна пятая часть срока, в течение которого заявитель содержался под стражей, представляет собой «непродолжительное, эпизодическое и незначительное» уменьшение необходимой минимальной нормы площади. Такой статистически странной оценкой большинство судей лишают общепринятое значение этих прилагательных всякого смысла. Это особенно серьезно, если учесть, что в настоящем деле дополнительно имело место грубое нарушение норм внутригосударственного законодательства, соответствующих стандартной норме площади в 4 кв. м на человека, которая принята в Совете Европы. Фактически аналогичные попытки отбелить репутацию уже предпринимал Конституционный суд Хорватии, который, используя прецедентную практику страсбургского Суда, откровенно пренебрег требованиями законов своей страны.

58. Наконец, большинство судей не рассмотрели две основные жалобы, с которыми заявитель постоянно обращался в органы власти Хорватии. Во-первых, он хотел работать, а в тех пенитенциарных учреждениях, где он содержался, возможностей для работы не было. Большинство судей перепутали содержательное, плодотворное проведение заключенным свободного времени с просмотром телевизора бóльшую часть дня и эпизодической игрой в баскетбол или в настольный теннис в течение одного-двух часов. Отсутствие плодотворных занятий у тех, кто хочет работать, не менее унизительно, чем неоплачиваемая или плохо оплачиваемая работа.

59. Во-вторых, заявителю не обеспечили реальной возможности видеться со своими родственниками или поддерживать связи со своей семьей. Учитывая, что его родственники не могли себе позволить ездить в тюрьму (а государство-ответчик этого не оспаривало), администрация тюрьмы должна была принять меры к тому, чтобы заявитель мог разговаривать по телефону дольше, чем 20 минут в неделю и дополнительно 10 минут по праздникам. Кроме того, из доводов государства-ответчика неясно, почему просьба заявителя перевести его в другую тюрьму поближе к месту проживания его семьи была сначала проигнорирована, а затем неоднократно отклонялась.

Если рассматривать эти недостатки на фоне того, что заявитель был вынужден жить в переполненных камерах, они лишь усугубляют нарушение статьи 3 Конвенции.

[1] [1] *Pluralitas non est ponenda sine necessitate* (лат.) – не следует множить сущее без необходимости (*примеч. редактора*)

Таблица 1

Номер камеры	Период содержания	Общее количество человек в камере	Общая площадь (кв. м)	Личное пространство (кв. м)	Площадь без учета санузла (кв. м)	Личное пространство (кв. м)
8/O	03–05.05.2010	5	22,88	4,58	20,98	4,19
8/O	08–09.05.2010	5	22,88	4,58	20,98	4,19
8/O	26.05.2010	5	22,88	4,58	20,98	4,19
8/O	03–04.06.2010	5	22,88	4,58	20,98	4,19
8/O	17–19.06.2010	5	22,88	4,58	20,98	4,19
8/O	27–30.08.2010	5	22,88	4,58	20,98	4,19
8/O	07.09.2010	4	22,88	5,72	20,98	5,24
8/O	08–16.09.2010	5	22,88	4,58	20,98	4,19
8/O	18.09.2010	5	22,88	4,58	20,98	4,19
8/O	02–05.10.2010	5	22,88	4,58	20,98	4,19
8/I	06–07.10.2010	5	22,18	4,44	20,28	4,05
8/I	08–19.10.2010	4	22,18	5,55	20,28	5,07
8/I	20–21.10.2010	3	22,18	7,39	20,28	6,76
8/I	22. –23.10.2010	4	22,18	5,55	20,28	5,07
8/I	24–25.10.2010	5	22,18	4,44	20,28	4,05
8/I	29–30.10.2010	5	22,18	4,44	20,28	4,05
4/O	06–09.11.2010	5	22,36	4,47	20,46	4,09
8/O	01.03–15.03.2011	5	22,88	4,58	20,98	4,19

Таблица 2

Номер камеры	Период содержания	Общее количество человек в камере	Общая площадь (кв. м)	Личное пространство (кв. м)	Площадь без учета санузла (кв. м)	Личное пространство (кв. м)
1/O	16.10–15.11.2009	6	19,7	3,28	17,8	2,96
1/O	16–19.11.2009	5	19,7	3,94	17,8	3,56
1/O	20.11.2009–05.02.2010	6	19,7	3,28	17,8	2,96
1/O	06–08.02.2010	5	19,7	3,94	17,8	3,56
1/O	09–10.04.2010	6	19,7	3,28	17,8	2,96
1/O	11–20.04.2010	5	19,7	3,94	17,8	3,56
8/O	21.04.2010	8	22,88	2,86	20,98	2,62
8/O	22–29.04.2010	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	30.04–02.05.2010	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/O	06–07.05.2010	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/O	10–25.05.2010	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/O	27.05–02.06.2010	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/O	05–16.06.2010	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/O	20–30.06.2010	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/O	01–02.07.2010	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	03–05.07.2010	8	22,88	2,86	20,98	2,62
8/O	06–17.07.2010	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	18.07–13.08.2010	8	22,88	2,86	20,98	2,62
8/O	18–26.08.2010	7	22,88	3,27	20,98	2,99
4/O	31.08–02.09.2010	8	22,36	2,80	20,46	2,55
4/O	03.09.2010	7	22,36	3,19	20,46	2,92
8/O	04–06.09.2010	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/O	17.09.2010	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/O	19.09–01.10.2010	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/I	26–28.10.2010	6	22,18	3,70	20,28	3,38
8/I	31.10–04.11.2010	6	22,18	3,70	20,28	3,38
4/O	05.11.2010	6	22,36	3,73	20,46	3,41
4/O	10–13.11.2010	6	22,36	3,73	20,46	3,41
4/O	14–18.11.2010	7	22,36	3,19	20,46	2,92
4/O	19–26.11.2010	8	22,36	2,80	20,46	2,55
4/O	27–30.11.2010	7	22,36	3,19	20,46	2,92
8/O	01–03.12.2010	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/O	04–09.12.2010	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	10–12.12.2010	8	22,88	2,86	20,98	2,62
8/O	13–21.12.2010	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	22–24.12.2010	8	22,88	2,86	20,98	2,62

Продолжение таблицы 2

Номер камеры	Период содержания	Общее количество человек в камере	Общая площадь (кв. м)	Личное пространство (кв. м)	Площадь без учета санузла (кв. м)	Личное пространство (кв. м)
8/O	25–31.12.2010	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	01–16.01.2011	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/O	17–25.01.2011	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	26–27.01.2011	6	22,88	3,81	20,98	3,49
8/O	28.01–23.02.2011	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	24–25.02.2011	8	22,88	2,86	20,98	2,62
8/O	26–28.02.2011	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	16.03.2011	6	22,88	3,81	20,98	3,49

Таблица 3

Номер камеры	Период содержания	Общее количество человек в камере	Общая площадь (кв. м)	Личное пространство (кв. м)	Площадь без учета санузла (кв. м)	Личное пространство (кв. м)
1/O	16.10–15.11.2009	6	19,7	3,28	17,8	2,96
1/O	20.11.2009–05.02.2010	6	19,7	3,28	17,8	2,96
1/O	09.02–10.04.2010	6	19,7	3,28	17,8	2,96
8/O	21.04.2010	8	22,88	2,86	20,98	2,62
8/O	22–29.04.2010	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	01–02.07.2010	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	03–05.07.2010	8	22,88	2,86	20,98	2,62
8/O	06–17.07.2010	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	18.07–13.08.2010	8	22,88	2,86	20,98	2,62
8/O	18–26.08.2010	7	22,88	3,27	20,98	2,99
4/O	31.08–02.09.2010	8	22,36	2,80	20,46	2,55
4/O	03.09.2010	7	22,36	3,19	20,46	2,92
4/O	14–18.11.2010	7	22,36	3,19	20,46	2,92
4/O	19–26.11.2010	8	22,36	2,80	20,46	2,55
4/O	27–30.11.2010	7	22,36	3,19	20,46	2,92
8/O	04–09.12.2010	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	10–12.12.2010	8	22,88	2,86	20,98	2,62
8/O	13–21.12.2010	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	22–24.12.2010	8	22,88	2,86	20,98	2,62
8/O	25–31.12.2010	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	17–25.01.2011	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	28.01–23.02.2011	7	22,88	3,27	20,98	2,99
8/O	24–25.02.2011	8	22,88	2,86	20,98	2,62
8/O	26–28.02.2011	7	22,88	3,27	20,98	2,99

VIII. ВЫВОД (§§ 60–63)

60. Конвенция и Протоколы к ней обладают полновесной юридической силой. Однако в европейском праве в области прав человека нет однозначного ответа на проблему порога нормативности по типу «или–или». Когда мягкое право выводится за рамки исключительной компетенции государств, его международная нормативность может повыситься при наличии определенных формализующих факторов. С учетом эволютивного толкования Конвенции и других «соглашений» и «рамочных решений» Совета Европы порог нормативности будет лежать там, где находятся потребности общества в «развитии прав человека» и содействии «экономическому и социальному прогрессу».

61. Формализованное мягкое право является источником права, имеющим «существенное значение» и «большой вес» в европейском праве в области прав человека. Европейские пенитенциарные правила и комментарий к ним являются прототипом мягкого права Совета Европы. Мне кажется, что решение большинства судей не согласуется с усилиями по реформированию пенитенциарного права, которые уже давно принимаются Советом Европы и остальным миром. Европейские пенитенциарные правила направлены на то, чтобы заставить государства «принять соответствующее национальное законодательство, в котором оговаривались бы конкретные стандарты, и обеспечить их осуществление», а эти реализуемые стандарты включают в себя определенные евро-

пейские «*минимальные* стандарты»: нужно установить «четкие требования к минимальным размерам камеры». Логическая ущербность излишнего довода большинства судей очевидна: когда дефицит личного пространства оправдывается импрессионистским представлением об общей ситуации в пенитенциарном учреждении, компенсирующие факторы превращаются в простой маскарад, прикрывающий снижение общего уровня защиты прав заключенных.

62. В настоящем Постановлении игнорируется то, с чем единогласно согласились представители 47 демократически избранных органов власти европейских стран в Комитете министров Совета Европы, и, более того, заслуживающая всяческого одобрения работа выдающихся экспертов в области права, медицины, психологии, социологии и пенологии, в частности, в рамках ЕКПП и Совета по пенологическому сотрудничеству Совета Европы.

63. Не уделив дóлжного внимания источникам права самого Совета Европы и игнорировав формализацию положений мягкого права в области пенитенциарных стандартов в Европе и во всем мире, большинство судей установили стандарт, который приведет к строго казуистическому применению Конвенции, определяющемуся обстоятельствами конкретного дела, и создаст широкие возможности для опасного снижения уже достигнутого самим Советом Европы уровня защиты прав человека. Принимая подобные постановления, ослабляющие систему защиты прав человека Совета Европы изнутри, Европейский Суд не только мешает работе других органов Совета Европы, но и, что еще хуже, усиливает мнение о непоследовательности европейской системы защиты прав человека.

Права и ограничение ответственности

Электронное периодическое издание «Прецеденты Европейского Суда по правам человека» (свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 – 58098) является средством массовой информации в соответствии с Законом Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» и предназначено для обеспечения доступа к информации о деятельности Европейского Суда по правам человека и Совета Европы.

Исключительные права на литературные произведения и переводы, опубликованные в электронном периодическом издании, принадлежат ООО «Развитие правовых систем».

© ООО «Развитие правовых систем», 2017

Использование материалов электронного периодического издания «Прецеденты Европейского Суда по правам человека» возможно только с письменного разрешения правообладателя.

Единственно аутентичными текстами постановлений и решений Европейского Суда по правам человека, опубликованных в издании, являются тексты на французском и английском языках. Переводы на русский язык не носят официального характера и не обязывают Совет Европы и его органы, а равно Европейский Суд по правам человека.